

2

2023

ISSN 0132-1625

СОЦИОЛОГИЯ

Власть и бизнес в малом городе: проблемы взаимодействия

Фаворитизм в организациях: мнение руководителей и подчиненных

Вызовы для социологии

Каким молодежь видит свое будущее?

Затрагивает ли прекаризация занятости все сферы жизни?

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- 3 ЧИРИКОВА А.Е., ЛЕДЯЕВ В.Г. Малый российский город: практики взаимодействия муниципальных властей и бизнеса
- 16 БАЛАБАНОВА Е.С., ПОРТНЯГИНА А.А. Феномен фаворитизма в российских организациях: предпосылки формирования и результаты
- 28 МАЙКОВА Э.Ю., СИМОНОВА Е.В. Взаимосвязь доверия к местному самоуправлению и участия в самоуправленческих практиках (на примере Тверской области)
- 41 НОВОКРЕЩЕНОВ А.В. Реформа местного самоуправления: процессы, проблемы, парадоксы

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 51 КРАВЧЕНКО С.А. Геополитические вызовы и отечественная социология

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- 63 ДАНИЛОВ А.Н. Программирующая роль культуры в теории социальной эволюции
- 72 ГАБДРАХМАНОВА Г.Ф. Языковой ландшафт российского города: социогуманитарные подходы изучения

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- 83 КИСИЛЕНКО А.В., ШАПОВАЛОВА И.С. Проектирование жизненного пути, или Каким молодежь видит свое будущее?
- 95 ШАШКОВА Я.Ю., АСЕЕВ С.Ю. Миграционные настроения и политические установки учащейся молодежи Сибири и Дальнего Востока: проблема соотношения

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 104 МАНУИЛЬСКАЯ К.М., СОЛОДОВНИКОВА О.Б., МАЛЬКОВА Е.Е. Субъективное благополучие россиян: предпенсионный возраст как фактор риска
- 115 КИЕНКО Т.С. Люди старшего возраста и пандемия: социальная эксклюзия, гетерогенность геронтогруппы и интерсекциональность возрастных неравенств
-

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 125 ДАВЫДОВ Д.А. Марксизм в плену у интерсекциональности

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 137 ДАДАЕВА Т.М., ШУМКОВА Н.В. Факторы вовлеченности студентов в деструктивные практики в реальном и цифровом пространстве
- 143 ТЮРИКОВ А.Г., ГРЫЗЕНКОВА Ю.В., КУНИЖЕВА Д.А. О финансовой культуре студенческой молодежи

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 150 АДАМЬЯНЦ Т.З. Социальная коммуникация в современном российском обществе
- 152 СКОБЕЛИНА Н.А. Вектор междисциплинарной платформы социальной работы в современной России
- 153 СКВОРЦОВ Н.Г. Журнал – это площадка для обсуждения новых идей, подходов, данных
- 154 Проблемы идентичности в современном Кыргызстане

ЮБИЛЕЙ

- 156 К 85-летию Н.В. Романовского

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 158 ТЕМНИЦКИЙ А.Л. Затрагивает ли прекаризация занятости все сферы жизни?

- 165 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: ВШЭ, 2022. **Рец. Р.Н. Абрамов; Козырьков В.П., Придатченко М.В., Шалютина Н.В.** Социология культуры в цифровом обществе: учебное пособие / Под ред. *В.П. Козырькова*. СПб.: Алетейя, 2021. **Рец. Г.С. Широкалова**)

IN MEMORIAM

- 173 Памяти Саймона Кларка

- 175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 6. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и обязательно три печатных экземпляра на адрес редакции. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции. Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2023 г.

А.Е. ЧИРИКОВА, В.Г. ЛЕДЯЕВ

МАЛЫЙ РОССИЙСКИЙ ГОРОД: ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ И БИЗНЕСА

ЧИРИКОВА Алла Евгеньевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (chirikova_a@mail.ru); ЛЕДЯЕВ Валерий Георгиевич – доктор философских наук, профессор департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (vledyaev@hse.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. Статья представляет результаты эмпирического исследования, проведенного в 2011–2015 и 2018–2020 гг. в четырех малых городах России. Анализируются материалы 133 глубинных интервью с представителями городских властей и бизнеса. Несмотря на политику централизации, в отношениях между местными властями и бизнесом сохраняется разнообразие. Городской бизнес слабо интегрирован и ориентируется в основном на неформальные взаимодействия с местными властями. Перемены в период между первым и вторым этапами исследования не были кардинальными, а степень асимметрии во взаимоотношениях городских властей и бизнеса не претерпела существенных трансформаций.

Ключевые слова: бизнес • власть • муниципалитет • малый город

DOI: 10.31857/S013216250022672-2

Введение. Характер взаимоотношений крупного и малого бизнеса с местными властями – традиционно центральная тема в изучении власти в локальных сообществах – и в классических исследованиях 1950–1970-х гг., начатых Ф. Хантером [Hunter, 1953] и Р. Далем [Dahl, 1961], и в многочисленных современных исследованиях городских режимов [Stone, 1989; Mossberger, 2009; Babic et al., 2021].

В России изучение власти и бизнеса началось в середине 1990-х гг. С этого времени исследователи активно включились в изучение власти и ее субъектов на региональном уровне [Лапина, Чирикова, 1999; Чирикова, 2010; Стремоухов, 2021]. В последние десятилетия объектом исследования социологов становятся властные практики в городских сообществах; при этом специальное внимание начинает уделяться бизнесу и его положению в локальных режимах [Петров, Титков, 2010; Витковская, Рябова, 2011; Тыканова, Хохлова, 2015; Чирикова, Ледяев, 2017а; Чирикова, Ледяев, 2017б; Ledyayev, Chirikova, 2020; Бедерсон, Шевцова, 2020; Маркин, Черныш, 2019; Черныш, Маркин, 2021].

В этих исследованиях рассматривались различные аспекты проблемы и обнаружены разные паттерны власти и взаимодействия бизнеса с другими локальными акторами. В центре внимания – участие бизнеса в деятельности местных органов власти, прежде всего легислатур [Фролова, Медведева, 2018; Витковская, 2020]. Особое место в исследованиях российских социологов и политологов занимала социальная ответственность бизнеса, в рамках которой рассматривались различные модели взаимодействия власти и бизнеса на поле социальной политики [Перегудов, 2003; Чирикова, 2005; 2007] и др. Интерес исследователей привлекали степень асимметрии в отношениях между муниципальными

властями и бизнесом [Чирикова, Ледяев, 2017а], коалиции власти и бизнеса, их вариации [Чирикова, Ледяев, 2017б], «машины роста» в российских городах [Тев, 2008; Тыканова, Хохлова, 2015], сравнительные исследования взаимодействия бизнеса и властей в российских регионах [Петров, Титков, 2010], факторы, обуславливающие ведущую роль бизнеса в городском политическом пространстве [Витковская, Рябова, 2011] и др.

Однако уровень изученности темы явно недостаточен: исследования редко опираются на интервью с наиболее влиятельными акторами (которые резонно считаются наиболее важным каналом получения информации о властных практиках) и обычно не охватывают пространство малых городов. Наше исследование призвано восполнить этот пробел.

В данной статье рассматривается взаимодействие муниципальных властей и бизнеса в динамике. При анализе властных практик мы используем традиционную концепцию власти как способности и возможности субъекта навязать волю объекту («власть над») [Ледяев, 2001: 25–88]. Субъектами власти в исследовании выступают ключевые индивидуальные и коллективные акторы локального уровня. Субъекты власти имеют различный потенциал влияния друг на друга и на других акторов. Степень асимметрии может варьироваться в широком диапазоне – от явного доминирования одной стороны, при отсутствии сопротивления другой, до относительного паритета.

Характер взаимоотношений между акторами во многом определяется набором ресурсов власти, которыми они обладают и используют для позиционирования в отношениях друг с другом. Отношения власти и влияние вариативны и репрезентируются через широкий спектр паттернов – от грубой силы и открытого принуждения до мягких форм влияния и тонких манипуляций, не осознаваемых объектом [Ледяев, 2001: 282–303].

Основные эмпирические данные получены в исследованиях в четырех малых городах в Пермском крае (X, Y), Тамбовской (A) и Ивановской (C) областях. Исследование проводилось в два этапа: в 2011–2015 гг. и в 2018–2020 гг. Цель второго этапа – показать динамику отношений власти и бизнеса, которую можно выявить на относительно продолжительном временном отрезке, зафиксировав баланс сохранения/изменения ситуации во взаимоотношениях между основными акторами.

Выбор конкретных городов для исследования во многом обусловлен их относительной доступностью для проведения исследования. Все города – административные центры, имеют сравнительно сопоставимую численность населения (41–80 тыс. жителей) и зависят от региональных и федеральных трансфертов, т.е. являются городами-реципиентами, что типично для малых российских городов. Один из городов (Y) – моногород, который ко второму этапу исследования резко снизил свой социально-экономический потенциал и фактически отошел от участия в городской политике.

Всего проведено 133 глубинных интервью, 68 на первом этапе, 65 – на втором. Интервьюируемые были ключевые фигуры городской политики и бизнеса: региональные руководители (10), действующие и бывшие главы городов (14), заместители глав (12), руководители управлений исполнительной власти, включая пресс-секретарей (16), председатели городских дум и советов (9), депутаты (16), бизнесмены и директора предприятий (26), главные редакторы местных газет и телевидения, журналисты (8), лидеры местных партийных организаций (12), эксперты (10)¹.

Получение информации через глубинные интервью – доминирующий тренд в изучении локальной политики, а изучение кейсов – наиболее популярный метод исследования [Cochrane, 1998; Wanna, 2014]. Кейсы не могут рассматриваться как «репрезентативные»

¹ При выборе фигур для интервью мы ориентировались на наиболее влиятельных акторов, представляющих структуры публичной власти и бизнеса. Остальные участники исследования, например эксперты и журналисты, привлекались как лица, способные оценить ситуацию «извне». Руководители партий были включены в выборку по той простой причине, что весьма часто тонкие вопросы отношений бизнеса и власти обсуждаются именно на партийных заседаниях, на которых нередко присутствуют главы городов.

для анализа взаимоотношений бизнеса и властей в российских городах, но они дают материал, позволяющий делать более широкие обобщения [Lowndes, Leach, 2004].

Материалы интервью подвергались тщательному анализу с использованием принципа «рефлексивной дистанции». Это позволяло «очистить» информацию от непреднамеренных субъективных искажений. Тексты интервью разбивались на тематические блоки, в зависимости от полученной от респондентов информации и целей исследования. Далее полученные оценки становились предметом концептуальной интерпретации и системного анализа, при котором особое внимание уделялось их противоречивости или непротиворечивости. В ходе интервью мы стремились уходить от социально одобряемых ответов респондентов за счет уточняющих вопросов. Полученная информация проверялась перекрестными вопросами, что позволяло снизить эффект социальных ожиданий.

Обнаруженные нами паттерны взаимоотношений между городскими властями и бизнесом в четырех малых городах не претендуют на полноценную типологию. Описывая четыре несколько различающихся комплекса практик взаимоотношений городских властей и бизнеса и их динамику, мы ориентировались на следующие основные параметры: *соотношение формального и неформального, симметрии/асимметрии, автономии/зависимости, стабильности/изменчивости и мотивация сторон*.

На втором этапе сформулированы следующие гипотезы:

1. С большой долей вероятности динамика взаимодействия представителей городских властей и бизнеса зависит от их персональных качеств, а также от ресурсной базы ключевых локальных акторов.
2. С ухудшением социально-экономического положения в исследуемых городах у локальной элиты возрастает запрос на лидерские качества глав городов.

Город А: от раздельного существования к ограниченному партнерству. В период первого этапа исследования муниципальные власти и местный бизнес существовали практически автономно друг от друга. Ни со стороны властей, ни со стороны бизнеса не было ориентации на тесное сотрудничество и выстраивание коалиций.

Причин несколько. Судя по всему, вероятность складывания полновесных коалиций в малом городе изначально невелика в силу ограниченного числа реальных акторов и тесных неформальных связей между ними («здесь все друг друга знают с детского возраста и помнят все промахи каждого»).

Другой причиной было отсутствие сильной мотивации к сотрудничеству со стороны главы администрации города в силу ограниченного ресурсного потенциала местного бизнеса, ориентации на помощь региональных властей (а не местного бизнеса) и нежелания идти на малейший риск, всегда сопровождающий неформальные отношения с бизнесом («никогда шеф тихо с бизнесом не договаривается»).

Местный бизнес данная ситуация в целом устраивала («если нет проблем, то и незачем друг к другу обращаться»; «бизнесу надо, чтобы власть ему не мешала»). Крупный бизнес, представленный несколькими предприятиями, полагал, что «власть слишком бедна, чтобы быть интересной»; малый бизнес побаивался власти, потому что «не безгрешен, и не все вопросы можно решить законно» (по мнению одного из городских бизнесменов).

Реальных организаций бизнеса, способных его консолидировать и действовать от его имени, в городе не было («сами предприниматели даже не попытались создать свою организацию в городе»). Поэтому между городскими властями и отдельными представителями бизнеса имели место эпизодические, чаще неформальные контакты для решения отдельных конкретных вопросов («все ситуативно») без действенных попыток обсуждения и решения стратегических для города вопросов. Открытых конфликтов и принуждения со стороны администрации не было («санкций никто никогда к ним не применяет»), однако «когда надо помочь бабуле, а бюджет не резиновый, то я начинаю подтягивать предпринимателей, писать письма, прося о помощи... Нередко я пишу, что в случае невыполнения

обращения, материал будет направлен губернатору. Раз – и все сразу решается» (пресс-секретарь главы города, 1-й этап исследования).

Спустя восемь лет ситуация несколько изменилась. Изменения, как и ожидалось, были обусловлены персональным фактором. Глава города, вступивший в должность через год после проведения первого этапа исследования, с самого начала попытался активизировать взаимодействие с малым бизнесом, прежде всего, в реализации социальных программ. При этом, что отмечают и респонденты, он полностью прекратил «поборы» с бизнеса: *«Люди сами все приобретают и покупают. Я им говорю, что надо. А сам я к этому не касаюсь. Все уже знают, что я денег не возьму»* (глава города).

Расчет был сделан на пул предпринимателей, готовых осознанно и добровольно участвовать в социальных проектах (*«Есть когорта предпринимателей, которых мы постоянно отмечаем. Здесь помогли, там помогли»*). Эти люди, по отзывам респондентов, инициируют различные формы помощи городу. Администрация в лице главы города обеспечивает им моральную поддержку: *«Я мотивирую предпринимателей участвовать в социальных проектах тем, что они жители нашего города»*. При этом он, как и его предшественник, категорически отказывается переходить на неформальный уровень взаимодействия, предполагающий те или иные персональные предпочтения отдельным бизнесменам. *«Преференций никому не обещаю. Если бизнесу что-то надо, пожалуйста, но только в рамках законодательства»*, – замечает глава города.

Бизнесмены, участвующие в городских социальных программах, подчеркивают, что не руководствуются прагматическими мотивами. Типичные объяснения при этом: *«я живу в этом городе и хочу ему помогать»; «почему я помогаю? ... Я вспоминаю историю города. Меценаты были всегда. Были купцы. Были зажиточные люди. Я знаю, что это выстрадавший мною бизнес. Я его поднял сам. И я рад, что могу помочь городу, как бы ни было трудно»*.

Разумеется, не все респонденты убеждены в бескорыстности главы города и сотрудничающих с администрацией предпринимателей. Но, судя в том числе и по материальному положению главы города, о его теневых отношениях с бизнесом вряд ли можно говорить: *«У действующего главы нет коалиций ради личных выгод. Это бы было заметно. Он живет в съемной квартире»*, – напоминает один из предпринимателей, широко известный в городе своими меценатскими программами. Принимая помощь бизнеса в реализации социальных программ, власти города стараются, в свою очередь, активизировать посильную помощь в решении отдельных вопросов (*«мы взаимодействуем с городской властью по поводу привлечения персонала»*). Респонденты-предприниматели в целом весьма позитивно оценивают эти усилия (*«если бы я не ощущал его [главы города] поддержки, я бы не мог работать»*, – считает один из директоров завода, который в настоящее время находится в трудном положении).

Однако в целом сравнительно автономное существование муниципальных властей и бизнеса сохраняется. Крупный бизнес (несколько предприятий пищевой промышленности) находится на грани выживания и не готов к серьезным совместным проектам, а «коалиция патриотов», сформировавшаяся при новом главе города, хотя и оказывает реальную помощь городу, не может претендовать на статус полноценного городского режима в силу ограниченности ее возможностей и узкой направленности деятельности. Однако отношения между бизнесом и муниципальными властями остаются равными, без серьезного взаимного давления.

Город X: неформальная составляющая взаимоотношений бизнеса и власти возрастает. Ситуация во взаимоотношениях городских властей и бизнеса в X имеет ряд различий с А в степени выраженности тех или иных практик и/или тенденций.

В X бизнес разобщен, и эта разобщенность со временем скорее усиливается. Во время проведения второго этапа исследования организации бизнеса в X либо перестали существовать, либо приобрели уж совсем формальный характер: *«Ассоциация на бумаге существует. Она по-прежнему собирается. Но кое-кто выхолостил из ассоциации всех, кто*

думает по-другому. Это прикормленные председателем думы люди», – с горечью признал бывший мэр города, создававший эту ассоциацию предпринимателей.

Разобщенность бизнеса в Х способствует автономному сосуществованию местных властей и бизнеса. Однако, в отличие от А, власти Х более склонны к использованию давления на бизнес («Если вы будете общаться в доверительной форме с предпринимателями, то каждый из них вам скажет, что деньги у них выманиваются... Каждый год к ним приходят и просят деньги на день города», – замечает один из предпринимателей). Лояльность властей – это важное условие выживания и/или процветания бизнеса, поскольку их возможности реального влияния на бизнес очень велики: «У власти есть столько способов на меня надавить. И бизнеса завтра не будет... Так что с властью спорить не надо. И если просит – следует подчиниться», – отмечает директор завода в Х.

Местные чиновники, разумеется, также предпочитают лояльность конфронтации. «Бизнес зарабатывает деньги на территории, а потому любое предприятие, которое приносит налоги, – это курица с золотыми яйцами... Лучше я переговорю с человеком и договорюсь, чем я буду его душить», – такова установка главы города. Однако возможность «душить» хорошо осознается обеими сторонами, выступая немаловажным фактором во взаимоотношениях бизнеса и власти, способствующим формированию и воспроизводству иерархии и доминирования последней.

В отличие от А, где руководители города опасались рисков, сопровождающих неформальные отношения с бизнесом, в Х руководители были не столь щепетильны. Поэтому неформальная компонента в отношениях с бизнесом была более заметна. В большей степени это касалось малого и среднего бизнеса. Предприниматели заняты решением своих проблем, договариваясь с властью на неформальной основе и не стремясь к координации усилий и формированию своих организационных структур, полагая, что могут выжить в одиночку.

В этих условиях естественным образом формируются теневые неформальные отношения между руководством города и отдельными группами бизнесменов. Неформальные связи, как показало исследование, формировались прежде всего в сферах, непосредственно связанных с персональными и/или корпоративными интересами чиновников. У главы администрации города на первом этапе исследования сложились прочные неформальные связи со строительным, торговым и рыночным бизнесом; при этом он сам фактически владел и руководил многими коммерческими структурами. Наиболее тесные отношения у него сложились со строительным бизнесом: «Глава администрации – строитель. У него одна из крупных строительных фирм... На сегодня это для него главное. Эта коалиция очень сильна... Всем это сегодня выгодно... обеим сторонам», – замечает заместитель главы города.

С течением времени ориентация на персональные выгоды во взаимоотношениях главы администрации города с местным бизнесом только усилилась: «Глава не чурается за счет пользы народу свои интересы реализовывать. Заказы отдаются аффилированным с ним компаниям или просто его компаниям», – поясняет один из городских бизнесменов.

Одновременно снижалась ориентация на социальные проекты и благотворительность. Как отмечают респонденты, стабильно помогают городу реализовывать социальные программы и осуществлять поддержку нуждающимся лишь известные в городе собственники одного из немногих динамично развивающихся предприятий. Однако эта деятельность не находит поддержки у главы города, вступившего в должность в период проведения второго этапа: «Они помогают восстанавливать церкви, ни одно заметное мероприятие не проходит без их участия и помощи. Глава их не замечает. Более того, он ставит им свои условия поддержки, не считаясь с их договоренностями с людьми», – считает один из оппозиционных депутатов. Поэтому, за исключением филиала крупной европейской фирмы, обладающей солидными финансовыми ресурсами и реальной автономией, бизнес в городе чувствует себя некомфортно.

За восемь лет, прошедших между этапами нашего исследования, сменился глава города, положение бизнеса и экономическая ситуация в городе в целом существенно ухудшились, а напряжение во взаимоотношениях бизнеса и властей возросло. В этом респонденты единодушны: *«Городская власть в отношении бизнеса ведет себя по-хамски... Режет курицу, которая несет золотые яйца... В 2018 году глава на Дне предпринимателя сказал, казалось бы, стандартную фразу с одной целью – приблизить себя к бизнесу. “Я такой же как вы... Я вышел из бизнеса. Я вас прекрасно понимаю”. Ухмылки на лицах предпринимателей надо было видеть... Все отлично знают, что никого он не понимает. И знать не знает»,* – вспоминает известная в городе журналистка.

Сам глава города признает, у него есть проблемы во взаимоотношениях с бизнесом: *«В принципе у нас с бизнесом есть контакт, но получается не все. Мы готовы отработать правила игры с бизнесом, что город должен дать бизнесу, а что бизнес – городу. Это двухсторонний процесс...».*

Нашими респондентами справедливо отмечалось снижение авторитета руководства города у населения и значительной части местной элиты, которая не верила в его возможность исправить ситуацию. Ожидаемые перемены произошли спустя месяц по окончании второго этапа исследования: глава города был снят с должности, а его место занял бывший глава района, который пользуется авторитетом у бизнеса. Учитывая значимость персонального фактора в локальной политике, это дает надежду на позитивные перемены, в том числе во взаимоотношениях власти и бизнеса.

Город Y: От ведущей роли градообразующего предприятия к симметричным отношениям. Специфика взаимоотношений городских властей и местного бизнеса обусловлена тем, что Y – это моногород, в котором экономическая ситуация во многом зависит от градообразующего предприятия. По оценкам респондентов, в моногороде в период первого этапа нашего исследования было три примерно равных центра силы: руководства города, района и градообразующего предприятия. В этом «треугольнике власти» лидерство смещалось от одной вершины к другой. Наиболее влиятельным актором являлся директор градообразующего предприятия. Это обуславливалось доминирующей ролью завода в экономической и социальной жизни города. Отмечались и персональные качества директора, и наличие солидной группы депутатов в местных парламентах, формально и неформально аффилированных с заводом. В целом включенность завода в локальный политический процесс была весьма высокой.

В этот период между руководством завода и главой города сложились тесные отношения; постоянная коммуникация позволяла находить взаимовыгодные решения, несмотря на разногласия. В отличие от X, где имела место очевидная асимметрия в отношениях между властями и бизнесом, в Y потенциал влияния бизнес-сообщества, возглавляемого градообразующим предприятием, и муниципальных властей внешне был вполне сопоставим.

Коалиции власти с другими представителями городского бизнеса прослеживались не столь явно. Однако они были, особенно в сфере социальных проектов. По мнению респондентов, строились они главным образом на технологии откатов: *«Единственное, в чем власть и бизнес взаимодействуют, – это разные конкурсы. Здесь для власти важно, чтобы выиграли свои. Со своими есть договоренность – будет откат»,* – замечает известный в городе журналист, депутат городской думы.

Респонденты уверены, что у главы города были скрытые договоренности со строительным и дорожным бизнесом, выгодные и представителям власти, и строительным компаниям. Тесно взаимодействовали городские власти с управляющими компаниями в сфере ЖКХ и ремонта. Здесь вращались в то время довольно большие (по меркам малого города) деньги, и обе стороны научились их присваивать через «неучтенные потоки». Особое доверие оказывалось «людям из близкого круга», а легитимизация решений осуществлялась через депутатский корпус. Это не только обеспечивало явные преимущества определенным бизнес-структурам и способствовало их обогащению, но и ограничивало шансы и возможности других участников рынка в Y. О «беспределе» в сфере

строительного бизнеса высказываются многие респонденты. Местный бизнесмен: «Я не могу строить в городе. Все что мы строим, мы строим с такими проблемами, что это трудно описать».

Спустя восемь лет ситуация в У претерпела существенные изменения. Произошло ослабление политической и социальной роли градообразующего предприятия: «Завод сегодня не является экономическим и политическим лидером... Политическое влияние завода на территорию резко упало... И это главная трансформация, которая произошла», – констатирует глава города. Местная легислатура перестала быть открыто «прозаводской»: в думу были избраны только два представителя от завода.

Однако уход руководства завода из городской политики не привел к разрушению системы представительства его интересов в структуре муниципальной власти. Сегодня практически все респонденты считают едва ли не наиболее влиятельной фигурой в городе председателя думы, ранее работавшего начальником отдела по связям с общественностью и общим вопросам градообразующего предприятия, который по-прежнему ощущает себя связанным с заводом. До прихода на данную должность он успел активно поучаствовать в самых разных формах политической деятельности – административной, депутатской, партийной, профсоюзной, предвыборной, PR, возглавляя соответствующие структуры и будучи неформальным лидером. Все респонденты подчеркивают его незаурядные деловые и персональные качества. Если раньше он был скорее теневым лидером, то теперь «вышел из тени и стал одним из первых лиц». Он уверен, что его статус позволяет серьезно влиять на происходящие в думе процессы: «Директор завода спокоен, потому что я в депутатском корпусе».

В меньшей степени изменения коснулись взаимоотношений городских властей с малым и средним бизнесом. Как и ранее, малому бизнесу сложно и, как отмечают респонденты, «заметного развития малого бизнеса в городе нет». Есть и позитивные моменты. В частности, респонденты отмечают важный для развития городского бизнеса проект по обучению местных предпринимателей, реализуемый градообразующим предприятием, а также реально работающий бизнес-инкубатор. Немалую роль в этом играет образование территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), благодаря которой предпринимательский слой значительно расширился и продолжает расширяться. Происходит это за счет весомой поддержки со стороны региональных властей.

Как и в других городах, малый бизнес в У разрознен («Предприниматели не понимают друг друга. Они разрознены, потому что у каждого свои головные боли», – замечает депутат местной легислатуры). Однако наши респонденты гораздо менее склонны, по сравнению, например, с респондентами Х, говорить о давлении на бизнес со стороны городских властей: «Сказать, что власть мне в чем-то мешает, не могу. Если у тебя здравые запросы, то, наоборот, где-то помогает, ускоряет процессы. У других предпринимателей, с которыми я общаюсь, настрой плохой. Но не обязательно, что они правы», – подтверждает известный в городе предприниматель, депутат городской думы.

Гораздо меньше, чем раньше, наши респонденты говорили и об отношениях между властями и бизнесом, выстроенным ради извлечения личной выгоды. Сами руководители города, разумеется, подчеркивают, что их деятельность направлена исключительно на благо жителей города. При этом, как и в А, они не склонны возлагать на местный бизнес особые надежды. Глава города, по оценкам респондентов, не рискует выходить в поле неформальных договоренностей с местным бизнесом: «Коалиции с бизнесом? Я местный бизнес уже перерос. С местным бизнесом создавать коалиции мне рискованно. Маленький масштаб». На вопрос о том, выходили ли к нему с соответствующими предложениями бизнесмены, рассчитывавшие на получение личной выгоды от взаимодействия с властями, он не колеблясь ответил: «Безусловно, некоторые предприниматели пытаются со мной договариваться... Для меня это не первое предложение... Я не готов с местным бизнесом строить какие-либо коалиции на неформальной основе».

Таким образом, некоторые изменения в отношениях между городскими властями и бизнесом дают повод для умеренного оптимизма, хотя перспективы развития У, как и других городов, во многом определяются внешними факторами.

Город С: Теневые отношения бизнеса в условиях слабой муниципальной власти сохраняются. Специфику взаимоотношений между местными властями и бизнесом во многом определяла частая смена первых лиц в руководстве города: в год проведения первого этапа исследования четыре человека возглавляли администрацию, постоянно менялись и руководители местной легислатуры. В результате обе ветви муниципальной власти были серьезно ослаблены, что стало одновременно источником и следствием более интенсивного, по сравнению с другими городами, вмешательства региональных властей в управление городом [Ledyayev, Chirikova, 2019].

В этой ситуации можно было ожидать возрастания роли бизнеса в стратегии развития города, однако, по мнению респондентов, этого не произошло. Как и в других городах, бизнес разобщен; поэтому между часто меняющимися фигурами в руководстве муниципалитета и бизнесом так и не сложились отношения, способствовавшие развитию города и повышению благосостояния граждан. В отдельные периоды отношения между бизнесом и властью оказались крайне непрозрачными и, как утверждали респонденты, осуществлялась *«защита бизнеса по всем фронтам ради личной выгоды»*.

Один из бывших глав администрации, проработавший на своей должности три года, открыто защищал и лоббировал интересы определенных групп, по сути, не скрывая своей заинтересованности. Наряду с протекцией «своему» бизнесу, он активно способствовал назначению своих людей в управляющие компании, что позволяло ему оказывать небескорыстное влияние на деятельность этих структур. При этом, по мнению информантов, для того чтобы *«войти и обеспечить себе доходный бизнес»*, он фактически осознанно «развалил» городские муниципальные предприятия.

Сменившая его глава администрации снискала «славу» благодаря связям с криминальным бизнесом (*«транспорт и рынки, это все у нее»*). Следующий глава администрации объявил войну коррупции, обещал навести порядок и выстроить формальные площадки взаимодействия с местным бизнесом, в частности, им были созданы Совет директоров и Координационный совет по малому и среднему бизнесу. Однако через год он оказался в тюрьме за получение взятки от одной из компаний.

Восприятие респондентами деятельности местных властей и их взаимодействия с бизнесом в С на первом этапе исследования оказалось наиболее критичным, а оценки соотношения социальных и корпоративных (личных) ориентаций были явно в пользу последних. Связи чиновников и бизнесменов, по мнению респондентов, часто фокусировались исключительно на извлечении собственной выгоды, а собственно социальный аспект этих связей, связанный со стратегией развития города и достижением блага его жителей, обычно отходил на задний план или вовсе отсутствовал. Это не позволяло говорить о наличии полноценных коалиций и объединений, направленных на достижение общественного блага. Таким образом, в отношениях между слабой муниципальной властью и разобщенным бизнесом, с одной стороны, не было явной асимметрии и жесткого давления. С другой стороны, их относительная автономия стимулировала отношения, в которых общее благо часто не было основанием реальной повестки, а преобладали теневые связи, в том числе криминальные, ориентированные на личное обогащение.

Спустя восемь лет характер отношений между местными властями и бизнесом существенно не изменился. Действовавший в период второго этапа исследования глава города хотя и не был замечен в криминальных связях, не смог выстроить эффективных взаимоотношений с бизнесом, особенно с малым и средним (*«Я не знаю таких бизнесменов, кто комфортно чувствует себя при нынешнем главе. Может, такие предприниматели и есть. С которыми у главы личные знакомства... Но у большинства с ним проблемы»*), – считает один из городских бизнесменов). Одна из основных причин – ему не удалось выработать правил взаимодействия с бизнесом, что воспринималось бизнесом как нежелание учесть его интересы.

Респонденты объясняли это, прежде всего, отсутствием у главы должных управленческих и человеческих качеств. Некоторые были уверены, что он с самого начала игнорировал малый и средний бизнес: *«С бизнесом у главы никаких отношений нет. Его не переваривают, не воспринимают. Ни один вопрос для бизнеса он не решает. Он не может найти общего языка с лидерами бизнеса. Он сам не может. Упывает на своих местечковых помощников, которых никогда нет на месте. Как и его самого»*, – такова позиция другого известного бизнесмена.

Основная проблема отношений бизнеса и городских властей – неисполнение обещаний, данных бизнесу. Городские власти даже отказывались вовремя платить предпринимателям, с которыми были заключены контракты на оказание услуг. Именно поэтому, как подчеркивает руководитель местного отделения «Опоры России», местные предприниматели ориентируются не на главу города, а на губернатора: *«Вновь пришедший губернатор более адекватен, нежели глава города, в отношении к малому бизнесу. Он понимает, что надо создать условия, механизмы, которые комфортны для бизнеса. Он согласен с нами разговаривать и нас слышать»*.

Естественной в этих условиях стала отставка главы города. На его место пришел опытный администратор (73 года) с советским опытом работы (бывший секретарь обкома КПСС), которому удалось несколько улучшить взаимодействие с местным бизнесом. Однако считать этот процесс законченным вряд ли возможно.

Заключение. Несмотря на политику централизации, разнообразие практик взаимодействия между бизнесом и местными властями сохраняется, а с течением времени они могут претерпевать заметные изменения. Спектр отношений широк – от давления местных властей на малый бизнес с целью опосредованным образом получить от него финансирование на реализацию социальных программ (чаще всего под давлением оказывался малый бизнес в С и Х) до взаимовыгодного сотрудничества, когда обе стороны, помогая друг другу, стремятся извлечь пользу из складывающихся отношений. Главы-прагматики, по собственной оценке, «никогда не будут резать курицу, несущую золотые яйца». Слабые и неэффективные главы предпочитают «давить на бизнес», в то время как сильные городские лидеры предпочитают договариваться. Давление на бизнес особенно заметно на примерах городов Y (первый этап исследования), X (второй этап исследования) и С (оба этапа).

Отношения властей с крупным бизнесом, как показывает кейс Y, строятся чаще всего на взаимном учете интересов обеих сторон; однако крупный бизнес всегда имеет выбор – помогать городу в реализации социальных программ или отказать в помощи. На первом этапе исследования градообразующее предприятие активно участвовало в оказании помощи городу; на втором поддержка значительно сократилась как из-за финансовых проблем из-за кризиса, так и в связи с изменением политики собственников, которые свернули многие социальные проекты ради сокращения непрофильных расходов.

Если анализировать само бизнес-сообщество, то обращают на себя внимание его слабая интегрированность и ориентация на индивидуальные отношения с властями, выстроенные на неформальной основе. Несколько отличается ситуация в Y, где экономическим центром выступает градообразующее предприятие. Но ни в одном из городов респонденты не отметили сколь-нибудь значимой роли организаций бизнеса, хотя в каждом они формально существуют.

Не следует полагать, что неформальные отношения всегда имеют исключительно негативный эффект. Присутствие неформальных правил обусловлено не только стремлением акторов к расширению возможностей для продвижения собственных интересов, но и связано с ростом неопределенности, вызванной разными внешними и внутренними факторами, а также быстрыми изменениями в управленческой ситуации. В этих условиях и у властей, и у бизнеса возникает естественное стремление взаимодействовать друг с другом, не (особо) считаясь с формальными правилами (*«это проще, нежели все время руководствоваться формальными предписаниями»*).

Однако превалирование неформального момента во взаимоотношениях между акторами естественно усиливает их ориентацию на корпоративные и персональные цели, в ущерб коммунарным мотивам. В разной степени это имело место во всех городах, в меньшей – в А, в наибольшей – в Х и С.

В городе А стремление руководства муниципалитета властей на первом этапе избежать взаимно обязывающих теневых договоренностей с бизнесом компенсировалось сложившимися отношениями с руководством региона, способствовавшими получению дополнительных возможностей для реализации социальных программ, находившихся в центре внимания в городе со слабым экономическим потенциалом. Однако недовольство части местного бизнеса (первый этап исследования) способствовало замене руководства муниципалитета и коррекции курса на втором этапе, сделанной новым главой города, создавшим «коалицию патриотов-бизнесменов». В результате более тесные отношения между властями и бизнесом в целом позитивно повлияли на социально-политическую ситуацию в городе.

В городе Х местные руководители активнее ориентировались на взаимодействие с местным бизнесом, однако баланс общественных и персональных выгод, извлекаемых сторонами, явно нарушался в пользу последних. При этом взаимодействие часто имело избирательный характер, которое мы ранее обозначили как «коалиция со своими» [Чирикова, Ледаев, 2017б].

Динамика перемен варьировалась. В меньшей степени отношения между городскими властями и бизнесом изменились в С, хотя именно там чаще всего менялись руководители города. В городе Х ситуация скорее ухудшалась вместе с ростом теневых неформальных отношений, выстроенных прежде всего для извлечения персональных выгод. В городах Y и А тенденции были скорее позитивными. В Y уход градообразующего предприятия из пространства локальной политики, хотя и создал определенные проблемы в балансе интересов, не был болезненным, поскольку интересы предприятия были представлены топ-менеджером предприятия, занимавшим пост руководителя законодательной власти. В А вместе со сменой главы администрации стало развиваться взаимодействие с бизнесом, выгодное как для обеих сторон, так и для жителей города.

Исследование подтвердило гипотезу о значимости персонального фактора в локальной политике. Именно изменения в пуле ключевых фигур в муниципалитетах и руководстве крупных бизнес-структур обычно определяли динамику отношений между властями и бизнесом. В городе А изменения обозначились вместе с приходом нового главы города, в Y наибольшее влияние на ситуацию оказала смена собственников и директора градообразующего предприятия. В городе С не обнаружено значительных перемен, поскольку постоянно меняющиеся руководители города фактически придерживались одинаковых негативных установок во взаимоотношениях с бизнесом. Два руководителя исполнительной власти в этом городе были настолько неавторитетны у бизнеса, что давление на него привело не к его, пусть и вынужденному, включению в социальную политику, а к полному уходу бизнеса из пространства городской политики.

В городе Х стабильность (со знаком минус) во взаимоотношениях между властями и бизнесом, наблюдавшаяся и на первом, и на втором этапах исследования, была обусловлена длительным пребыванием одного человека на должности главы администрации, игравшего ключевую роль в управлении городом. Его преемник фактически находился под контролем бывшего босса, поставившего его на эту должность, и во многом копировал паттерны поведения своего шефа, в том числе и в отношении городского бизнеса. Оказавшись полностью несостоятельным как управленец, он значительно ухудшил отношения с местным бизнесом.

Гипотеза о влиянии уровня социально-экономического положения города на отношения власти и бизнеса также подтвердилась. В условиях кризиса запрос на лидерство со стороны глав городов становится все более определяющим в оценках локальных элит, а те главы, которые не могут на него ответить, могут лишиться должностей, в том числе по инициативе местных элит.

Конкретные изменения не всегда поддаются точной оценке, особенно с учетом того, что мнения респондентов субъективны. Тем не менее исследование показало, что респонденты, сменившие свои статусные позиции на втором этапе исследования, принципиально не изменили представлений о характере отношений власти и бизнеса в своих городах.

Мы можем сделать осторожный вывод о том, что чисто корыстные практики взаимодействия в большинстве городов (наиболее заметные в X, Y, C) скорее сужаются; при этом неформальные отношения сохраняются, но используются и на благо города.

Другой стороной этого процесса, в условиях социально-экономического кризиса и ковидных ограничений, может стать снижение степени автономии малого и среднего бизнеса, что приведет к концентрации власти в публичных (государственной и муниципальной) структурах. Это даст политико-административной элите локальных сообществ дополнительные ресурсы воздействия на бизнес. Не исключен и прямо противоположный тренд: сужение ресурсной базы малых городов и усиливающийся кризис могут привести к смягчению асимметрии во взаимоотношениях властей и бизнеса, поскольку в трудное время легче выживать, помогая друг другу и избегая конфликтов.

Возникает вопрос, насколько описанные практики взаимодействия власти и бизнеса характерны для других малых городов России? Мы не являемся сторонниками широких обобщений, так как убеждены – всякая генерализация результатов требует тщательной эмпирической проверки. Тем не менее можно предположить, что практики взаимодействия, построенные по модели давления или, напротив, паритета, широко распространены в российской реальности и зависят, прежде всего, от персональных качеств акторов и от их ресурсной базы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бедерсон В.Д., Шевцова И.К. Коалиции в обмен на лояльность? Отношения власти и строительного бизнеса в крупных российских городах (на примерах Перми и Екатеринбурга) // *Полития*. 2020. № 4. С. 153–175.
- Витковская Т., Рябова О. *Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы*. Екатеринбург: РИО УРО РАН, 2011.
- Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. *Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации*. М.: ИНИОН, 1999.
- Ледяев В.Г. *Власть: концептуальный анализ*. М.: РОССПЭН, 2001.
- Ледяев В.Г. *Социология власти: Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах*. М.: ГУ ВШЭ, 2012.
- Маркин В.В., Черныш М.Ф. (ред.). *Малые города в социальном пространстве России*. М.: ФНИСЦ РАН, 2019.
- Перегудов С.П. *Корпорация, общество, государство: эволюция отношений*. М.: Наука, 2003.
- Петров Н., Титков А. (ред.). *Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник*. М.: РОССПЭН, 2010.
- Стремоухов Д.А. *Оседлые бандиты и политики на подработке: исследования бизнеса и власти в российских регионах* // *Вестник Пермского университета. Сер. Политология*. 2021. № 1. С. 119–129.
- Тев Д.Б. *Владельцы и девелоперы недвижимости Калининграда: связи с властью и политические выгоды* // *Политическая наука*. 2008. № 3. С. 175–193.
- Тыканова Е.В., Хохлова А.М. *Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство* // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. № 2. С. 241–256.
- Фролова Е.В., Медведева Н.В. *Социальное партнерство бизнеса и власти: взаимные ожидания и тенденции развития в современных условиях* // *Социологические исследования*. 2018. № 2. С. 146–151.
- Черныш М.Ф., Маркин В.В. (ред.). *Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы*. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Чирикова А.Е. *Взаимодействие власти и бизнеса в реализации социальной политики: региональная проекция*. М.: НИСП, 2007.
- Чирикова А.Е. и др. *Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер?* М.: НИСП, 2005.
- Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. *Власть в малом российском городе*. М.: НИУ ВШЭ, 2017а.

- Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010.
- Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Коалиции власти и бизнеса в малых российских городах // Бизнес и власть в России: регуляторная среда и правоприменительная практика / Науч. ред.: А.Н. Шохин. М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 308–334.
- Babic M., Huijzeer J., Garcia-Bernardo J., Valeeva D. How does business power operate? A framework for its working mechanisms // *Business and politics*. 2022. Vol. 24. P. 133–150.
- Cochrane A. Illusions of power: interviewing local elites // *Environment and Planning A*. 1998. Vol. 30. No. 12. P. 2121–2132.
- Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in American City. New Haven: Yale University Press, 1961.
- Harding A. The history of community power // *Theories of Urban Politics*. Second edition / Ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 27–39.
- Hunter F. Community Power Structure. A Study of Decision-makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953.
- Jonas A.E.G., Wilson D. The city as a growth machine // *The Urban Growth Machine: Critical Perspectives Two Decades Later* / Ed. by A.E.G. Jonas, D. Wilson. Albany: State University of New York Press, 1999. P. 3–20.
- Ledyayev V., Chirikova A. Business in the Power Structure of Small Russian Towns // *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72. No. 4. P. 686–711.
- Ledyayev V., Chirikova A. Governors and Local Elites in Russia: Patterns of Interaction // *European Politics and Society*. 2019. Vol. 20. No. 3. P. 315–332.
- Lowndes V., Leach S. Understanding Local Political Leadership: Constitutions, Contexts and Capabilities // *Local Government Studies*. 2004. Vol. 30. No. 4. P. 557–575.
- Mossberger K. Urban regime analysis // *Theories of Urban Politics*. Second edition / Ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 40–54.
- Smith J. Urban regime theory // *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional Studies* / Ed. by A. Orum. L.: John Wiley and sons, 2019. P. 2493–2505.
- Stone C.N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.
- Wanna J. Regional Political Leadership // *The Oxford Handbook of Political Leadership* / Ed. by R.A.W. Rhodes, P. Hart. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 564–579.

Статья поступила: 07.10.22. Финальный вариант: 10.01.23. Принята к публикации: 16.01.23.

SMALL RUSSIAN TOWN: PRACTICES OF INTERACTION BETWEEN MUNICIPAL AUTHORITIES AND BUSINESS

CHIRIKOVA A.E.*, LEDYAEV V.G.**

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; ** HSE University, Russia

Alla E. CHIRIKOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (chirikova_a@mail.ru); Valeri G. LEDYAEV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Department of Sociology, HSE University (vledyaev@hse.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The article presents the results of an empirical study conducted in 2011–2015 and 2018–2020. in four small towns in Russia. Materials of 133 in-depth interviews with representatives of city authorities and business are analyzed. Despite the policy of centralization, the relationship between local authorities and business remains diverse. Local business is poorly integrated and focuses mainly on informal interactions with local authorities. Changes in the period between the first and second stages of the study were not dramatic, and the degree of asymmetry in the relationship between local authorities and business did not undergo significant transformations.

Keywords: business, government, municipality, small town.

REFERENCES

- Babic M., Huijzeer J., Garcia-Bernardo J., Valeeva D. (2022) How does business power operate? A framework for its working mechanisms. *Business and Politics*. Vol. 24: 133–150.
- Bederson V.D., Shevtsova I.K. (2020) Coalitions in exchange for loyalty? Relations between authorities and the construction business in large Russian cities (on the examples of Perm and Yekaterinburg). *Politiya*. No. 4: 153–175. (In Russ.)

- Chernysh M.F., Markin V.V. (eds) (2021) *Small towns in Russia: new challenges, social problems and perspectives*. Moscow: FNISTS RAN. (In Russ.)
- Chirikova A. et al. (2005) *Business as an social policy actor: debtor, benefactor, partner?* Moscow: NISP. (In Russ.)
- Chirikova A. (2007) *Interaction between government and business in the implementation of social policy: regional projection*. Moscow: NISP. (In Russ.)
- Chirikova A. (2010) *Regional elites of Russia*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Chirikova A., Ledyayev V. (2017) *Power in a Small Russian Town*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Cochrane A. (1998) Illusions of power: interviewing local elites *Environment and Planning A*. Vol. 30. No. 12: 2121–2132.
- Dahl R. (1961) *Who Governs? Democracy and Power in American City*. New Haven: Yale University Press.
- Frolova Ye., Medvedeva N. (2018) Social partnership of business and authorities: Mutual expectations and modern trends. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 146–151. DOI: 10.7868/S0132162518020150. (In Russ.)
- Harding A. (2009) The history of community power. In: *Theories of Urban Politics*. 2nd ed. Ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. London: Sage: 27–39.
- Hunter F. (1953) *Community Power Structure. A Study of Decision-makers*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Jonas A.E.G., Wilson D. (1999) The city as a growth machine. In: *The Urban Growth Machine: Critical Perspectives Two Decades Later*. Ed. by A.E.G. Jonas, D. Wilson. Albany: State University of New York Press: 3–20.
- Lapina N., Chirikova A. (1999) *Regional Elites in Russia: Models of Behavior and Political Orientations*. Moscow: INION. (In Russ.)
- Ledyayev V. (2001) *Power: A Conceptual Analysis*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Ledyayev V. (2012) *Sociology of Power: Theory and Experience of Empirical Studies of Power in Urban Communities*. Moscow: GU VSHE. (In Russ.)
- Ledyayev V., Chirikova A. (2019) Governors and Local Elites in Russia: Patterns of Interaction. *European Politics and Society*. Vol. 20. No. 3: 315–332.
- Ledyayev V., Chirikova A. (2020) Business in the Power Structure of Small Russian Towns. *Europe-Asia Studies*. Vol. 72. No. 4: 686–711.
- Lowndes V., Leach S. (2004) Understanding Local Political Leadership: Constitutions, Contexts and Capabilities. *Local Government Studies*. Vol. 30. No. 4: 557–575.
- Markin V.V., Chernysh M.F. (eds) (2019) *Small towns in the social space of Russia*. Moscow: FNISTS RAN. (In Russ.)
- Mossberger K. (2009) Urban regime analysis. In: *Theories of Urban Politics*. 2nd ed. Ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. London: Sage: 40–54.
- Peregudov S. (2003) *Corporation, Society, State*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Petrov N., Titkov A. (eds) (2010) *Power, Business, Society in Regions: Wrong Triangle*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Smith J. (2019) Urban regime theory. In: *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional Studies*. Ed. by A. Orum. London: John Wiley and sons: 2493–2505.
- Stone C.N. (1989) *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988*. Lawrence: University Press of Kansas.
- Stremoukhov D.A. (2021) Settled bandits and part-time politicians: studies of business and government in Russian regions. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya* [Bulletin of the Perm University. Ser. Political Science]. No. 1: 119–129. (In Russ.)
- Tev D. (2008) Owners and Developers of Real Estate in Kaliningrad: Connections with the Authorities and Political Benefits. *Polis*. No. 3: 175–193. (In Russ.)
- Tikanova E., Khokhlova A. (2015) Urban Regime in Saint Petersburg: The Role of Real and Imaginary “Growth Machines” in the Struggle for Urban Space. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. No. 2: 241–256. (In Russ.)
- Vitkovskaya T., Ryabova O. (2011) *Monotowns of the Middle Urals: Local Elites and Political processes*. Yekaterinburg: UrO RAN. (In Russ.)
- Wanna J. (2014) Regional Political Leadership // *The Oxford Handbook of Political Leadership* / Ed. by R.A.W. Rhodes and P. Hart. Oxford: Oxford University Press: 564–579.

Received: 07.10.22. Final version: 10.01.23. Accepted: 16.01.23.

Е.С. БАЛАБАНОВА, А.А. ПОРТНЯГИНА

ФЕНОМЕН ФАВОРИТИЗМА В РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

БАЛАБАНОВА Евгения Сергеевна – доктор социологических наук, профессор департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (balabanova@hse.ru); ПОРТНЯГИНА Александра Алексеевна – специалист, ООО «Карат-русс Медиа» (al.portniagina@gmail.com). Обе – Москва, Россия.

Аннотация. Анализируется феномен управленческого фаворитизма как предпочтения руководителями некоторых подчиненных, предоставления им режима наибольшего благоприятствования. Эмпирической базой исследования стали результаты двух опросов – 1116 руководителей и 364 наемных работников. Выявлена связь фаворитизма с «кланово-аскриптивным» типом организаций, где практикуются «закрытые» социально-сетевые каналы найма сотрудников, вознаграждения зависят от субъективных оценок руководителей, высока социально-экономическая зависимость подчиненных от руководителей, а для успешной карьеры нужны в первую очередь исполнительность, дисциплина и личная верность. Напротив, компании, где фаворитизм отсутствует, характеризуются достиженчески-меритократическим типом социальной организации с открытыми каналами найма и вознаграждением на основании эффективности работы. Работники, отметившие наличие фаворитизма в своих организациях, отличаются более низкой удовлетворенностью работой, более высоким уровнем стрессов и намерений сменить место работы. Наиболее же благополучны респонденты, отметившие близкие и доверительные отношения со своими руководителями, но при этом равное (не-«исключающее») отношение руководителя ко всем подчиненным.

Ключевые слова: социология управления • фаворитизм • ин-группа • аут-группа • теория обмена между лидером и подчиненным • меритократизм • властные отношения в организации

DOI: 10.31857/S013216250022843-0

Взаимодействие руководителей и подчиненных является одной из важных тем в рамках социологии управления. Управленческие практики руководителей, с одной стороны, обеспечивают поддержание социального порядка в организации как целевой социальной общности, предсказуемость поведения участников взаимодействий, а с другой – дают толчок социальным изменениям внутри организаций и за их пределами. В этой связи особое значение приобретает изучение разных аспектов управленческой деятельности с точки зрения их функциональности либо дисфункциональности для организаций и работников. Наше исследование посвящено социологическому анализу феномена фаворитизма как предпочтения руководителями одних подчиненных, предоставления им наибольшего благоприятствования за счет остальных. Предметом внимания стали индивидуально-личностные и организационные предпосылки формирования фаворитизма и его последствия с точки зрения благополучия сотрудников и социального равенства в организациях. Мы постарались взглянуть на эту проблему глазами и руководителей, и подчиненных.

Феномен фаворитизма в контексте управленческой деятельности. В социальной психологии известен феномен «внутригруппового фаворитизма» – стремления содействовать членам своей группы (*in-group*), противопоставляя их членам «чужой» группы (*out-group*). В рамках настоящего исследования фаворитизм анализируется в рамках управленческой деятельности – осознанной практико-регулятивной деятельности, связанной с обеспечением достижения цели. Субъектом управленческого фаворитизма является руководитель как лицо, обладающее властью и ресурсами, а объектом – подчиненные,

зависимые от этих ресурсов. Фаворитизм существует, когда у руководителя есть один или несколько «особо приближенных» подчиненных (ин-группа), пользующихся благосклонностью, доверием, имеющих доступ к обеспечиваемым руководителем ресурсам, лучший, чем все прочие подчиненные (аут-группа).

Наиболее адекватна для анализа феномена фаворитизма в организационно-управленческом контексте теория обмена между лидером и подчиненным (*leader-member exchange* – *LMX*), которая, в свою очередь, вобрала в себя положения теории социального обмена (подробный обзор см.: [Балабанова, 2022: 268–279]). Основная идея *LMX* в том, что стиль поведения руководителя различен в зависимости от того, входит подчиненный в его ин- или аут-группу.

Принадлежность подчиненного к ин-группе руководителя предполагает, что между руководителем и подчиненным развиваются «обменные отношения высокого качества» [Graen, Uhl-Bien, 1995]. Это значит, что руководители склонны выше оценивать работу подчиненных, входящих в «ближний круг» [Castilla, Benard, 2010]. Такие подчиненные чаще получают вознаграждения, карьерные продвижения. К их мнению руководитель чаще прислушивается. Эти отношения воплощают «социальный» обмен, поскольку включают в себя долгосрочные, слабо специфицированные обязательства, сильный эмоционально-личностный компонент взаимодействий.

Напротив, в отношении подчиненных, оказавшихся в аут-группе руководителя, чаще практикуются авторитарно-директивные методы управления, односторонние нисходящие коммуникации. Эти подчиненные исключены из процесса принятия решений, к ним чаще применяются санкции. Отношения руководителя и подчиненных сведены к «экономическому» обмену, основанному на краткосрочных обязательствах и формально определенных ролях внутри организации.

Таким образом, ключевой признак фаворитизма в организации – *неравное* отношение руководителя к подчиненным, *преференции* одним индивидам *за счет других, в ущерб другим*. По сути, это воплощение описанной Т. Парсонсом партикуляристской ценностной ориентации на то, чтобы подходить к людям «с разной мерой» в зависимости от того, кого и в какой ситуации оценивают.

Список оснований для вхождения в «ближний круг» руководителя достаточно широк: родственные или дружеские связи [Prendergast, Topel, 1996; Hotho et al., 2020], лояльность подчиненного, позитивный опыт совместной работы, наличие общих взглядов и ценностей [Rivera et al., 2010; Hudson et al., 2017]. Большую роль играет коммуникативная культура руководителя, его ценностные приоритеты. В частности, отмечается ориентированность многих российских руководителей на «отношения», а не на «задачу», то есть приоритет установления, поддержания и развития хороших отношений над интересами дела и решаемых задач [Флоровский, 2018], что, скорее всего, является благодатной почвой фаворитизма. Важным недостаточно изученным вопросом являются организационные факторы развития фаворитизма – организационная культура и управленческие практики, обеспечивающие руководителям возможность принимать решения исходя из личных симпатий и антипатий к подчиненным.

Фаворитизм как дисфункция управленческой деятельности. Большинство авторов сходятся во мнении, что фаворитизм дисфункционален для работников и организаций. Он противостоит меритократическим принципам найма, вознаграждений и карьерных продвижений [Prendergast, Topel, 1996; Castilla, Benard, 2010], относится к числу «неэтичных» управленческих практик, связанных с несправедливостью, дискриминацией, коррупцией [Парамонова, 2018; Hotho et al., 2020].

Разрушительным для трудовой мотивации может быть не только сам факт наличия фаворитизма у руководителя ин-группы, но и то, *почему* некоторые сотрудники оказываются в привилегированном положении. Результаты исследований в российских компаниях показывают, что руководители часто склонны приближать к себе сотрудников с такими качествами, как ограниченность лидерских притязаний, низкая значимость ценностей

самостоятельности, предпочтение зависимой позиции в межличностном взаимодействии [Флоровский, 2012]. Поскольку основанием формирования ин-группы руководителя являются не профессиональные качества и результаты работы, а личная преданность, то фаворитизм дестимулирует работников. Отмечается связь фаворитизма с «политиканством», воспринимаемой несправедливостью, нездоровой атмосферой, негативным эмоциональным фоном в коллективе [Pearce, 2015; Hotho et al., 2020].

Фаворитизм наносит ущерб сотрудникам, находящимся в аут-группах, и самой организации. Фаворитизм как принцип найма и карьерных продвижений приводит к тому, что ключевые посты в организации занимают не самые талантливые и компетентные профессионалы, а люди «со связями». Если «фавориты» – небольшая группа приближенных к руководителям лиц, для которых сохранение привилегированного положения важнее интересов дела, – принимают ключевые решения в организации, то результат – неэффективность решений, подмена целей организации интересами групп сотрудников [Prendergast, Topel, 1996; Pearce, 2015; Hotho et al., 2020].

Фаворитизм норма? При общем доминировании негативных трактовок фаворитизма высказываются предположения, что этот феномен гораздо более сложен, чем это может показаться на первый взгляд [Palermo et al., 2019]. Есть ли у фаворитизма позитивные аспекты?

Руководитель может создавать ин-группу среди подчиненных с целью облегчения коммуникационных процессов в управленческой деятельности, обеспечения безопасности, конфиденциальности. Принцип фаворитизма при отборе кадров сужает выбор кандидатов, однако экономит время и ресурсы на закрытие вакансий. Отмечается возможность «меритократического» принципа конструирования ин-групп, когда руководитель приближает к себе наиболее компетентных сотрудников [Petersen et al., 2000].

Кроме того, «меритократия», которой противостоит фаворитизм, является важной ценностью культур «модерного» типа, корни которых уходят в протестантскую трудовую этику [Балабанова, 2016]. За пределами этих культур оказывается «не-западный» мир – с высокой значимостью ценностей партикуляризма, родственных связей, высокими показателями коллективизма, дистанции власти. Для таких культур важны «отношенческие» аспекты управленческой деятельности, что воплощается, например, в китайской культуре в понятии *гуанси* (*guanxi*) как неформальных партикуляристских отношений между акторами, обладающими неравной властью. Фаворитизм на основе принадлежности к родственным кланам – серьезная проблема для западных компаний, ведущих бизнес в восточных странах [Pearce, 2015; Hotho et al., 2020], но в рамках локальных традиционных культур он является, скорее, нормой.

Итак, по результатам анализа литературы мы формулируем следующие исследовательские вопросы: Каковы масштабы проявления фаворитизма в российских организациях? В каких типах организаций фаворитизм наиболее распространен? Чем характеризуются руководители, имеющие подчиненных-«фаворитов»? Каковы характеристики сотрудников, входящих в «ближний круг» своих руководителей? Каковы последствия фаворитизма с точки зрения качества трудовой жизни работников?

Эмпирическая часть исследования состоит из двух частей. Первая часть основана на вторичном анализе данных опроса осенью 2017 г. руководителей нижнего уровня в частных организациях 10 отраслей экономики в Москве и областных центрах восьми федеральных округов РФ. Выборка составила 1116 человек, 58% мужчин и 42% женщин, средний возраст – 42 года. Второй опрос был проведен весной 2022 г. среди работающих по найму в организациях. Выборка составила 364 человека, среди которых 36% мужчин и 64% женщин. Средний возраст этих респондентов – 32 года; 58% работали в организациях частной формы собственности, 42% – в государственных и муниципальных.

Сопоставление полученных результатов позволяет проанализировать феномен управленческого фаворитизма с точек зрения руководителей и подчиненных.

Таблица 1

Доли положительных ответов руководителей на вопрос о качествах подчиненных, формирующих их «ближний круг», % руководителей, имеющих «ближний круг» (N = 308)

Характеристики подчиненных	%
Высокий уровень профессиональной квалификации	61
Энергичность, активность, инициативность	40
Трудолюбие, готовность взять на себя дополнительные обязанности	35
Давность знакомства, стаж совместной работы	26
Стремление развиваться, учиться, узнавать новые вещи	24
Авторитет среди других работников подразделения	20
Дисциплинированность	18
Бесконфликтность	10

Примечание. Сумма больше 100%, т.к. респонденты могли выбрать до 3-х вариантов ответа.

Фаворитизм глазами руководителей. В рамках опроса руководителей ключевым индикатором был вопрос «Какое из двух утверждений точнее описывает ваши отношения с подчиненными». Противоположными утверждениями были «одинаково отношусь к подчиненным, независимо от их способностей, личных, деловых качеств и результатов работы» и «среди моих подчиненных есть сотрудники, которых я выделяю, стараюсь поощрить, поддержать, более тесно с ними общаюсь», с вариантами ответов по 5-балльной шкале. Согласие со вторым утверждением (выбор вариантов 4 и 5) интерпретировалось как наличие фаворитизма – существование у руководителей ин-группы среди подчиненных. Среди опрошенных 28% отметили наличие у них подчиненных-«фаворитов», другие 29% считают, что одинаково относятся к подчиненным, а 43% не дали определенного ответа, выбрав вариант 3.

Что является основанием для выделения руководителями «фаворитов»? Как видим из таблицы 1, абсолютно преобладают «меритократические» основания: профессионализм, инициативность и трудолюбие подчиненных.

Таблица 2

Характеристики руководителей, имеющих и не имеющих ин-группу среди подчиненных, % по столбцу

Характеристики	«Одинаково отношусь к подчиненным», N = 322	«Среди подчиненных есть сотрудники, которых я выделяю», N = 308
Роль в трудоустройстве: рекомендации, содействие руководителей, коллег и знакомых по Вашим профессиональным контактам	46	62
Роль в трудоустройстве: рекомендации, содействие родственников, друзей, знакомых не по работе	19	35
Важность аспектов работы: власть над другими людьми, возможность влиять на них («важно» и «очень важно»)	41	49
Мнение о нынешней работе: дает мне власть над другими людьми	33	49

Таблица 3

Ответы руководителей на вопрос, какую роль они играют в принятии различных решений, % по столбцу

Решения, в отношении которых «мое мнение в данном вопросе является решающим»	«Одинаково отношусь к подчиненным», N = 322	«Среди подчиненных есть сотрудники, которых я выделяю», N = 308
Определение бюджета своего подразделения	29	40
Распределение финансовых ресурсов между работниками в рамках выделенного бюджета	29	46
Отбор и прием на работу сотрудников в свое подразделение	50	63
Увольнение сотрудников	43	51
Установление размера базовой части зарплаты (оклада) своих подчиненных	21	33
Установление размера премий, надбавок, бонусов своих подчиненных	33	55
Применение штрафных санкций	34	54
Выдвижение своих подчиненных на более высокие должности	40	49
Аттестация персонала	41	55

Примечательно, что такие качества, как бесконфликтность и дисциплинированность, упоминаются реже всего, что, казалось бы, противоречит утверждениям, что руководители стремятся приблизить к себе лояльных и зависимых подчиненных [Флоровский, 2012]. Однако каковы характеристики руководителей, имеющих и не имеющих «фаворитов» среди подчиненных? Не выявлено значимых связей с полом или возрастом руководителей, а также с отраслями их занятости. Все выявленные различия связаны с характером управленческих процессов в организациях, либо с ценностями и установками руководителей.

Как видно из таблицы 2, руководители, имеющие ин-группу среди подчиненных, значительно чаще устраиваются на работу благодаря социальным связям. Обращает на себя внимание связь фаворитизма с властными отношениями в организации: для руководителей, у которых есть фавориты, значимо выше ценность иметь власть над другими людьми. Еще более существенны различия в оценке того, дает ли нынешняя работа им власть над людьми: среди имеющих фаворитов эта доля в полтора раза выше.

А есть ли различия в объеме управленческих полномочий между руководителями, имеющими и не имеющими фаворитов? Анализ таблицы 3 позволяет сделать важный вывод: руководители, имеющие фаворитов, действительно обладают большим объемом управленческих полномочий по сравнению с руководителями без фаворитов. Таким образом, мы можем говорить о наличии связи между значительной властью руководителя в сфере найма, карьерных продвижений, определения условий труда и размера вознаграждений, с одной стороны, и формированием фаворитизма как избирательного отношения к подчиненным – с другой.

Руководители из двух сравниваемых групп имеют разный объем полномочий и опираются на разные принципы в управлении. Для выявления этих различий респондентам было предложено оценить ситуацию, связанную с «подобострастным» поведением сотрудников, как «абсолютно недопустимую», «нежелательную», «нормальную», «желательную» или «очень желательную, заслуживающую поощрения». Таблица 4 представляет доли руководителей сравниваемых групп, позитивно оценивших предложенные ситуации.

Как видим, руководители, имеющие фаворитов, значимо чаще позитивно оценивают ситуации «доносительства» (*whistleblowing*) и считают нормальным поощрение

Таблица 4

Ответы на вопрос об отношении к действиям/поступкам подчиненных, доля оценивающих ситуацию как «нормальную», «желательную» или «очень желательную», % по столбцу

Ситуации	«Одинаково отношусь к подчиненным», N = 322	«Среди подчиненных есть сотрудники, которых я выделяю», N = 308
Работники сообщают руководству о нежелательных для организации действиях своих коллег	38	53
Работник сообщил начальнику о фактах критики его деятельности, деятельности вышестоящего руководства со стороны коллег	58	65
Руководители поощряют, прежде всего, верных и послушных им	61	76

Таблица 5

Доля руководителей, согласных с утверждениями в вопросе, каковы наиболее сильные стороны руководимого ими подразделения, % по столбцу

«Сильные стороны» и общая характеристика подразделений	«Одинаково отношусь к подчиненным», N = 322	«Среди подчиненных есть сотрудники, которых я выделяю», N = 308
Своевременность, быстрота исполнения рабочих заданий	50	40
Высокое качество исполнения рабочих заданий	53	42
Высокий уровень квалификации персонала	48	32
Сплоченность персонала, мы – единая команда	53	39

подчиненных на основе личной преданности. Это еще раз доказывает наличие связи фаворитизма и власти в организации: формирование руководителем «ближнего круга» подчиненных связано с желанием пользоваться своей личной властью и укреплять ее.

Обратимся к вопросу, как характеризуют руководители сотрудников своих подразделений. Примечательно, что руководители, имеющие фаворитов, заметно хуже оценивают возглавляемые ими подразделения (таблица 5).

Различия между двумя группами респондентов несколько парадоксальны и вряд ли могут быть отнесены на счет более высокой требовательности руководителей, имеющих фаворитов. Напомним, что руководители, склонные создавать «ближний круг», обладают более широкими полномочиями и экономическими рычагами. Тем не менее их ответы указывают на более низкие результаты, худшее качество человеческого и социального капитала в возглавляемых ими подразделениях.

Подводя итог анализу ответов руководителей, подчеркнем наличие определенных противоречий. С одной стороны, руководители, склонные выделять среди своих подчиненных «фаворитов», отмечают приоритетность меритократических оснований такого выделения. С другой стороны, группа руководителей, имеющих фаворитов, значимо выделяется стремлением к личной власти и наличием больших управленческих полномочий, ориентацией на кланово-аскриптивные принципы трудоустройства и вознаграждения подчиненных. Это противоречие может объясняться «эффектом ореола», когда подчиненные, вызывающие у руководителя эмоциональную приязнь и входящие в сеть их родственных или дружеских контактов, наделяются и прочими – профессиональными – достоинствами. При этом более низкие оценки кадрового состава и результатов работы

заставляют предположить наличие «негативного отбора» сотрудников, худший социально-психологический климат в подразделениях и организациях, где присутствует управленческий фаворитизм.

Эти предварительные выводы мы проверим на результатах опроса сотрудников российских организаций.

Фаворитизм глазами подчиненных. Как и в предыдущем опросе, индикатором наличия фаворитизма был вопрос о существовании ин-группы у руководителей респондентов с 5-балльной шкалой: от 1 (одинаково относится ко всем подчиненным) до 5 (среди его/её подчиненных есть сотрудники, которых он / она выделяет, более тесно с ними общается). Получены следующие результаты: 1 – 19%, 2 – 15%, 3 – 24%, 4 – 25%, 5 – 17%. При сравнении ответов примечательно, что среди работников наличие фаворитизма (сумма 4 и 5) отметили 42% – значительно больше, чем среди руководителей, характеризующих собственные управленческие практики (28%).

Если при опросе руководителей не было выявлено отраслевых различий (напомним, опрос проводился только в организациях частной формы собственности), то опрос рядовых работников выявил важные секторальные различия: в организациях частной формы собственности о наличии фаворитизма утвердительно ответили 37% респондентов, в то время как в государственных – 49%. Среди отраслей, в достаточном объеме представленных в выборке, самые высокие показатели наличия фаворитизма были в сфере образования (49%), науки и культуры (47%), а самый низкий – в IT-сфере (30%). Таким образом, фаворитизм свойственен в большей степени «иерархическим» организациям, где следование правилам, шаблонам и демонстрация верности могут быть более значимы, чем профессионализм, инициативность и эффективность.

Интересны различия в формате работы. Среди респондентов, работающих полностью удаленно или в «гибридном» формате, отметили наличие фаворитизма 37 и 35% соответственно, в то время как среди работающих в традиционном формате – 47%. Это позволяет говорить, что феномен фаворитизма чаще предполагает личный контакт, ежедневные непосредственные взаимодействия руководителя и подчиненного.

Что, по мнению работников, является основанием принадлежности к «ближнему кругу» руководителя (табл. 6)? Обращают на себя внимание отличия от данных таблицы 1 – ответов на аналогичный вопрос руководителей. Если, по версии последних, они приближают к себе самых квалифицированных, энергичных, активных и инициативных сотрудников, то подчиненные видят ситуацию иначе: фавориты руководителей – давние знакомые, единомышленники, «рабочие пчелки», лично преданные руководителю. Это подтверждает предположения о тесной связи фаворитизма с лояльностью, ориентацией руководителей на «отношения», а не на интересы дела [Флоровский, 2012, 2018].

Таблица 6

Доля положительных ответов на вопрос о характеристиках подчиненных, формирующих «ближний круг» руководителя, % от отметивших наличие «ближнего круга» (N = 153)

Характеристики подчиненных	%
Давность знакомства, стаж совместной работы	61
Наличие общих с руководителем ценностей, взглядов	52
Трудолюбие, готовность взять на себя дополнительные обязанности	35
Личная верность руководителю, готовность поддержать его/её в любой ситуации	33
Высокий уровень профессиональной квалификации	24
Бесконфликтность	16
Энергичность, активность, инициативность	16
Авторитет среди других работников	15
Стремление учиться, развиваться, узнавать новые вещи	14

Примечание. Сумма больше 100%, т.к. респонденты могли выбрать до 3 вариантов ответа.

Таблица 7

Мнения о своей работе респондентов, руководители которых имеют и не имеют «фаворитов», % по столбцу

Характеристики		Руководитель одинаково относится ко всем подчиненным, N = 211	У руководителя есть «фавориты», N = 153
Узнали о возможности трудоустройства в эту организацию	Через сайты по поиску вакансий и кадровые агентства	38	28
	Через знакомых, друзей или родственников	33	41
Размер зарплаты на этой работе зависит от...	Конечных результатов вашей работы, достижения конкретных показателей	69	48
	Ваших личных отношений с руководством	13	32
Качества, необходимые для успешной карьеры в организации	Постоянное обновление знаний и умений, профессиональный рост	64	44
Руководитель как трансформационный лидер	Сам(а) занимается наставничеством и обучением подчиненных	48	29
	Помогает мне развивать мои сильные стороны	36	20
	Уважает мои личные чувства	44	30
Удовлетворенность	Содержанием работы	63	49
	Возможностями обучения, профессионального развития	59	45
	Уровнем заработной платы	40	29
	Графиком работы, объемом и условиями труда	68	48
Ролевая (не)определенность	Мне приходится выполнять противоречивые требования вышестоящих руководителей	10	29
	Я точно знаю, чего от меня ждут на моей работе	81	63
Автономия в работе	Я сам(а) решаю, в каком порядке выполнять задания	69	58
Стрессы на работе	Я работаю в условиях дефицита времени	28	44
Хотели бы сменить текущее место работы		22	33

Если версии руководителей и рядовых работников о критериях формирования «ближнего круга» значительно различались, то сравнение групп респондентов по наличию/отсутствию фаворитизма обнаружило взаимосвязи, во многом сходные с выборкой руководителей.

Как видно из распределений в таблице 7, фаворитизм связан с закрытыми (социально-сетевыми) принципами найма персонала. В таких организациях доход работника меньше зависит от эффективности работы и сильнее – от личных отношений с руководителем. Руководители, склонные к фаворитизму, реже воспринимаются подчиненными как

Таблица 8

Группы респондентов-исполнителей по сочетанию ответов о наличии фаворитизма и отношениях с руководителем, % в выборке (N = 276)

Критерии классификации		Отношения работника с руководителем	
		дружеские, доверительные	чисто деловые, формальные
Отношения руководителя с подчиненными	Среди подчиненных есть те, которых руководитель выделяет, более тесно с ними общается	1. «Фавориты» 22%	2. «Отверженные» 33%
	Одинаково относится ко всем подчиненным	3. «Члены команды» 25%	4. «Обычные работники» 20%

«трансформационные лидеры»¹. У этой группы работников ниже удовлетворенность работой, ниже воспринимаемая автономия в исполнении своих рабочих заданий и выше показатели ролевой неопределенности, стрессов, желания сменить работу. Можно говорить, что в организациях, где присутствует управленческий фаворитизм, эмоциональный климат в целом хуже, работники менее мотивированны и больше подвержены «выгоранию».

Для понимания причин и последствий фаворитизма в трудовых отношениях важно учитывать не только отмеченный факт неравного отношения руководителя к подчиненным, но и то, входит сотрудник в ин- или аут-группу руководителя, то есть относится ли он сам к «фаворитам». Респондентам был задан вопрос «Как бы вы могли охарактеризовать отношения с вашим непосредственным руководителем?» с двумя возможными вариантами ответа: «Чисто деловые, формальные» и «Дружеские, доверительные». При наличии неравного отношения руководителя к подчиненным первый вариант ответа интерпретировался как нахождение респондента в аут-группе руководителя, второй – в ин-группе, то есть в числе «фаворитов». По сочетанию ответов респонденты были разделены на четыре группы (табл. 8), а респонденты, не давшие определенный ответ о наличии или отсутствии у руководителя фаворитов, из дальнейшего анализа исключены.

Опишем основные характеристики четырех выделенных групп.

Группа 1: «фавориты». Группа выделяется самой высокой долей мужчин (49%), нашедших работу благодаря деловым знакомствам и считающих, что для успешной карьеры в их организации нужны «исполнительность, четкое выполнение задач вышестоящего руководства» (43%) и связи. Также здесь самая высокая доля тех, кто считает, что размер их зарплаты зависит от личных отношений с руководством (39%). С «фаворитами» чаще, чем с остальными, руководители советуются при принятии решений (33%). Примечательно, что в этой группе и самый высокий средний показатель «дистанции власти»²: в число «фаворитов» попадают те подчиненные, которые принимают неравное распределение власти и не оспаривают авторитет руководителя. Оценки, которые они дают своим руководителям («симпатичен мне как человек» – 49%, «интересуется всеми аспектами жизни подчиненных» – 38%), указывают на то, что отношения фаворитизма основаны на личных симпатиях и взаимодействиях, выходящих за пределы рабочих задач. Интересно, что при этом группу «фаворитов» нельзя назвать благополучной в плане социального самочувствия: показатели удовлетворенности работой у них значительно ниже, чем в группах 3 и 4, где отсутствует

¹ «Трансформационное лидерство» – стиль руководства, нацеленный на стимулирование проактивного, креативного, надрольевого поведения подчиненных, апеллирующий к потребностям высших уровней. Часто используется как синоним «современного», «эффективного», «этичного» лидерства. Подробнее см. [Балабанова, 2022: 248–268].

² «Дистанция власти» как индивидуальная диспозиция – это «согласие с неравным распределением власти, готовность безоговорочно подчиняться решениям тех, кто обладает властью» [Hofstede, 1986: 307].

фаворитизм. В этой группе самые высокие показатели стресса, информационных перегрузок, а также высока доля желающих сменить работу (31%).

Группа 2: «отверженные». Группа выделяется самой высокой долей женщин (70%) и тех, кто работает в государственных и муниципальных организациях (59%). «Отверженные» значительно чаще находили работу благодаря друзьям и родственникам (45%). О том, что эти респонденты действительно находятся в аут-группе своих руководителей, свидетельствуют самые высокие доли тех, с кем руководитель никогда не советуется при принятии решений (33%), кто считает, что их руководитель *«практикует строгую дисциплину»* (35%), что им *«приходится выполнять противоречивые требования руководителей»* (33%). По целому ряду характеристик это самая неблагоприятная группа в выборке: в ней самая низкая удовлетворенность по всем аспектам работы, самая низкая автономия в работе и низкая вовлеченность в работу, самые высокие показатели конфликта работы и жизни, самая высокая доля желающих сменить работу (34%).

Группа 3: «члены команды». Эта группа респондентов, чувствующих личную принадлежность к ин-группе своих руководителей при отсутствии фаворитизма, практически по всем показателям противоположна группе «отверженных». В ней самая высокая доля работающих в частных компаниях (70%), а с точки зрения отраслевых особенностей – высокая доля работающих в IT-компаниях (22%). В структуре трудовых ценностей этой группы ярко выделяются важность интересной работы (78%), возможность получать новые знания и умения (68%), самые низкие средние значения дистанции власти. Об организационной культуре компаний, где нет фаворитизма, свидетельствуют ответы о качествах, необходимых для успешной карьеры: постоянное обновление знаний (71%), энергичность, активность, инициативность (38%). Здесь самая большая доля считающих, что их зарплата зависит от формальных квалификационных показателей, качества работы, конечных результатов (72%). Представители этой группы дают самые высокие оценки руководителям. В отличие от группы «фаворитов», эти оценки основаны на профессиональных качествах руководителей: *«занимается наставничеством и обучением подчиненных»* (59%), *«помогает мне развивать мои сильные стороны»* (55%), *«учитывает критические замечания подчиненных при решении рабочих задач»* (51%). Интересно, что даже при самой высокой продолжительности рабочей недели в этой группе самая высокая удовлетворенность по всем аспектам работы, самые высокие показатели ролевой определенности, автономии в работе, вовлеченности в неё. Эти данные позволяют несколько скорректировать результаты предыдущих исследований о позитивной связи принадлежности к ин-группе и удовлетворенностью работой, вовлеченностью, приверженностью [Farr-Wharton et al., 2011]: наиболее благополучна по социальному самочувствию группа работников, которая отмечает высокое качество отношений с руководителем, одинаково хорошо относящимся ко всем подчиненным.

Группа 4: «обычные работники». Эта группа респондентов, указавшая на отсутствие фаворитизма и формальные отношения со своими руководителями, по большинству характеристик сходна с группой 3. Для нее характерно трудоустройство через открытые каналы найма, доминирование меритократических оснований вознаграждений и карьерных продвижений в организациях, достаточно высокие показатели социально-психологического благополучия.

Итак, выявленные различия между группами «фаворитов» и «отверженных» воплощают основные положения «теории обмена между лидером и подчиненными» (LMX) о разном отношении руководителя в зависимости от того, входит подчиненный в его ин- или аут-группу. «Фавориты» действительно пользуются режимом наибольшего благоприятствования, в отношении же «отверженных» фаворитизм проявляется в качестве деструктивной модели взаимодействия.

Однако сравнение четырех групп по сочетанию наличия фаворитизма и принадлежности к ин- или аут-группе руководителя не подтверждает интуитивного предположения, что в наибольшем «выигрыше» должны оказаться «фавориты» своих руководителей. Практически по всем показателям качества трудовой жизни и социального самочувствия

наиболее благополучными оказались группы респондентов (3 и 4), указавших на равное, неизбирательное отношение руководителя к подчиненным. Это позволяет сделать вывод, что наиболее здоровая атмосфера и наиболее эффективные управленческие процессы наблюдаются в подразделениях и организациях, где фаворитизм отсутствует.

Закключение. Проведенный анализ данных двух опросов позволяет сделать вывод, что фаворитизм – не столько результат индивидуальных предпочтений руководителя, сколько характеристика организаций, построенных по кланово-аскриптивному типу с «закрытыми», социально-сетевыми каналами найма, делающими акцент на исполнительности, личной верности, давности знакомства, личных симпатиях руководителя к подчиненным, где вознаграждение зависит от субъективных оценок. Фаворитизм – результат властных отношений в организации, системе управления, создающей социально-экономическую зависимость подчиненного от руководителя. Напротив, компании, где отсутствует избирательное отношение руководителя к подчиненным, характеризуются достиженчески-меритократическим типом социальной организации. Для них характерны открытые каналы найма, вознаграждение и карьерные продвижения на основании эффективности работы, нацеленность на постоянное обновление профессиональных навыков сотрудников.

Выявлены различия взглядов руководителей и подчиненных на масштабы проявления фаворитизма и критерии формирования ин-групп. Если руководители указывают на «меритократические» основания формирования своей ин-группы, то работникам основанием для принадлежности к «ближнему кругу» руководителя видятся факторы, не связанные с личными заслугами, – давность знакомства, исполнительность, личная преданность.

Фаворитизм является инструментом накопления, углубления неравенства в организациях «кланово-аскриптивного» типа. Он – пример конвертации социального капитала в экономический и административный. «Фавориты» легче получают доступ к ресурсам, «отверженные» от этих ресурсов исключены.

Наши данные не позволяют говорить о наличии позитивных аспектов фаворитизма, упоминаемых некоторыми авторами. Зато можно уверенно говорить о «нездоровом» социально-психологическом климате в организациях, где присутствует фаворитизм: низкой удовлетворенностью работой, высоким уровне стрессов, ролевой неопределенности, намерениях уйти. Самые же высокие показатели качества трудовой жизни, эмоционально позитивный фон демонстрируют не «фавориты», но работники, которые чувствуют принадлежность к ин-группе своих руководителей, но при этом доступ в ин-группу не является «исключающим».

Ограничением проведенного исследования является разнородность выборок опроса руководителей (только в частных компаниях) и работников (представлявших как частные, так и государственные организации). Перспективным направлением развития данной темы было бы проведение масштабного исследования, позволяющего сопоставить ответы руководителей и подчиненных в рамках одних и тех же организаций, а также выявить отраслевые различия феномена управленческого фаворитизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Балабанова Е.С. Концепция меритократизма в современных исследованиях организаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 2 (85). С. 60–73. [Balabanova E.S. (2016) The Concept of Meritocracy in Contemporary Organizational Studies. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. XIX. No. (85): 60–73. (In Russ.)]
- Балабанова Е.С. Организационное поведение. М.: ИНФРА-М, 2022. [Balabanova E.S. (2022) *Organizational Behavior*. Moscow: INFRA-M. DOI 10.12737/1048688. (In Russ.)]
- Парамонова С.П. Социология фаворитизма. Пермь: ПНИУПТУ, 2018. [Paramonova S.P. (2018) *Sociology of Favoritism*. Perm: PNIUPTU. (In Russ.)]
- Флоровский С.Ю. Организационное развитие и совместная управленческая деятельность руководителей: технология лично-регуляторной предикции // Психология управления в современной России: процессы труда и организации: мат. Междунар. науч.-практ. конф. Тверь: ТГУ, 2012. С. 46–51. [Florovskiy S.Yu. (2012) Organizational development and joint managerial activities of

- managers: the technology of personality-regulatory prediction. *Psychology of Management in Modern Russia: Labor and Organizational Processes*: conference proceedings. Tver: TGU: 46–51. (In Russ.)
- Флоровский С.Ю. Ценностно-ориентационная регуляция совместной управленческой деятельности: организационно-контекстная вариативность-стабильность // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 28. № 2. С. 228–238. [Florovskiy S.Yu. (2018) Value-oriented regulation of joint managerial activities: organization-contextual variability and stability. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 28. No. 2: 228–238. (In Russ.)]
- Castilla E.J., Benard S. (2010) The Paradox of Meritocracy in Organizations. *Administrative Science Quarterly*. Vol. 55. No. 4: 543–676.
- Farr-Wharton R., Brunetto Y., Shacklock K. (2011) Professionals' supervisor-subordinate relationships, autonomy and commitment in Australia: a leader-member exchange theory perspective. *International Journal of Human Resource Management*. Vol. 22. No. 17: 3496–3512.
- Graen G.B., Uhl-Bien M. (1995) Relationship-based approach to leadership: Development of leader-member exchange (LMX) theory of leadership over 25 years: Applying a multi-level multi-domain perspective. *Leadership Quarterly*. Vol. 6. No. 2: 219–247.
- Hofstede G. (1986) Cultural differences in teaching and learning. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 10. No. 3: 301–320.
- Hotho J., Minbaeva D., Muratbekova-Touron M., Rabbiosi L. (2020) Coping with favoritism in recruitment and selection: a communal perspective. *Journal of Business Ethics*. Vol. 165. No. 1: 659–679.
- Hudson M., Netto G., Noon M., Sosenko F., De Lima P., Kamenou-Aigbekaen N. (2017) Ethnicity and low wage traps: favouritism, homosocial reproduction and economic marginalization. *Work, Employment and Society*. Vol. 31. No. 6: 992–1009.
- Palermo O.A., Carnaz A.C., Duarte H. (2019) Favouritism: Exploring the 'uncontrolled' spaces of the leadership experience. *Leadership*. Vol. 15. No. 3: 381–397.
- Pearce J.L. (2015) Cronyism and nepotism are bad for everyone: The research evidence. *Industrial and Organizational Psychology*. Vol. 8. No. 1: 41–44.
- Petersen T., Saporta I., Seidel M.D.L. (2000) Offering a job: Meritocracy and social networks. *American Journal of Sociology*. Vol. 106. No. 3: 763–816.
- Prendergast C.J., Topel R. (1996) Favoritism in organizations. *Journal of Political Economy*. Vol. 104. No. 5: 958–978.
- Rivera M.T., Soderstrom S.B., Uzzi B. (2010) Dynamics of Dyads in Social Networks: Assortative, Relational, and Proximity Mechanisms. *Annual Review of Sociology*. Vol. 36: 91–115.

Статья поступила: 28.10.22. Финальная версия: 01.01.23. Принята к публикации: 10.01.23.

FAVORITISM IN RUSSIAN ORGANIZATIONS: ANTECEDENTS AND CONSEQUENCES

BALABANOVA E.S.*, PORTNYAGINA A.A.**

*HSE University, Russia; **Carat Russ Media, Russia

Evgeniya S. BALABANOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., HSE University (balabanova@hse.ru); Alexandra A. PORTNYAGINA, media advertising specialist, Carat Russ Media (al.portnyagina@gmail.com). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The paper analyzes the phenomenon of managerial favoritism defined as managers' preferences for some of their subordinates, giving them the most favorable treatment at the expense of others. The study is based on two surveys of 1,116 managers and 364 employees. We reveal that the presence of favoritism is positively related to "clannish" type of social organization, with "closed" social network channels of hiring and employee socio-economic dependency from their managers. In organizations with favoritism, the importance of personal sympathies and subjective evaluations of managers is high, and a successful career requires compliance, discipline, and personal loyalty. In contrast, companies without favoritism are characterized by meritocratic type of social organization. They have open hiring channels, performance-based rewards and promotions, and a focus on continually updating the employees' skills. Employees who reported favoritism in their organizations have lower job satisfaction, higher levels of role uncertainty, stress, and intentions to leave. Conversely, the most satisfied, engaged, and happy are those respondents who reported close and trusting relationships with their supervisors and at the same time their equal, not "exclusive", treatment of all subordinates.

Keywords: favoritism, in-group, out-group, leader-member exchange, meritocracy, power in organization.

Received: 28.10.22. Final version: 01.01.23. Accepted: 10.01.23.

Э.Ю. МАЙКОВА, Е.В. СИМОНОВА

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДОВЕРИЯ К МЕСТНОМУ САМОУПРАВЛЕНИЮ И УЧАСТИЯ В САМОУПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ (на примере Тверской области)

МАЙКОВА Элеонора Юрьевна – доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и социальных технологий, проректор по учебной работе (maykova@yandex.ru); СИМОНОВА Елена Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий (Simonova-E-V@yandex.ru). Обе – Тверской государственный технический университет, Россия, Тверь.

Аннотация. Динамика доверия к органам местного самоуправления и участия в самоуправленческих практиках на местном уровне в их взаимосвязи раскрывается на материалах социологических исследований в Тверской области в 2012–2022 гг. Выявлен низкий (по сравнению, например, с доверием к президенту РФ) уровень доверия к муниципальным органам, который коррелируется с невысоким участием в практиках местного самоуправления. Показана тенденция к росту институционального доверия к органам местного самоуправления и гражданской активности под влиянием объективных и субъективных факторов. Выявлено, в частности, что более высокий уровень доверия характерен для жителей области, имеющих позитивный опыт взаимодействия с муниципальными органами. Сделаны выводы о формировании условий для разворачивания самоуправленческой тенденции и развития подобных практик на новом качественном уровне с преобладанием активистских ориентаций. Внимание авторов к взаимодействию общероссийских и региональных тенденций позволило выявить и ряд особенностей развития регионального сообщества. В частности, в 2014 г. в области резко падало доверие к федеральной и региональной власти (по общероссийским опросам наблюдался, наоборот, его рост), но наблюдался существенный рост уровня доверия к органам местного самоуправления; это интерпретируется как результат ряда крупных коррупционных скандалов, происходивших тогда в Тверской области.

Ключевые слова: органы местного самоуправления • институциональное доверие • активистские установки • самоуправленческие практики • участие граждан • социальная динамика

DOI: 10.31857/S013216250023178-8

Доверие к местному самоуправлению как объект изучения. С 1990-х гг., в условиях ориентации России на формирование демократического государства и развитие гражданского общества, местное самоуправление (МСУ) рассматривалось как институт низовой демократии, предполагавший участие граждан в процессах управления. Однако в последние 30 лет российская система МСУ постепенно эволюционировала в сторону «огосударствления». В принятом в 2003 г. Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹, в поправках к нему, а также в проекте нового ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»² был применен подход, ориентированный на сужение самоуправленческого начала в системе управления российскими территориями. Эти процессы побуждают часть исследователей говорить, что сейчас

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания № 075-03-2022-296/3 от 21.09.2022 г. Научно-исследовательский проект № 122121400063-2.

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

² Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

муниципальная власть лишь формально может называться «самоуправлением»: участие граждан в ее деятельности находится «на минимальном уровне, ...а управленческие процессы предельно бюрократизированы и интегрированы в региональную вертикаль власти» [Петухов, 2017: 62–63].

Такое отчуждение граждан от власти особенно опасно сегодня, в условиях кризисных тенденций, когда появляется необходимость привлекать дополнительные ресурсы для решения социальных проблем и поддержания политической стабильности. Интерес российского государства к поиску ресурсов на локальном уровне реализуется через передачу органам МСУ большого числа полномочий (к сожалению, далеко не всегда обеспеченных финансово), а также через стимулирование различных форм социальной активности на местах. В свою очередь, тенденция к росту гражданской активности намечается и «снизу» (см., напр.: [Региональные модели..., 2020: 71–79]). По мнению ряда исследователей, это происходит под влиянием запроса на перемены в экономической и политической жизни, который возник как в определенной степени ответ «на попытки элит расторгнуть негласный “патерналистский консенсус”» [Петухов, 2019: 4].

На развитие местных сообществ и рост участия граждан в решении местных проблем оказывают влияние различные факторы, в качестве одного из которых в научной литературе принято рассматривать доверие к органам власти и МСУ [Сасаки и др., 2009: 24]. Может иметь место и обратный эффект: вовлечение населения в самоуправленческие практики (особенно те, которые предполагают конструктивное взаимодействие между активистами и представителями власти) становится условием, способствующим росту доверия граждан к местной власти [Петухов, 2022: 79].

Высокий интерес социологов к феномену доверия проявляется с XIX в. Исследователи обычно трактуют его как ориентацию на будущие возможные действия других людей и институтов с целью снизить степень неопределенности, непредсказуемости и неконтролируемости будущего, минимизировать опасности, которым подвергаются определенные типы действий [Гидденс, 2011: 150–152; Штомпка, 2012: 112]. Э. Гидденс в своих работах фиксирует наличие двух видов доверия – к людям и к абстрактным системам [Гидденс, 2011: 249–250]. Другими исследователями для обозначения этих двух типов доверия используется антитеза «межличностное доверие – институциональное доверие» (см., напр.: [Латов, 2021: 163–164; Сасаки и др., 2009: 24; Штомпка, 2012: 115–164]). Важным направлением работы социологов стал в этой связи анализ доверия граждан к различным общественным и государственным институтам, в том числе и к органам МСУ.

Значительное внимание зарубежные и российские ученые уделяют и анализу взаимосвязи институционального доверия (в том числе доверия к органам власти и МСУ) и гражданского участия. Здесь можно выделить несколько ключевых концептов. Согласно одному из них, высокий уровень доверия (обобщенного межличностного и институционального) оказывает позитивное влияние на функционирование общества и способствует росту социальной активности граждан [Доверие и недоверие..., 2013: 43; Сасаки и др., 2009: 24; Шабунова и др., 2015: 8]. Другая группа исследователей фиксирует рост гражданской активности в условиях, наоборот, низкого уровня доверия к социально-политическим институтам для решения общественно значимых проблем [Петухов, 2019: 4, 12].

В вопросе взаимосвязи активности граждан и их доверия к МСУ мы солидарны с Р.В. Петуховым, Е.В. Реутовым и М.Н. Реутовой, которые дифференцируют влияние различных форм гражданской активности на уровень доверия к муниципальной власти. Они отмечают позитивное влияние тех форм социальной активности, которые имеют конструктивный характер, связаны с получением информации о повседневной деятельности органов МСУ и результативны (участие в благоустройстве территории, в молодежных и студенческих объединениях, голосование на выборах и др.). В то же время ряд других форм взаимодействия граждан с органами МСУ (подача обращений в органы власти и др.), напротив, отрицательно сказывается на уровне доверия к ним [Петухов, 2022: 78–79; Реутов, Реутова, 2016: 16].

Институциональное доверие признается необходимым условием формирования партнерских отношений между гражданами и органами МСУ, повышения эффективности деятельности местной власти и, в конечном счете, политической стабильности. Однако, как отмечают многие исследователи, уровень доверия российских граждан к органам МСУ является невысоким, причем низкие показатели стабильны на протяжении длительного времени [Латов, 2021: 166; Петухов, 2020: 28; Реутов, Реутова, 2016: 14; Шабунова и др., 2015: 11]. Поэтому исследование причин этой стабильности на низком уровне и других вопросов, связанных с проблемой доверия современных россиян к органам МСУ, представляет несомненный не только научно-теоретический, но и практический интерес.

Методика исследования. Обращение авторов к анализу данных по Тверской области обусловлено рядом причин. Во-первых, эта область является типичным регионом Центральной России по уровню социально-экономического развития, политико-правовому устройству и социокультурным характеристикам, она включает почти все типы муниципалитетов, большинство протекающих в нем процессов типично как для Центрального федерального округа (ЦФО), так нередко и для России в целом. Поэтому региональные эмпирические данные, касающиеся доверия жителей этой области, тверичан, к органам МСУ, могут быть в значительной степени экстраполированы как на уровень ЦФО, так и на общероссийский уровень. Во-вторых, данные региональных исследований позволяют уточнять выводы, получаемые в ходе общероссийских опросов, за счет детализации структуры респондентов. В частности, при формировании выборки социологического исследования в регионе часто рекрутируются респонденты, проживающие в таких малодоступных муниципалитетах, жители которых обычно не попадают в общероссийские выборки. В-третьих, поскольку Российская Федерация включает регионы, значительно различающиеся по своему социально-экономическому, политическому и культурному развитию, то обращение к разным региональным данным позволяет получить важную дополнительную информацию о факторах, оказывающих дифференцирующее влияние на доверие россиян к МСУ.

Предметом данной статьи является анализ динамики доверия к органам МСУ и участия граждан в самоуправленческих практиках на местном уровне в их взаимосвязи в 2010–2020-х гг. Авторы стремятся при этом выявить факторы, оказывающие влияние на рост доверия к муниципальным органам.

Эмпирический анализ далее основан на материалах исследований, проведенных в 2012–2022 гг. научным коллективом кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета с участием авторов.

В статье использованы, во-первых, результаты социологического мониторинга (2012–2022 гг.), направленного на анализ динамики представлений жителей Тверской области о МСУ и выявление их самоуправленческого потенциала. Объектом исследования являлись жители муниципальных образований (МО) различного типа Тверского региона в возрасте от 18 лет. Выборка была квотной, репрезентативной по полу, возрасту и типу поселения. Объем выборочной совокупности в разные годы варьировался в интервале примерно 600–1100 человек³, анкетирование респондентов проходило ежегодно в июне–июле.

Во-вторых, в данной работе представлены результаты новейшего исследования (октябрь 2022 г.), направленного на анализ доверия населения Тверской области к органам МСУ, его институциональных и ценностных оснований. Методика подготовки и проведения данного исследования аналогична методике, применяемой при проведении областного социологического мониторинга ($N = 1047$ чел., статистическая погрешность – 4%).

³ В 2012 г. было проанкетировано 624 респондента, в 2013 г. – 628 человек, в 2014 г. – 633, в 2015 г. – 739, в 2016 г. – 1043, в 2017 г. – 1099, в 2018 г. – 1083, в 2019 г. – 682, в 2020 г. – 942, в 2021 г. – 947 и в 2022 г. – 725 (статистическая погрешность – 4%).

Наконец, в-третьих, в статье для сравнения материалов по другим регионам РФ и по России в целом использованы результаты анализа вторичных данных.

Динамика доверия российских граждан к органам государственной власти и МСУ. Социологические замеры уровня доверия населения к органам МСУ осуществлялись с использованием двух основных вопросов – «Доверяете ли вы в целом органам местного самоуправления (главе вашего муниципалитета, местной администрации, местным депутатам)?» и «Каким из перечисленных органов власти и должностных лиц вы доверяете в большей степени?».

Динамика ответов на первый вопрос, демонстрирующий уровень доверия граждан к МСУ как социально-политическому институту, показывает (табл. 1), что в течение 2010-х гг. доля респондентов, в той или иной степени доверяющих ему, всегда была существенно меньше доли граждан, не доверяющих этому институту. Наиболее высокое значение этого показателя фиксируется в октябре 2022 г., когда суммарная доля «безусловно доверяющих» и «скорее доверяющих» (45,1%) впервые за весь период наблюдения несколько превысила сумму «безусловно не доверяющих» и «скорее не доверяющих» (39,3%).

Анализ ответов на второй вопрос позволяет сделать ряд наблюдений, касающихся соотношения доверия населения к различным органам МСУ с доверием к федеральным и региональным органам государственной власти (рис. 1, 2, 3).

Отметим, прежде всего, что выявленные региональные тенденции коррелируют с общероссийскими трендами. В частности, на уровне РФ уровень доверия населения к федеральным органам власти (за исключением Государственной думы РФ) тоже, как правило, превышает уровень доверия к структурам региональной власти и к органам МСУ. Особенно это касается президента РФ, относительно высокий уровень доверия к которому фиксируется в ходе многочисленных опросов в течение последних уже 10–15 лет. При этом следует отчасти согласиться с мнением К. Каарияйнена и Д. Фурмана, высказанным еще 20 лет назад, что доверие к президенту выступает в России фактором, обуславливающим институциональное доверие в целом [Фурман, 2003]. Надо только отметить парадокс, что для институционального доверия в России типичен контраст между высоким доверием к «далёким» от гражданина органам власти и низким доверием к более близким к нему властным органам.

В то же время доверие тверичан к президенту РФ оказывается в последние два года заметно (не менее чем на 10 п.п.) ниже общероссийского уровня. Так, согласно данным общероссийского опроса, организованного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в марте 2021 г., президенту РФ доверяли 62% россиян [Латов, 2021: 163–164]. В ходе же очередного этапа социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», проводившегося в мае 2022 г. Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, выразили доверие к президенту РФ 74% российских граждан [Как живешь, Россия?, 2022: 14]. В то же время, по результатам нашего исследования, доверие к президенту РФ в июне 2021 г. продемонстрировали 43% жителей Тверской области, в июне 2022 г. – 61%, а в октябре 2022 г. – 54%.

Проведенное нами исследование фиксирует невысокий уровень доверия тверичан к органам МСУ по сравнению с их доверием к президенту, правительству и главе

Таблица 1

Доверие органам местного самоуправления, 2012–2022 г., % ответивших

Уровень доверия органам МСУ	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2022, октябрь
Безусловно доверяют	1,8	5,4	8,7	2,2	6,8	1,8	8,2
Скорее доверяют	16,0	28,5	27,4	23,5	26,2	13,7	36,9
Скорее не доверяют	38,1	36,5	36,2	44,0	42,3	46,7	29,8
Безусловно не доверяют	29,5	17,0	18,4	17,9	16,2	24,2	9,5
Затруднились ответить	14,6	12,6	9,4	12,4	8,5	13,7	15,6

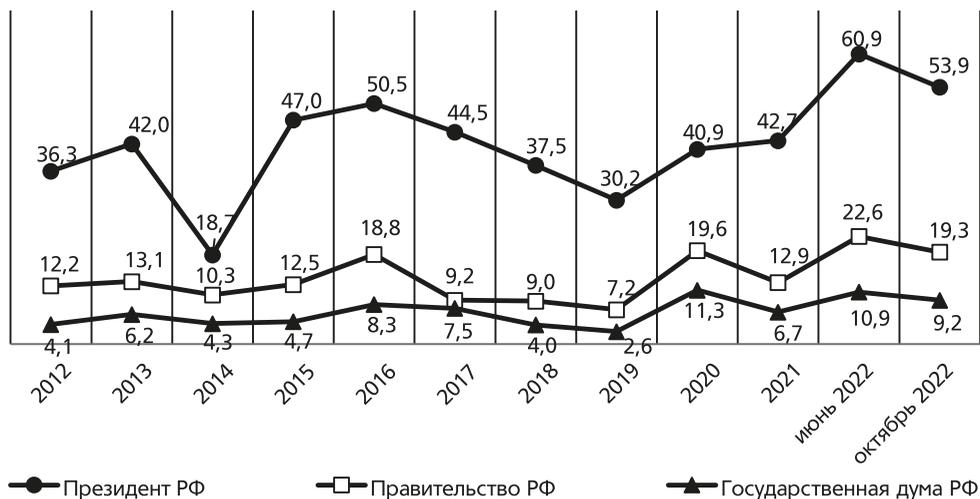

Рис. 1. Динамика доверия населения Тверской области к федеральным органам государственной власти, % ответивших

Рис. 2. Динамика уровня доверия населения Тверской области к региональным органам государственной власти, % ответивших

субъекта РФ. Согласно табл. 1, в течение 2010-х гг. суммарная доля «безусловно доверяющих» и «скорее доверяющих» этому институту практически никогда не превышала 1/3 населения (уменьшившись к 2017 г. до 15,5% и вновь увеличившись к 2022 г. до 45,1%). На низкий уровень доверия россиян к муниципальным органам указывают и другие исследователи [Петухов, 2020: 28]. Так, результаты общероссийских опросов, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2014–2021 гг. в мониторинговом режиме, показывают, что в 2015–2017 гг. органы МСУ входили в топ-5 «худших» институтов, которым россияне чаще не доверяют; правда, с конца 2017 г. отношение к ним стало меняться в лучшую сторону [Латов, 2021: 163–166].

Рис. 3. Динамика доверия населения Тверской области к органам МСУ, % ответивших

Наиболее высокий уровень доверия характерен в отношении тверичан к главам исполнительной власти всех уровней, являющихся субъектами властной вертикали. Поскольку эти институты часто ассоциируются с конкретными личностями, доверие к ним может быть в значительной степени персонифицированным, а не институциональным. Второе место по уровню доверия чаще всего занимают институты, наделенные административными функциями, а представительные органы государственной власти и МСУ пользуются наименьшим доверием населения. Подобная же тенденция фиксируется и при анализе данных общероссийских опросов. Исследователи отмечают, что россияне больше доверяют институтам «вертикали власти» и меньше – связанным с конкуренцией политическим силам, что, вероятно, свидетельствует о неукорененности представительной демократии в России [Латов, 2021: 166, 172].

Исследования показывают, что российские граждане не только мало доверяют муниципальным властям, но и мало ориентированы на личное участие в практиках МСУ в качестве муниципальных депутатов. Согласно данным мониторинга в Тверской области, доля респондентов, выразивших готовность избираться в качестве депутатов представительного органа МО, за все годы наблюдений варьировалась от 7,7% в 2012 г. до 11,5% в 2020 г., вернувшись в конце на почти исходный уровень (8,7% в 2022 г.). При этом когда в 2018 г. респондентов спрашивали о причинах их равнодушия к муниципальным делам, то более четверти (29,4%) опрошенных тверичан в качестве причины отказа от реализации своего пассивного избирательного права называли отсутствие интереса к подобной деятельности, еще четверть (25,8%) респондентов указывала на возраст, служащий ограничением для их социальной активности, и еще чуть менее четверти (22,0%) ответили, что не обладают достаточными способностями, знаниями и уровнем квалификации для осуществления такой работы.

Картина «взлетов» и «падений» уровня доверия тверичан к органам власти и МСУ тоже сходна с ситуацией в других российских регионах, хотя имеются и некоторые отличия. Так, в большинстве исследований фиксируется резкий «взлет» уровня доверия к президенту РФ в 2014 г. [Шабунова, 2015: 10] в связи с ростом патриотических настроений, вызванных политикой главы государства во время «Крымской весны». В Тверской же области увеличение доли граждан, выражающих доверие президенту, наблюдается лишь с 2015 г. Если говорить об органах МСУ, то уровень доверия к ним был наиболее высок

в изучаемом регионе именно в 2014 г. Спад уровня доверия к органам власти и МСУ происходил в изучаемом регионе в 2017 и 2019 гг., что аналогично результатам общероссийских опросов [Как живешь, Россия?, 2022: 14; Петухов, 2020: 28]. В то же время в ходе областного мониторинга зафиксирована тенденция к росту доверия к органам власти и МСУ в течение самых последних кризисных лет. Довольно высокий уровень доверия к властным структурам и органам МСУ наблюдался и после начала специальной военной операции на Украине. Правда, в октябре 2022 г. после объявления мобилизации произошло некоторое его снижение.

Данные опросов последних лет демонстрируют наметившуюся тенденцию к росту институционального доверия на муниципальном уровне. С июня 2021 г. уровень доверия населения к местной администрации (функционирование которой деперсонифицировано) начинает превышать уровень доверия к главе МО, т.е. есть тенденция переориентации на доверие к абстрактной системе (по терминологии Э. Гидденса) с ее формализованными нормами и правилами.

Проведенные авторами исследования позволили выявить зависимость доверия к местным властям от социально-демографических характеристик граждан, от их установок, представлений, ценностных ориентаций, моделей поведения и других групп факторов [Майкова, Симонова, 2023]. Поскольку участие граждан в практиках МСУ является атрибутивным свойством этого института, рассмотрим теперь взаимосвязь доверия к органам МСУ и участия населения в самоуправленческих практиках на местном уровне.

Динамика участия российских граждан в практиках МСУ. Обратимся к характеристикам вовлеченности россиян в практики МСУ.

Анализ эмпирических данных (табл. 2 и 3) показывает, что уровень установок граждан на участие в МСУ (порядка 40–55%) заметно выше уровня их реальной вовлеченности в муниципальные практики (порядка 25–35%). На традиционно относительно невысокий уровень участия россиян в практиках МСУ ранее уже неоднократно обращалось внимание в трудах исследователей, в том числе и авторов данной статьи [Региональные модели..., 2020: 71–79].

Причины низкого участия в МСУ респонденты видят, прежде всего, в отсутствии интереса к общественной деятельности, желания брать на себя ответственность, а также распространенности ожиданий, что решать муниципальные проблемы должны не сами граждане, а отчужденная от них местная власть. Эту отчужденность подчеркивает то, что в качестве факторов, лимитирующих участие людей в практиках МСУ, респонденты очень часто называют невозможность на что-либо повлиять и отсутствие результатов

Таблица 2

Доля желающих принимать участие в жизни своего населенного пункта, 2018–2022 гг., % ответивших

Установка на участие в МСУ	2018	2019	2020	2021	2022, июнь	2022, октябрь
Да	17,9	21,7	18,4	17,3	14,9	18,9
Скорее да	22,8	23,9	31,5	32,9	33,2	36,9
Скорее нет	23,7	16,0	27,0	22,9	22,3	16,2
Нет	21,6	24,1	13,1	15,1	15,6	14,0
Затруднились ответить	14,0	14,3	10,1	11,7	13,9	14,0

Таблица 3

Доля реально принимавших в течение последнего года участие в жизни своего населенного пункта, 2020–2022 гг., % ответивших

Участие в практиках МСУ	2020	2021	2022, июнь	2022, октябрь
Да	24,8	26,2	30,9	36,4
Нет	64,3	65,7	60,0	53,2
Затруднились ответить	10,9	8,1	9,1	10,4

Таблица 4

Структура объяснений, почему люди не принимают активного участия в деятельности местного самоуправления, 2014–2022 гг., % ответивших

Причины низкой активности населения	2014	2018	2022, июнь
Отсутствие интереса к общественной деятельности	34,1	35,8	44,5
Отсутствие желания брать на себя ответственность	21,3	29,0	37,6
Представление, что решением проблем должна заниматься муниципальная власть	25,1	27,0	30,2
Невозможность на что-либо повлиять, реальных результатов от усилий не будет	20,1	46,2	29,8
Дефицит информации о возможностях участия в МСУ	15,2	20,5	19,6
Незаинтересованность органов МСУ в активности граждан	15,2	25,1	19,6
Отсутствие финансовых возможностей	11,2	18,0	18,9

деятельности, незаинтересованность органов МСУ в активности граждан, дефицит информации о возможностях участия и финансовых возможностей у граждан (табл. 4).

Обращаясь к анализу динамических характеристик вовлеченности россиян в практики МСУ, отметим постепенный рост активистских установок населения (табл. 2) и уровня участия граждан в самоуправленческих практиках к 2022 г. (табл. 3, рис. 4). Эта тенденция к росту была в Тверской области характерна практически для всех наиболее распространенных и значимых форм и видов участия населения в МСУ (единственное исключение – участие в сходах и собраниях по месту жительства, уровень которого снизился за последний год на 11 п.п.).

Изменения происходили и в восприятии респондентами причин гражданской пассивности. Так, в 2018 г. ключевой причиной, сдерживающей активность граждан, считалась низкая результативность участия в практиках МСУ и отсутствие возможности

Рис. 4. Динамика форм и видов участия населения Тверской области в практиках МСУ, % ответивших

влияния на политику местных властей. По сравнению с 2014 г. возросло значение и такого лимитирующего фактора, как незаинтересованность органов МСУ в активности граждан. Но к 2022 г. значение этих факторов существенно снижается, а причины низкой активности связываются теперь с личностными характеристиками людей и особенностями российского менталитета (патерналистские ориентации).

В ходе исследования мы выявили взаимосвязь между уровнем доверия населения к органам МСУ и наличием у граждан активистских установок, ориентации на гражданское участие и опыта такого участия. Респонденты, которые согласны, что активная жизненная позиция жителей способствует улучшению ситуации в муниципалитете, демонстрируют и более высокий уровень доверия к органам МСУ по сравнению с гражданами, отмечающими бесполезность гражданской активности. В 2019 г. этот разрыв составлял в отношении доверия главе МО 11,8 против 7,6%, в доверии администрации МО – 10,9 против 1,5%, а в доверии представительному органу МО – 7,0 против 1,5%. Для респондентов, готовых реализовывать пассивное избирательное право (быть избранными), характерен и более высокий уровень доверия к представительному органу МСУ (12,7 против 7,8% у не желающих избираться в июне 2022 г.). Однако главе МО они доверяют в меньшей степени, чем респонденты, не стремящиеся к самореализации в качестве муниципального депутата (9,5 против 11,6%, по данным опроса в июне 2022 г.). Респонденты, принимавшие участие в практиках МСУ, в большей степени, чем не участвующие в МСУ граждане, доверяют местной власти (46,6 против 43,4% в октябре 2022 г.)⁴. Наконец, в 2019 г. жители Тверской области, имеющие членство в общественных организациях, больше доверяли главе (22,7 против 11,4%) и администрации МО (13,6 против 8,8%), чем респонденты, в таких организациях не состоящие.

В то же время влияние гражданской активности на уровень доверия к органам МСУ неоднозначно: его показатели бывают достаточно неустойчивыми и противоречивыми, а само влияние может быть и негативным, что подтверждается и другими исследователями [Петухов, 2022: 78–79; Реутов, Реутова, 2016: 16]. Так, в ходе опроса 2019 г. мы фиксировали, что доверие к институтам МСУ выше у граждан, обратившихся в органы МСУ, чем у жителей муниципалитетов без подобного опыта (доверие к главе МО – 18,3 против 9,7%, к администрации МО – 11,7 против 8%, а к представительному органу МО – 7,5 против 5,7%). Однако в октябре 2022 г. наибольшая доля обращений в органы МСУ наблюдалась среди респондентов, которые «безусловно не доверяют» муниципальной власти (52,8 против 31,1% у «безусловно доверяющих»). Вероятно, недоверие в этом случае – результат негативного опыта взаимодействия с представителями органов МСУ (в том числе, возможно, и коррупционного) [Петухов, 2020: 29]. Например, граждане, указывающие на коррумпированность и семейственность муниципальных служащих в качестве одной из существенных проблем, затрудняющих работу органов МСУ, демонстрируют и гораздо более высокий уровень недоверия к местной власти по сравнению с респондентами, для которых эта проблема не столь значима (в 2017 г. 51 против 22,1%)⁵.

Анализируя динамику взаимосвязи между уровнем доверия населения к органам МСУ и участием в самоуправленческих практиках, отметим определенную волнообразность происходящих процессов, которые в значительной степени синхронизированы (рис. 5). В большинстве случаев «взлеты» и «падения» уровня доверия к органам власти и МСУ и участия жителей Тверской области в самоуправленческих практиках на местах

⁴ Указаны суммарные доли ответов, с одной стороны, «безусловно доверяю» и «скорее доверяю», а с другой стороны, «безусловно не доверяю» и «скорее не доверяю».

⁵ Указаны суммарные доли ответов, с одной стороны, «безусловно доверяю» и «скорее доверяю», а с другой стороны, «безусловно не доверяю» и «скорее не доверяю».

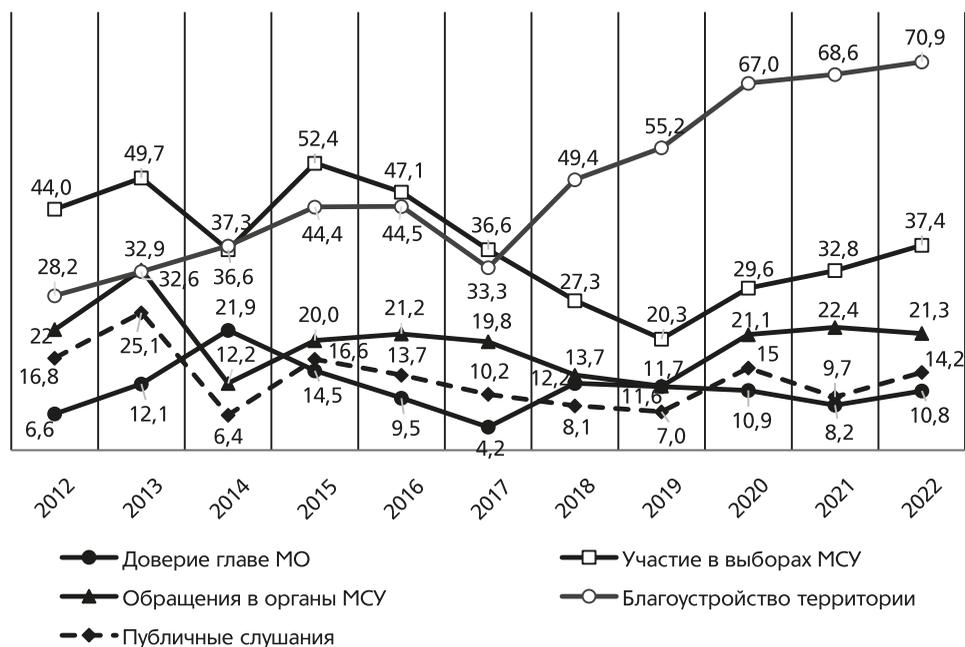

Рис. 5. Динамика уровня доверия населения Тверской области к главе МО и участия в некоторых самоуправленческих практиках, % ответивших

происходят одновременно или с небольшим временным лагом (2012–2013 гг., 2017 г., 2019–2020 гг., 2022 г.).

Региональная особенность с очевидностью проявляется в точке 2014 г. В этот период резко падает уровень доверия к федеральной и региональной власти (по общероссийским опросам наблюдался, наоборот, его рост) и «проседают» практически все показатели гражданского участия, но наблюдается резкий и существенный рост доверия к органам МСУ. Вероятно, такие «скачки» могли быть реакцией не только на общероссийские кризисные тенденции в экономике, но и на проблемы, существовавшие в тот период в структурах региональной власти Тверской области, где был зафиксирован ряд коррупционных скандалов⁶. Показательна в этой связи динамика обращений граждан в органы МСУ: с ростом уровня доверия к главе МО происходит снижение показателя обращений и, наоборот, со снижением уровня доверия растет доля граждан, которые обращаются в органы МСУ со своими проблемами.

Заключение. Итак, как мы видим, результаты исследования демонстрируют невысокий уровень доверия жителей Тверской области к органам МСУ по сравнению с доверием к органам государственной власти федерального и регионального уровней. Наибольшим доверием тверичан пользуется, как и по России в целом, президент РФ. Самые же низкие показатели доверия характерны для представительных органов государственной власти

⁶ В частности, в 2014 г. расследования и судебные процессы проходили по уголовным делам в отношении заместителя начальника Управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Тверской области, начальника полиции по оперативной работе УМВД России по городу Твери, министра строительства, министра здравоохранения, замминистра промышленности и информационных технологий Тверской области (см., напр.: Работа над ошибками. Самые громкие скандалы, расследования и трагедии Тверской области в 2014 году // Афанасий-Бизнес. 2014. 28 декабря. URL: <https://www.afanasy.biz/news/incident/80195> (дата обращения: 01.11.2022)).

и МСУ. Доверие к органам власти и МСУ носит в большей степени персонифицированный, а не абстрактно-функциональный характер. Однако на муниципальном уровне наметилась тенденция к росту институционального типа доверия: доверие к местной администрации начинает превышать уровень доверия к главе МО, что может свидетельствовать о переориентации на доверие к «абстрактной системе» с ее формализованными нормами и правилами. Усиление данного тренда, наряду с ростом гражданской активности, создает условия для разворачивания самоуправленческой тенденции в обществе и развития МСУ на новом качественном уровне с преобладанием активистских, а не патерналистских ориентаций.

На уровень и характер доверия граждан к органам МСУ влияют различные группы факторов. Более высокий уровень доверия характерен для граждан, имеющих позитивный опыт взаимодействия с муниципальными органами. Наличие активистских установок у жителей Тверской области, готовности принимать участие в самоуправленческих практиках, их реальная общественная деятельность, как правило, способствуют росту уровня доверия к органам МСУ. Представления же о коррумпированности и семейственности муниципальных служащих, наоборот, служат фактором, стимулирующим снижение доверия к местной власти.

Исследование позволило эмпирически подкрепить исходную гипотезу авторов о взаимосвязи и взаимовлиянии феноменов доверия граждан к органам МСУ и участия населения в самоуправленческих практиках на местном уровне. Доверие является условием участия граждан в МСУ, в то же время развитие практик МСУ и активизация участия в них жителей МО имеют в качестве одного из позитивных социальных эффектов рост доверия к местной власти, способствуя формированию у людей активистских установок и поведенческих моделей. Исследование продемонстрировало определенную волнообразность, даже в значительной степени синхронность процессов, связанных с динамикой уровня доверия к органам власти и МСУ и участия населения в самоуправленческих практиках. В течение последних кризисных лет наблюдается тенденция к росту как уровня доверия населения к органам власти и МСУ, так и уровня участия в практиках МСУ.

Таким образом, обращение к данным Тверской области, в которой, с одной стороны, протекают процессы, типичные для ЦФО и во многих случаях для России в целом, а с другой стороны, существуют региональные особенности развития, позволило подтвердить и уточнить выводы относительно уровня и факторов доверия к МСУ, сделанные в ходе всероссийских опросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гидденс Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества: коллективная монография. Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: НИУ ВШЭ, 2013.
- Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=11065 (дата обращения: 16.10.2022).
- Латов Ю.В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175.
- Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Детерминация доверия населения российских муниципалитетов к органам местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023 (готовится к печати).
- Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14.
- Петухов Р.В. Влияние опыта гражданского участия на доверие муниципальным властям // Материалы I Всероссийского форума молодых исследователей социальных наук, II Молодежной научно-практической конференции исследователей социальных наук (г. Вологда, 21–24 июня 2022 г.). Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022. С. 75–81.

- Петухов Р.В. Доверие российского общества к органам местного самоуправления // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 61–75.
- Петухов Р.В. Если ли связь между разрушениями доверия общества к местным властям и изменениями конституционного регулирования местного самоуправления? // Местное право. 2020. № 3. С. 27–34.
- Региональные модели местного самоуправления в современной России. Под общ. ред. Э.Ю. Майковой, Е.В. Симоновой. Тверь: Тверской государственный технический университет, 2020.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н. Доверие к муниципальной власти и интеграция социального пространства местного сообщества // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 5. С. 12–21.
- Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С., Латова Н.В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Журнал институциональных исследований. 2009. Т. 1. № 1. С. 20–35.
- Сасаки М., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Воронов В.В. Сравнительный анализ доверия в различных странах // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 60–73.
- Фурман Д. «Я доверяю Президенту»: Трансформация социальной поддержки власти в постсоветской России // Свободная мысль – XXI. 2003. № 5. С. 25–40.
- Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П. Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. 2015. Вып. 2 (76). С. 7–19.
- Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.

Статья поступила: 15.11.22. Финальная версия: 30.01.23. Принята к публикации: 04.02.23.

RELATIONSHIP OF TRUST IN LOCAL SELF-GOVERNMENT AND PARTICIPATION IN SELF-GOVERNING PRACTICES (by example of the Tver Region)

E.Yu. MAYKOVA, E.V. SIMONOVA

Tver State Technical University, Russia

Eleonora Yu. MAYKOVA, Dr. Sci. (Phil.), Associate Professor, Head of the Department of sociology and social technologies, Vice-rector for educational work (maykova@yandex.ru); Elena V. SIMONOVA, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor of the department of sociology and social technologies (Simonova-E-V@yandex.ru). All – Tver State Technical University, Russia, Tver.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of state assignment № 075-03-2022-296/3 dated 21.09.2022. Project № 122121400063-2.

Abstract. The dynamics of trust in local self-government bodies and the participation of Russians in self-government practices at the local level in their interrelation is revealed. The results of sociological research conducted in the Tver Region are presented (2012–2022). The method of formalized interviewing is used. A comparison with the data of all-Russian surveys is made. The results of measuring the level of trust in local self-government are presented. A comparative analysis of trust in municipal, regional and federal public authorities was carried out. The activist attitudes of Russians and the level of their real participation in the practices of local self-government are investigated. The results of the study demonstrate a low level of citizens' trust in municipal bodies and their participation in self-governing practices. The analysis of the dynamics of institutional trust in local self-government bodies and civic engagement demonstrates a tendency for their growth during the last crisis years under the influence of both objective and subjective factors. The article pays special attention to the analysis of subjective factors. Conclusions are drawn about the formation of conditions for the unfolding of a self-governing trend in society and the development of local self-government at a new qualitative level with the predominance of activist, rather than paternalistic orientations.

Keywords: local self-government bodies, institutional trust, subjective factors, activist attitudes, self-governing practices, citizen participation, social dynamics.

REFERENCES

- Giddens E. (2011) *The consequences of modernity*. Moscow: Praxis Publishing and Consulting Group. (In Russ.)
- Furman D. "I trust the President": Transformation of social support of power in post-Soviet Russia. *Svobodnaya mysl' – XXI* [Free Thought – XXI]. 2003. No. 5: 25–40. (In Russ.)
- Kupreichenko A.B. et al. (eds) (2013) *Trust and distrust in the conditions of development of civil society: a collective monography*. Moscow: HSE. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2021) Institutional trust as social capital in modern Russia (on the results of monitoring). *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [Political studies]. No. 5: 161–175. (In Russ.)
- Levashov V.K. et al. (eds) (2022) *How are you living, Russia?* Express information. 52 stage of sociological monitoring, May 2022: [bulletin]. Moscow: FCTAS RAS. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=11065 (accessed 10.16.2022). (In Russ.)
- Maykova E.Yu. et al. (eds) (2020) *Regional models of local self-government in modern Russia*. Tver: Tver State Technical University. (In Russ.)
- Maykova E. Yu., Simonova E.V. Determination of the trust of the population of Russian municipalities to local governments. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2023 (forthcoming). (In Russ.)
- Petukhov R.V. (2020) Is there a connection between the destruction of public confidence in local authorities and changes in the constitutional regulation of local self-government? *Mestnoe pravo* [Local law]. No. 3: 27–34. (In Russ.)
- Petukhov R.V. (2022) The influence of the experience of civic participation on trust in municipal authorities. In: *Materials of the I All-Russian Forum of Young Researchers of Social Sciences, II Youth Scientific and Practical Conference of Researchers of Social Sciences (Vologda, June 21–24, 2022)*. Vologda: FSBI VoISC RAS: 75–81. (In Russ.)
- Petukhov R.V. (2017) The Russian Society's Confidence in the Local Governments as a Problem. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [Political studies]. No. 6: 61–75. (In Russ.)
- Petukhov V.V. (2019) Civic participation in Russia today: interaction of social and political practices. *Sotsiologiticheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 3–14. (In Russ.)
- Reutov E.V., Reutova M.N. (2016) Trust in municipal authorities and integration of the social space of the local community. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences]. Vol. 11. No. 5: 12–21. (In Russ.)
- Sasaki M. et al. (2009) Problems and paradoxes of the analysis of institutional trust as an element of social capital of modern Russia. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij* [Journal of Institutional Studies]. Vol. 1. No. 1: 20–35. (In Russ.)
- Sasaki M. et al. (2013) Comparative analysis of trust in different countries. *Sotsiologiticheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 60–73. (In Russ.)
- Shabunova A.A. et al. (2015) Trust and social development in Russia. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of development of territories]. Issue 2 (76): 7–19. (In Russ.)
- Shtompka P. (2012) *Trust is the foundation of society*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Received: 15.11.22. Final version: 30.01.23. Accepted: 04.02.23.

А.В. НОВОКРЕЩЕНОВ

РЕФОРМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОЦЕССЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПАРАДОКСЫ

НОВОКРЕЩЕНОВ Александр Васильевич – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Новосибирск, Россия (novokreshchenov-av@ranepa.ru).

Аннотация. *Анализируя процессы, связанные с очередной реформой местного самоуправления, автор указывает, что предпринимаемые попытки имплантировать социально-политический институт, возникший в Западной Европе, на российскую почву всегда заканчивались неудачей, поскольку живой организм отторгает чужеродное тело. Оценивая состояние дел в местном самоуправлении, а также плюсы и минусы проекта Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», автор опирается на результаты опроса 18-ти глав поселений Новосибирского муниципального района. Акцентируется внимание на необходимости радикальных изменений системы подготовки кадров для органов муниципальной публичной власти.*

Ключевые слова: *местное самоуправление • территориальная организация • органы местного самоуправления • социально-политический институт • органы публичной власти*

DOI: 10.31857/S013216250022092-4

В последние годы среди российских обществоведов снова активизировалось обсуждение старого вопроса, чем и насколько Россия отличается от стран Запада. Парадокс этого длящегося уже не один век обсуждения заключается в том, что если на уровне общей теории чаще всего подчеркивается, что Россия не совсем (или даже совсем не) Европа, то при осуществлении практических преобразований всё равно, как правило, за основу берутся именно те или иные западноевропейские образцы. Результаты такой институциональной трансплантации оказываются обычно сильно отличными от исходного образца. Автор попытается далее аналитически рассмотреть один из таких примеров, связанный с проблемами (ре)организации институтов местного самоуправления, чтобы на данном частном примере продемонстрировать достоинства и недостатки метода «пересаживания» на российскую почву западных институтов.

Неудачные попытки институциональной имплантации. В постсоветской России никак не удается выстроить эффективно функционирующее местное самоуправление ни на законодательном уровне, ни на уровне практики. Изначально попытались привнести на российскую почву англосаксонскую модель местного самоуправления, игнорируя, что этот социально-политический институт, возникший в иное историческое время, в иных социально-экономических и политических условиях, в иной ментальной среде, не подходит для постсоветской России. Отторгается и местное самоуправление, целиком построенное на правовой базе Европейской хартии 1985 г., как самостоятельная властная сила, органы которой «не входят в систему органов государственной власти».

Принятый в 1995 г. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», сформированный на так называемой общественно-хозяйственной теории местного самоуправления (а по сути повторяющий Европейскую хартию), никак не вписывался в российскую действительность. Поэтому после многочисленных поправок он был заменен новым законом (Федеральный закон № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г.) с тем же названием. Но и здесь законодатели обратились к европейскому опыту, уже Германии,

и к известным в социологии понятиям «община» и «общество», установив двухуровневую модель. Этот закон тоже не выдержал испытания: пошли многочисленные поправки, суть которых сводилась в основном к усилению централизации и государственному контролю по советской традиции. Иначе было невозможно, поскольку территориальная, социально-политическая и даже в какой-то мере экономическая основы оставались прежними. Народ тоже оставался тем же, со своим пониманием власти и управления. После принятия нового закона в ходу была шутка: раньше был райисполком – рай, а теперь администрация – ад.

Заметим, что в СССР такого органа, как администрация, не было: исполкомы (горисполкомы, райисполкомы) представляли собой аппараты, обеспечивающие работу Советов, а председатели Советов (сельских, районных, городских) таковыми были только во время сессии Советов, а между сессиями они являлись председателями исполкомов. Это означало отсутствие разделения органов на исполнительные и представительные в современном понимании на местном уровне. Сейчас такое допускается лишь в малочисленных муниципальных образованиях сельских поселений.

Ныне со всей очевидностью идет реформирование местного самоуправления по образцу антиземской реформы Александра III. Эта реформа реализовала на практике так называемую государственную теорию местного самоуправления, сторонниками которой в 1880-е гг. были известные ученые А.Д. Градовский, В.П. Безобразов, Н.И. Лазаревский и другие. Вот мнение академика В.П. Безобразова, осознанное нашими законодателями через полторы сотни лет: «Истинные органы самоуправления, возникнув на общественной почве под влиянием общественных интересов, тем не менее не перестают быть государственными, и для этого [они] должны входить, как звенья, в общую систему власти и управления в государстве» [Безобразов, 1882].

Сейчас, как и тогда, слышны мнения, будто с местным самоуправлением покончено [Андреечев, 2021; Михеев, 2021; Упоров, 2019; Семенов, 2019]. Однако ничего катастрофического не происходит. Возможно, после 30-летнего муниципального строительства методом проб и ошибок будет найден оптимальный вариант, сочетающий в себе и опыт земства, и советский опыт, и отдельные моменты из практики европейских государств, гармонично вписывающиеся в российскую реальность. Читая находящийся в 2022 г. на обсуждении в Государственной думе проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹ (далее – проект Закона), мы найдем там элементы государственного контроля, характерные как для французской (континентальной) модели местного самоуправления, в которой рядом с органами местного самоуправления соседствуют государственные префектуры, так и с германской (смешанной) моделью, где бургомистры замещают муниципальные и государственные должности одновременно (однако в Европе их за это никто не осуждает и в антидемократизме не обвиняет). Ревнителю Европейской хартии местного самоуправления в нашей стране могут успокоиться: радикальных отступлений от международного опыта не происходит. Напротив, проект Закона вбирает в себя специфические особенности местного самоуправления, апробированные в Европе.

Новый подход к территориальной организации местного самоуправления. Некоторые моменты, содержащиеся в проекте Закона, заставляют задуматься. Речь идет, прежде всего, об очередной реформе территориальной организации местного самоуправления. Эта тема является ключевой, вызывая сильное беспокойство глав муниципальных образований поселений, поскольку для них в результате реформы не остается места в структуре местного самоуправления.

Вначале выскажу мнение, что нецелесообразно менять территориальную организацию местного самоуправления «одним чохом», как это было сделано в соответствии

¹ Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 20.12.2022).

с Федеральным законом № 131-ФЗ. Как известно, в качестве территориальной основы поселений были взяты территории колхозов и совхозов, которые являлись одновременно территориями сельских Советов, а административные районы стали муниципальными районами. Стоит только удивляться «прозорливости» партийных работников, которые, устанавливая советскую власть на местах и проводя коллективизацию в 1920–1930-е гг., предначертывали территориальное устройство, как говорится, на века. За годы существования эти территории успешно прошли весь советский период, когда финансово-экономические основы были принципиально иными. Бюджеты в истинном понимании тогда отсутствовали, вся собственность являлась государственной (колхозно-кооперативная собственность фактически тоже была огосударствлена), и социальные проблемы населенных пунктов в основном решались за счет базовых предприятий. Финансирование жизнедеятельности территорий осуществлялось из госбюджета по нормативам, разработанным плановыми органами. Таким образом, территориальная основа создавалась в другое время для других целей, но она практически без изменений легла в основу местного самоуправления в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ, теперь она переходит (в том, что касается муниципальных районов) в муниципальные округа, а поселения опять огульно ликвидируются.

Проект Закона широко обсуждается и среди ученых, и в среде практиков – работников органов публичной власти. Обратим в этой связи внимание на следующее замечание: «Люди живут не на некоторых территориях вообще, а, как правило, в местах компактного совместного проживания, то есть как раз в поселениях» [Широков, 2022: 1]. Люди живут именно в населенных пунктах (деревнях, селах, поселках, городах), а поселение, согласно Федеральному закону № 131-ФЗ, – это муниципальное образование, которое может включать не одно или два, а до десятка населенных пунктов. О разнице между поселениями и населенными пунктами написаны десятки статей [Бабичев, 2015]. Например, некоторые поселения в Новосибирском районе Новосибирской области включают в себя несколько населенных пунктов, отстоящих друг от друга на десятки километров. Ошибка разработчиков Федерального закона № 131-ФЗ в том, что за основу территориальной организации местного самоуправления были взяты не населенные пункты, не местные сообщества, а советское административно-территориальное деление и территории совхозов с центральными усадьбами и их отделениями. В результате получились бедные и богатые поселения, поскольку и совхозы, наследство которых они получили, были бедные или богатые. Многие годы с помощью многочисленных поправок в законе их пытались уравнять, но это оказалось бесполезным, а теперь решили их вовсе ликвидировать.

Автору вспоминается беседа с бывшим главой Новосибирского района, который сетовал на то, что у них в районе завелись «поселенческие сепаратисты». Оказалось, что это крупные пригородные поселения, обладающие самодостаточным бюджетом и решающие свои проблемы, непосредственно обращаясь в федеральные и региональные органы государственной власти в обход муниципального района. Как сейчас быть с этим «сепаратистами»? Ликвидировать, так же как и те поселения, где весь бюджет равен зарплате главы администрации? С этим новшеством согласиться нельзя, так как исчезнет нижний уровень местного самоуправления – поселения, местные общины, и с ликвидацией органов местной власти усилится отток населения из отдаленных от города сел.

Опрос глав администраций сельских поселений. Для понимания основных проблем современного местного самоуправления в апреле-мае 2022 г. методом глубинного интервью нами был проведен опрос всех глав муниципальных образований сельских поселений Новосибирского муниципального района Новосибирской области. Это – пригородный район из 18-ти поселений (17 сельских, одно городское) с общей численностью населения около 150 тыс. человек, которая ежегодно стремительно растет. Нетипичность этого района для области состоит в том, что в среднем по району примерно 70% жителей работают в Новосибирске. Вся молодежь тоже связана с городом – учится в вузах или колледжах. Прирост населения в этом районе идет не только из далеких сел и деревень,

но из города. Новосибирск окружен кольцом коттеджных поселков, которые находятся как в черте города, так и за его чертой. Вместо маленьких садовых домиков все чаще появляются красивые благоустроенные дома. Идет дезурбанизация, появляется новая социальная категория полугорожан-полусельчан. Этот район не типичен для Новосибирской области, но типичен для крупных городских агломераций всей России.

В районе имеются большие различия между поселениями. Есть и богатые, и бедные как результат отчасти наследства советской власти, отчасти современных обстоятельств. Есть поселения, обладающие природными ресурсами, сетью транспортных коммуникаций, инвестиционной привлекательностью, а есть такие, у которых нет ни того, ни другого, ни третьего. Разумеется, в основе успеха в значительной степени лежат компетентность, опыт и талант руководящего состава территорий. Однако с этим согласны не все.

Профессор Ю.М. Плюснин, выявивший четыре типа стратегий муниципального управления, в качестве лучшей и единственно правильной считает так называемую стратегию «реального местного самоуправления». Определяющими для нее являются «изоляция и жизнь собственными силами... нередко здесь глава муниципалитета и/или глава администрации откровенно номинален, обычно выбирается он из случайных, некомпетентных и не пользующихся уважением людей, а реальное управление осуществляется силами всего общества или группой активистов» [Плуснин, 2022: 113–114]. Опыт показывает, что все происходит как раз наоборот.

Вышеперечисленное определяет различие мнений глав поселений о реформе местного самоуправления. Нельзя сказать, что никто из глав не видит ничего хорошего в объединении муниципальных образований в один муниципальный округ. Наиболее убедительно на этот счет высказалась глава сельсовета В.: объединение поселений, по ее мнению, даёт единый генеральный план и сбалансированное развитие территории, единые тарифы на услуги ЖКХ, на транспорт, единые правила благоустройства, единый подход к налоговой политике и т.п. Но почти все главы администраций этот «плюс» рассматривают как мифический, а реальные последствия территориальной реформы они видят в другом. Так, по мнению главы сельсовета К., *«самостоятельность администраций поселений в результате реформы полностью утрачивается, а это повлечет снижение качества жизни населения. Неизбежно нарастание недовольства и социальной напряженности»*. Прогнозирует он и экономические проблемы: *«Объединение муниципальных образований в один округ действительно позволит сконцентрировать имеющиеся ресурсы в одном месте, но от этого не произойдет их увеличение. Возникает ситуация, при которой собственные средства крупных муниципальных образований будут направлены на финансирование дотационных населенных пунктов»*. Такая ситуация возникала в советское время, когда дополнительное финансирование шло бедным хозяйствам за счет богатых, что приводило к разорению тех и других.

Это, можно сказать, доминирующие точки зрения. Но есть и другие. Например, глава сельсовета М. предлагал создать на территории района несколько муниципальных округов. На наш взгляд, в этом есть смысл. Например, во Франции коммуны, объединенные в ассоциации для совместного решения актуальных проблем, не разрушая системы местного самоуправления, дают положительные результаты.

Подытоживая мнения глав поселений, можно представить следующую структуру муниципальных образований на территории нынешнего муниципального района: крупные самодостаточные поселения сохраняются как самостоятельные муниципальные образования, не входящие в округ; поселения, имеющие общие границы с городским округом, население которых на 90% работает в городе, входят в его состав; на основе остальных населенных пунктов создается один или несколько муниципальных округов (возможно, совместно с населенными пунктами из ближайших муниципальных районов). В любом случае задача эта непростая, требующая экономического расчета, а главное – удовлетворения потребностей и интересов местных сообществ. Но большинство глав поселений все-таки высказываются за то, чтобы сохранить поселенческий уровень. Именно таково

их главное возражение против проекта закона, причем беспокоятся они не столько за себя (за ними рабочее место сохранится в той или иной форме), сколько за людей, за местное сообщество. Жизнь местного сообщества, собственно, и является местным самоуправлением. Везде местное самоуправление включает в себя два уровня: если не будет нижнего (общинного) уровня местного самоуправления, не будет и верхнего.

Муниципальные должности и должности муниципальной службы. Другая проблема, связанная с проектом закона, касается органов местного самоуправления. Рассмотрим сначала теоретический аспект.

Некоторые авторы (напр., [Василенко, 1990]), рассматривающие государственное управление как науку, начало её возникновения относят к последней четверти XIX в. Именно тогда такие теоретики, как Ф. Гуднау, В. Вильсон, М. Вебер и др., стали отделять публичную власть от публичного управления. В частности, Ф. Гуднау писал: «Политика – это влияние на политический курс государства путем создания партий из граждан государства, участвующих в политическом процессе, а управление – обязанности официальных лиц, которые реализуют, осуществляют данный политический курс» [Гуднау, 2003]. Это говорилось о государственной власти, но предложенное Гуднау разграничение смело можно перенести на власть публичную. М. Вебер доступно показал, чем отличаются лица, замещающие государственные должности, от лиц, замещающих должности государственной службы: они имеют различный источник власти; приобретают власть различным путем; ответственны за различные сферы деятельности; подвержены различным формам контроля; оцениваются по различным критериям; применяют различные методы воздействия [Вебер, 2006]. Согласно этому подходу, глава муниципального образования может быть лицом, замещающим муниципальную должность, в том случае, если он её получил в результате выборов. Источником власти для него является местное сообщество. Представительная демократия при этом, как известно, допускает избрание главы депутатами, поскольку они избраны населением.

Однако в проекте закона называется большое число никем не избранных лиц, причастных к управлению, замещающих муниципальные должности. Это противоречит классической теории публичного управления. На вопрос, чем отличается местное самоуправление от местного управления, ответ прост: если властные полномочия даны местным сообществом, то это самоуправление, а если вышестоящими органами, то это местное управление. И все же это не совсем так. Глава муниципального образования, независимо от способа его формирования, подотчетен депутатам, а они выражают мнение населения. Статья 131 Конституции РФ предполагает назначение органов местного самоуправления органами государственной власти. В принципе, это в традициях нашего общества и государства, с этим можно согласиться. Но как тогда быть со ст. 12 Конституции РФ? Европейская хартия местного самоуправления признает местное самоуправление при наличии всенародно избранного представительного органа, муниципальной собственности и местного бюджета. Все это непоколебимо сохраняется в нашей практике, несмотря ни на какие реформы. Так что и с точки зрения европейских норм мы имеем местное самоуправление. Все это предварительные размышления. Закон не принят, и трудно сказать, каким будет его окончательный вариант.

Проект Закона не предусматривает действующий сейчас порядок выборов главы муниципального образования депутатами из числа кандидатов, отобранных конкурсной комиссией. И хотя этот способ, как кажется, более демократичен, чем тот, что предлагается, его демократичность вызывает насмешку у жителей населенных пунктов. Всем понятно, что сначала отбирается кандидат на должность главы муниципального образования, а потом проводится процедура с конкурсом, в котором он неизбежно побеждает и, в конечном итоге, избирается депутатами. Хотя депутаты – представители народа, в демократичность данного способа никто не верит. О нелепости и смехотворности таких конкурсов говорит пример из личной практики. Глава сельского поселения, защищая итоговую аттестационную работу, рассказала, какие трудности они испытали, подыскивая,

как она сказала, «технического кандидата» для участия в процедуре выборов. Никто не хотел участвовать в данной фикции. Понятие «технический кандидат» стало общепринятым. Однако все главы поселений Новосибирского района получили должности именно посредством данного способа. На вопрос, какому способу выбора главы сельского муниципального образования отдает предпочтение, 14 из 17-ти опрошенных автором глав назвали именно этот – выборы депутатами из числа кандидатов, отобранных конкурсной комиссией. Лишь трое высказались за всенародные выборы. Глава сельсовета Б. на этот счет сказал так: *«Я чувствую себя очень неловко, когда меня спрашивают, каким таким образом я оказался во главе администрации, мол, мы тебя не избирали».*

Проект Закона предполагает не морочить голову с конкурсом, а напрямую на выборах глав муниципальных образований городских и муниципальных округов рассматривать кандидатуры, внесенные губернатором. Причем этих кандидатур должно быть не менее двух. На наш взгляд, в данном вопросе следует согласиться с проектом Закона, поскольку предлагается вариант, который можно обозначить как средний между муниципальным управлением и местным самоуправлением. Не случайно мы отказались от всеобщих муниципальных выборов главы муниципального образования. Опыт первых лет местного самоуправления показал, что избранные главы муниципальных образований, как правило, исполняющие полномочия глав администраций, оказывались недостаточно компетентными, а подчас и коррумпированными. Поправка в Федеральный закон № 131-ФЗ, разрешающая удаление главы муниципального образования представительным органом, эту проблему не решила. Появление такого положения в законе привело к массовому переходу глав муниципальных образований на должности председателей представительного органа, что в свою очередь привело к утрате единоначалия, а нередко к конфликтам между главой муниципального образования и главой администрации, работающим по контракту, но имеющим в своих руках муниципальную собственность, бюджет и аппарат администрации. Все это привело к возникновению указанного способа формирования высшего должностного лица через посредство конкурсной комиссии. Надо заметить, что в этом случае, согласно закону, глава муниципального образования исполняет полномочия главы администрации, – то есть всякое соперничество исключено. Как видим, проект Закона упростил процедуры и возложил ответственность за подбор кандидатур на пост главы муниципального образования на губернатора, а выборы – на представительный орган.

Кадры – ключевой вопрос местного самоуправления. Теперь с очевидностью встает вопрос, где взять достойные кандидатуры. Совершенно очевидно, что глава муниципального образования должен обладать всеми необходимыми компетенциями, которые связаны с исполнением этой должности. По крайней мере, он должен знать теорию, механизмы и правовое регулирование публичного управления, обладать лидерскими качествами и опытом безупречной и эффективной руководящей работы. Поскольку подбор такой кандидатуры ложится на губернатора, то и ответственность за его работу будет ложиться на него. Губернатор оказывается в сложном положении: метод проб и ошибок здесь не годится. На сегодняшний день, когда губернаторы также участвуют в формировании глав муниципальных образований (поскольку 50% состава конкурсных комиссий формируют они), ситуация не всегда благополучна. Имеются серьезные примеры профнепригодности, связанные не только с элементарной безграмотностью, но и с общей некомпетентностью, и с коррупцией.

Проблема кадров была и остается ключевой в государственном и муниципальном управлении. На уровне федерации эта проблема получила положительный импульс в связи с возникновением проекта «Лидеры России». Однако здесь не все просто и бесспорно. О чем проект – о лидерах или о руководящих кадрах? Амбициозное наименование проекта невольно заставляет критически подойти к его оценке. Как известно из социальной психологии, руководитель и лидер – вовсе не одно и то же. Руководитель – компетентный человек, облеченный полномочиями. Что касается лидера, здесь подразумевается талант, выделяющий человека из окружения способностью принимать оптимальные

решения, мобилизовать людей на их воплощение в жизнь [Третьякова, 2010]. Конечно, когда человек, обладающий лидерскими качествами, становится руководителем – это безусловное благо. Но много ли таких людей среди нас, и как разобраться, является ли человек лидером, или хочет выглядеть таковым?

Для лидерских качеств одних природных качеств мало, нужен повседневный напряженный труд по развитию способностей. В советское время это понимали; существовала целостная организационная система по выявлению, отбору и подготовке людей, обладающих лидерскими качествами. Даже когда сменилась эпоха, на высших руководящих постах остались бывшие руководящие кадры. То же самое было в регионах России. По мере ухода «старой гвардии» на руководящих должностях чаще стали оказываться случайные люди; тем более это касалось муниципальных образований. Поэтому президент ввел новый способ и взял на себя ответственность по участию в формировании высших должностных лиц исполнительной власти субъектов РФ. А теперь миссия по формированию глав муниципальных образований возлагается и на губернаторов.

Проекты «Лидеры России» и «Россия – страна возможностей» выполняют возложенную на них миссию, но к проблеме глав муниципальных образований эта миссия имеет отдаленное отношение. Советская («комсомольско-партийная») модель селекции состава руководящих кадров неприемлема в современных условиях. Единственный реальный путь решения данной проблемы – профессиональная подготовка. Здесь можно рассмотреть два варианта: мягкий и радикальный. В первом варианте речь идет о ликвидации в системе высшего образования бакалавриата направления «Государственное и муниципальное управление». Многолетний опыт работы со студентами показывает, что большинство из них (более 90% поступивших – девочки) не понимают, куда они поступили и зачем. Компетенции рабочих программ учебных дисциплин не отражают реальной деятельности чиновника и носят формальный характер. Многие преподаватели этими компетенциями не обладают, поскольку не связаны с работой органов власти. Выпускники направления ГМУ профессионально непригодны для работы в отделах министерств сельского хозяйства, строительства, здравоохранения и т.д., поскольку не имеют представления о содержании их деятельности. Даже если они попадут на работу в подобные структуры, то вынуждены будут оставаться в младшей группе должностей без шансов на успешную карьеру. Отдельные примеры успешного карьерного роста ситуацию принципиально не меняют. Рассчитывать, что из этого состава могут рекрутироваться главы муниципальных образований, тоже бессмысленно.

Магистратура в этом отношении более предпочтительна. Поступившие на направление ГМУ выпускники сельскохозяйственных, строительных, педагогических, медицинских и других вузов делают осмысленный выбор, стремятся получить необходимые знания для работы по своей специальности в органах власти. Такой подход к формированию резерва кадров более приемлем, но тоже не оптимальный. Главный недостаток – узкая специализация. Глава муниципального образования должен обладать *универсальными* компетенциями и предрасположенностью к руководящей работе.

Поэтому предлагается второй, радикальный вариант: сформировать, по образцу французских институтов региональной администрации или советских высших партийных школ, специальную сеть образовательных учреждений для подготовки руководящих кадров органов публичной власти. Данная идея не раз обсуждалась в публичном пространстве, даже была попытка её формализовать в виде Высшей школы государственного управления, но по разным причинам она не получила развития. Абсолютно обязательными при этом должны быть три момента: 1) образовательные учреждения должны находиться в ведении Администрации Президента РФ или Правительства РФ; 2) обучающиеся – лица, имеющие высшее образование и опыт безупречной руководящей работы, пройдя отбор при поступлении, должны быть зачислены в резерв кадров на должности в соответствии с их пожеланиями и рекомендациями приемной комиссии; 3) зоной распределения должен быть, по меньшей мере, федеральный округ с регулируемой

ротацией. В этом случае само обучение приобретает целенаправленный характер. Такой подход вытекает из изменений в Конституции РФ (ст. 131), а также из Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и из проекта Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Со времени рассмотрения в первом чтении проекта Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», взбудоражившего муниципальное сознание, прошел уже год. Этот проект сразу встретил негативную реакцию со стороны как поклонников «Европейской хартии местного самоуправления», так и со стороны, условно говоря, традиционалистов – тех, кто не хотел бы никогда ничего менять. Однако в течение года страсти улеглись. Их заслонили другие, более неотложные проблемы. Государственная дума больше к этому вопросу не возвращалась, да и сам проект в сети стал недоступным. В разговорах с главами муниципальных образований и муниципальными служащими легко уловить вздох облегчения («кажется, пронесло»).

Проект Закона завис, по нашему мнению, не столько из-за политической ситуации, сколько из-за неясности, что же дальше делать с местным самоуправлением. Пока у нас рассматривались только два варианта: либо по европейским образцам, либо развиваем централизацию, огосударствление, строго блюдем колхозно-совхозную территориальную основу (а в перспективе остается только отменить рынок, частную собственность и ввести «исконно русское» полное государственное регулирование). Чувствуется какая-то растерянность. Невольно вспоминаются слова одного из западных идеологов, что россияне вообще не способны на местное самоуправление.

Будет принят закон в новой версии или не будет, не так важно. Существующее законодательство не воспрещает и оптимизировать территориальную организацию муниципальных образований, и налаживать взаимовыгодные отношения с органами государственной власти, и привлекать бизнес на свою территорию, и решать социальные проблемы. Если уж мы не можем, чтобы никого не копировать, надо обратиться к опыту успешно работающих муниципальных образований. Опыт показывает, что там, где есть талантливый и компетентный руководитель, который находит понимание и поддержку населения и депутатов, там – и подстриженные газоны, и бьющие фонтаны, и прекрасные дороги, и процветающий бизнес, и довольные жизнью, активно участвующие во всех делах жители. Во время нашего исследования мы видели такие муниципалитеты и таких руководителей.

Со времени конституционного введения местного самоуправления в России прошло уже 30 лет. Уже накоплен собственный опыт, вот его и надо изучать, законодательно закреплять и, с учетом индивидуальных условий, перенимать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреечев И.С. Развитие конституционного принципа участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 2. С. 16–20.
- Бабичев И.В. Проблемы развития городов в современной России // Муниципальная власть. 2015. № 4. С. 49–52.
- Безобразов В.П. Государство и общество. Статьи. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1882.
- Василенко И.А. Государственное и муниципальное управление. М.: Юрайт, 2016.
- Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006.
- Гуднау Ф.Дж. Политика и управление // Классики теории государственного управления: американская школа. М.: МГУ, 2003.
- Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
- Михеев Д.С. К вопросу о «вмешательстве» государственной власти в дела местного самоуправления // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2021. № 2. С. 36–39.
- Новокрещёнов А.В. Местное сообщество как основа местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 10. С. 10–15.

- Плюснин Ю.М. Муниципальные стратегии управления и факторы их формирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 101–123.
- Попкова А.А., Пезин Д.А. Взаимодействие органов местного самоуправления и населения в системе проектных инициатив по управлению развитием малых территорий // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. № 4. С. 68–81.
- Семенов М.И. Государственное вмешательство как ограничение самостоятельности местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 19–25.
- Третьякова Е.С. Психология управления и основы лидерства. Минск: ГНТУ, 2010.
- Упоров И.В., Турицын И.В. Местное самоуправление в России: европейский вектор 1990-х годов уступает традиционному централизму государственного управления // Право и практика. 2020. № 1. С. 23–28.
- Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Главы малых российских городов: лидерство и эффективность управления // Мир России. 2021. Т. 30. № 1. С. 29–48.
- Широков А.Н., Юркова С.Н. МСУ: большая реформа или упразднение // Бюджет. 2022. № 1 (229). С. 70–74.

Статья поступила: 22.08.22. Финальная версия: 08.11.22. Принята к публикации: 16.01.23.

LOCAL GOVERNMENT REFORM: PROCESSES, PROBLEMS, PARADOXES

NOVOKRESHCHENOV A.V.

Siberian Institute of Management – branch of RANEPА, Russia

Aleksandr V. NOVOKRESHCHENOV, Dr. Sci. (Soc.), Prof. the Chair of State and Municipal Administration, the Siberian Institute of Management – branch of RANEPА, Novosibirsk, Russia (novokreshchenov-av@ranepa.ru).

Abstract. Analysing the processes associated with the next reform of local government, the author comes to the conclusion that attempts to implant a socio-political institute which arose in Western Europe on the Russian soil were always unsuccessful, for living thing rejects a foreign matter. Evaluating the situation of local governance author found both certain advantages and disadvantages of the provisional draft law “General principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority”, based on the results of a survey of the heads of suburban municipal district settlements author emphasizes a need for policy decision in this field and justifies the need for radical changes in the system of training for positions of authority.

Keywords: local government, territorial organization, local authorities, head of the municipal formation, socio-political institute, public authority.

REFERENCES

- Andreechev I.S. (2021) The development of constitutional principle of involvement of government authorities in the establishment of local self-government authorities. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government]. No. 2: 16–20. (In Russ.)
- Babichev I.V. (2015) Cities' development problems in modern Russia. *Munitsipal'noya vlast'* [Municipal government]. No. 4: 49–52. (In Russ.)
- Bezobrazov V.P. (1882) *State and society*. St. Petersburg: tip. V. Bezobrazova i K°. (In Russ.)
- Chirikova A.E., Ledyayev V.G. (2021) Mayors of small towns in Russia: Leadership and management efficiency. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 30 (1): 29–48. (In Russ.)
- Goodnow F.J. (2003) Politics and Management. In: *Classics of Public Administration: American School*. Moscow: MGU. (In Russ.)
- Kovalev E.M., Shteinberg I.E. (1999) Qualitative methods in field sociological research. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Mikheyev D.S. (2021) On the interference of the government with the aff airs of local self-government. *Munitsipal'noye imushchestvo: ekonomika, pravo, upravleniye* [Municipal property: economy, law, management]. No. 2: 36–39. (In Russ.)
- Novokreshchenov A.V. (2011) Local community as the basis of local self-government. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government]. No. 10: 10–15. (In Russ.)

- Plusnin Ju.M. (2022) Municipal management strategies and factors of their formation. *Voprosi gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya* [Problems of State and Municipal Management]. No. 1: 101–123. (In Russ.)
- Popkova A.A., Pezin D.A. (2021) Interaction of local governments and the population in the system of project initiatives for managing the development of small territories. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [Herald of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics]. No. 4: 68–81. (In Russ.)
- Semenov M.I. (2019) Governmental interference as limitation of independence of local self-government. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government]. No. 2: 19–25. (In Russ.)
- Shirokov A.N., Yurkova S.N. (2022) LG: Big Reform or Abolition. *Byudzhет* [Budget]. No. 1 (229): 70–74. (In Russ.)
- Tretyakova E.S. (2010) *Psychology of management and the foundations of leadership*. Minsk: GNTU. (In Russ.)
- Uporov I.V., Turitsyn I.V. (2020) Local self-government in Russia: The European vector of the 1990s is inferior to the traditional centralism of public administration. *Pravo i praktika* [The Law and practice]. No. 1: 23–28. (In Russ.)
- Vasilenko I.A. (2016) *State and municipal administration: textbook*. 6th ed. Rev. and add. Moscow: Yurayt. (In Russ.)
- Weber M. (2006) *Selected: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Received: 22.08.22. Final version: 08.11.22. Accepted: 16.01.23.

© 2023 г.

С.А. КРАВЧЕНКО

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Россия, Москва (sociol7@yandex.ru).

Аннотация. Автор анализирует геополитические и социо-цифро-природные вызовы России, ее человеческому капиталу, обусловленные кризисом либеральной модели мира, переходом от однополярного к многополярному миру, процессами гибридизации реальности. Показывается, как их причинность и последствия для социума и природы односторонне и политизированно трактуются в доминирующей на Западе либеральной социологии, претендующей на «универсальность» своих теорий. Ответом на эти вызовы стал процесс суверенной модернизации России в экономике, цифровых технологиях, сферах науки, образования, здравоохранения. В этом контексте востребована суверенизация отечественной социологии, понимаемая как национально ориентированные междисциплинарные теории с социологическим стержнем, основанные на учете современных трендов сложности и нелинейности становления многополярного мира, гибридизации социо-цифро-природных реалий. Обосновываются оптимальные пути воспроизводства человеческого потенциала, совершенствования образа жизни россиян, повышения конкурентоспособности всего российского, «очеловечивания» макро- и микромира природы.

Ключевые слова: геополитика • кризис • либеральная модель глобализации • суверенизация/десуверенизация • гибридизация реальности • национально ориентированная социология • человеческий капитал

DOI: 10.31857/S013216250022096-8

Семь, на наш взгляд, вызовов радикально меняют геополитические, культурные и социо-цифро-природные реалии России и мира, требуя их актуального социологического осмысления для рефлексии научного знания и обоснования концепции суверенизации отечественной социологии, нацеленной на корректировку предмета социологии, обновление образовательного процесса, его ориентации на суверенное развитие страны.

1. **Кризис либеральной модели глобализации.** В конце XX в. глобализация была американоцентричной, осуществлялась как либеральная модель с доминированием культуры, политического и экономических ценностей США. Ее характерный дискурс – «эталон» социального порядка Америки для других стран, обоснованный Т. Парсонсом с помощью социальных, культурных и эволюционных «универсалий», адекватных-де для всех человеческих обществ [Parsons, 1964]. Процессы глобализации сопровождались культивированием американофилии, мифологизацией фактических реалий англосаксонского мира [Robertson, 1980]. Как считает Э. Гидденс, глобализация «несет отпечаток политического и экономического могущества Америки» [Гидденс, 2004: 19–20]. Однако это могущество подвергалось перманентным вызовам. Их минимизация осуществлялась по американским

лекалам формальной рационализации, прагматизации и меркантилизации. Их выражением стала макдональдизация, глобально распространявшаяся американизированная *иррациональная рациональность*, охватывающая практически организацию всей общественной жизни – воспитания, образования, здравоохранения, СМИ, вплоть до сексуальных отношений и организации похорон, перманентно воспроизводя «отчуждение человеческого разума», «фальшивое чувство общности» и «дегуманизацию» [Ritzer, 2000: 141–145]. Подходы к обоснованию такого мира были изначально империалистскими: они исходили из «должного» обеспечения Америки и Запада сырьем и продовольствием из других стран. Согласно И. Валлерстайну, доминировало «ядро» государств богатого Севера, обеспечивающих рост капиталов, благосостояние и безопасность за счет таких факторов, как высокоуглеродные производства и потребление. «Успехи» жизненных шансов населения «периферийных» и «полупериферийных» государств обусловлены принятием американских ценностей и «правил» – они инфраструктурно зависимы [Валлерстайн, 2020]. З. Бауман выявил суть такой глобализации: «незапланированные и непредвиденные побочные эффекты “негативной глобализации”», в частности «анклавизации» – жители анклавов «невидимы», «немыслимы», с ними нет коммуникаций [Bauman, 2006: 45].

Начало разрушению мифов и иллюзий этой модели глобализации, внедренной в социальные науки и институты образования (болонская система обучения), положил мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., активизировавший сопротивление локальных цивилизаций и национальных государств. Пошел процесс деглобализации и, соответственно, демистификации универсалий «свободного мира». Как отмечает В. Рудометоф, «мир не движется к мистической однородности», фактически он «состоит из фрагментов и синтезов» [Roudemetof, 2016: 79]. Р. Робертсон видит формирование качественно новой «глобо-локальной реальности», ведущей к плюрализации мира, неравенствам между нациями при увеличении роли локальных акторов [Robertson, 2014]. В ответ на эти вызовы развернулись процессы, с одной стороны, *суверенизации*, с другой – *десуверенизации* в виде добровольной или принудительной американизации. У. Бек отмечал: сформировался «образ мира, в котором одна нация обладает супер-суверенитетом (догадаетесь какая), другим нациям даруется лишь условный суверенитет. Проблема коллапса границ между национальным и интернациональным разрешается в пользу “американского национализма интернационального”. Зарождается новый тип постнациональной политики “военного гуманизма”. Ее обоснование дано в концепции “гуманитарной интервенции”, предполагающей “космополитическую монополию Запада на мораль, право и насилие”, – “политический двойной стандарт интервенционистской политики за права человека очевиден”, что “легитимирует нелегитимные войны”... Что еще хуже, страны, подвергшиеся подобным интервенциям, становятся политически деморализованными» [Beck, 2007: 125, 137, 143, 144]. В это время в России начались исследования кризиса либеральной глобализации [Осипов, 2009].

«Универсалиям» либерального социального знания противостояла *суверенизация социологии*, которая, разумеется, не предполагает отрицания достижений мировой социологической мысли и национальных социологий, изначально направлявшихся на решение *проблем конкретных стран*. Социология Э. Дюркгейма отражала доминировавшие после Великой французской революции¹ идеалы свободы, равенства, братства и счастья, что нашло выражение в постулировании роли общественного разделения труда в прогрессе общества и необходимости преодоления аномии. К. Маркс и Ф. Энгельс критиковали реалии британского капитализма на основе анализа положения английских рабочих. При всех декларациях «свободы от оценок» [Вебер, 1990: 547–600] «понимающая» социология абсолютизировала немецкую рациональность, индивидуалистическую систему ценностей. Представители Чикагской школы стремились прагматично решать проблемы американского общества. При этом постулировалась *интернациональная значимость этих теорий*.

¹ И поражения Франции в войне с Пруссией.

Перед советской социологией также ставились интернациональные задачи: «изучение изменений и тенденций развития социальной структуры советского общества, определение показателей и конкретных путей сближения классов..., разработка путей совершенствования социалистического образа жизни, его интернационализации» [Иванов, 2018: 21].

Что *принципиально сохранилось* с тех пор при всех изменениях реалий и предмета социологии? Претензия на *интернационализацию знания*, производимого, подчеркнем, в *национально-локальных и исторических контекстах*. Когда в странах по разным причинам не складывались возможности создания собственных национально ориентированных теорий, то, по М. Элброу, осуществлялся процесс их индигенизации (отуземнивания) [Albrow, 1990], сопровождаемый их соответствующей адаптацией к национальным реалиям: возникли советский марксизм-ленинизм, китайский марксизм и т.д. В России на рубеже веков, по существу, осуществлялась индигенизация либерально ориентированной социологии – студенты учились по учебникам Н. Смелзера, П. Штомпки, Э. Гидденса. Это вело к доминированию в научных и учебных изданиях америкацентричной социологии, ее «универсализации». В.В. Радаев выступал за «интернационализацию социологии»: «Часть программ или по крайней мере возрастающая часть дисциплин должна преподаваться на английском языке и в конвертируемом виде. Нужна более активная работа на английском языке в целом – исследовательская и образовательная» [Радаев, 2013: 16]. В.А. Ядов утверждал, что национальная русская социология «нужна идеологам российской исключительности. Научному сообществу социологов доморощенная теория, будь она предложена, вряд ли принесет прирост серьезного знания об отечественных реалиях» [Ядов, 2008: 19]. Хотелось бы подискутировать: теории отечественной социологии могут, не абсолютизируя российскую действительность, осуществлять приращение знания о мировых реалиях. Пример – теория гло-локал-анклавизации [Ядов, 2001]. К достоянию отечественной социологии сегодня можно добавить ряд теорий, вошедших в мировую социологическую мысль: теория сложного общества, созданная на основе диагностики России (М.К. Горшков); парадоксального человека, кентавризма, «общества травмы» (Ж.Т. Тоценко); динамики поля социологии в современном мире (А.Г. Здравомыслов) и др.

Все подходы к интернационализации социологии предполагали идейно-политическое содержание; ее суть имеет исторический национальный контекст; всегда налицо диалектическое единство национального и интернационального в социальном знании, содержание которого зависит от положения дел в стране и вызовов геополитики. Проблемы России и её науки никто, кроме российских ученых, решать не будет. Некоторые из них выделил чешский социолог: наследие советской модернизации, способствующее/препятствующее развитию современного российского общества; как сделать так, чтобы страна с таким человеческим капиталом, как Россия, была лучше; и главное: «если российская социология стремится “догнать” западную, ей определенно не хватает амбиций “обогнать”» [Шубрт, 2021: 6, 7, 10].

2. Вызовы однополярному миру: амбивалентности суверенизации/десуверенизации. Становление многополярного мира прогнозировал П. Сорокин в виде трех долговременных тенденций: «во-первых, перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей; в-третьих, возникновение и постепенный рост первых компонентов нового – интегрального – социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности» [Сорокин, 1997: 11]. Эти процессы, хаотизирующие сознание мирового сообщества, продолжаются. Полагаем, российским ученым необходимо дать свой анализ совокупности защитных средств и механизмов, используемых коллективным Западом для сохранения однополярного мира. Фундированную интерпретацию получают его явные стремления легитимировать политические сдержки, санкции, изолировать от «свободного мира» страны, означенные как

«тоталитарные режимы». Однако *латентные* методы и средства, особенно те, которые травмируют сознание и воздействуют на коллективное бессознательное, недооценены в отечественной социологии. Для понимания глубинных факторов русофобии, реанимации вытесненной в коллективное бессознательное мести за поражения Запада от России необходимо *новое прочтение социального и гуманистического психоанализа* применительно к анализу ментальности россиян в ее сравнении с другими народами. Нужны неординарные социологические исследования того, как формируются этнические родства и братства, происходят их расколы, обусловленные исторически сложившимися эмоциональными связями, передаваемые через поколения: «Родственные, близкие между собой народные ветви отталкиваются друг от друга – южный немец не выносит северянина, англичанин клеветает на шотландца, испанец презирует португальца. То, что при больших различиях возникает труднопреодолимая антипатия – галла к германцу, арийца к семиту, белого к цветному, – нас перестало удивлять» [Фрейд, 1997: 447]. Особенно важна нарциссическая природа культурных идеалов Запада, столетиями культивировавших самовлюбленность, превосходство своих достижений по отношению к тому, что исповедуют, чего добились представители других цивилизаций. «Культурные идеалы становятся поводом для расколов и враждебности между различными культурными кругами, и это особенно отчетливо проявляется в отношениях между собой отдельных наций». Возникает, казалось бы, невысказанный парадокс: «угнетенные идентифицируют себя с повелевающим и эксплуатирующим их классом». Ученый верил, что эти иллюзии могут быть преодолены с помощью культивирования духа науки и формирования интеллектуализированного поведения: «голос интеллекта тих, но он не успокаивается до тех пор, пока его не услышат» [Фрейд, 1997: 488, 523]. Эта задача оказалась весьма трудной; сегодня она обретает теоретическую и практическую актуальность, когда «российское общество находится на “развилке”, причем выбор направления дальнейшего пути развития осложняется деструктивным воздействием агрессивных кругов глобалистского сообщества, преследующих свои собственные интересы, явно расходящиеся с национальными интересами России» [Шарков и др., 2017: 525]. Предстоит исследовать и выработать практические рекомендации, как избежать расколов типа того, который произошел в «едином советском народе»; что предпринять для вытеснения из коллективного бессознательного иллюзорности и мифичности западных либеральных идеалов, ныне утративших связь с практической реальностью; как преодолеть антропосоциокультурную травму, которая «снижает жизненную энергию взаимодействующих масс людей, обесценивает их идентичность, повышает неудовлетворенность жизнью» [Лапин, 2021: 102]. Особо значимо исследование национально-культурных особенностей стран-членов ШОС, участвующих в формировании новых партнерских отношений и союзов, стремящихся к суверенитету и становлению многополярного мира. Декларированные «единства» и «союзы», основанные на экономической интеграции, не обладают живучестью, *предрасположены к расколам*. В качестве гипотезы выскажем суждение: постулат Э. Фромма о том, что «деструктивность развивается в результате блокировки плодотворной энергии» [Фромм, 1997: 179], следует распространить на функциональность союзов и партнерств – в их основаниях должны быть не только политические интересы элит, но также институционализированные рутины (особенно воспитательные и образовательные), целенаправленно формируемые общие коллективные габитусы, регулярные практики сотрудничества народов, обусловленные дискурсом суверенитета. Общество является *здоровым*, если у его членов осуществляется «удовлетворение потребности в созидании» [Фромм, 1995: 304]. По аналогии международные союзы становящегося многополярного мира будут жизненными, функциональными при условии реального участия народов в реализации самых *разнообразных* общих целей. Еще необходимо учесть, что контуры многополярного мира обусловлены *локальными особенностями среднего и микроуровня* его создателей и участников: национальный характер, хотя и меняется, по своей природе ригиден, образует относительно стабильную систему неинстинктивных стремлений, ориентаций и установок. Для его западного «идеального типа»

свойственна ориентация на рынок, что воспроизводит специфические амбивалентности: с одной стороны, практичность, бережливость, старательность, осмотрительность, упорство, приверженность порядку, с другой – скупость, подозрительность, холодность, обеспокоенность, упрямство, одержимость, собственничество [Фромм, 1995: 338–356]. Сущность национального характера российского типа другая – «человек жил и по-прежнему живет во имя человека, а не во имя денег» [Горшков, 2020: 327]. Вместе с тем для него свойственны черты, которые порой успешно эксплуатируются недружественными странами, партнерами и союзниками: *доверчивость* (не личностное качество М. Горбачева или Б. Ельцина); *идеализация отношений* (если любовь, то «до гробовой доски»; если дружба, то «навек»). Для россиян понятия «честь имею», «долг платежом красен», «дал слово – держи его» наделены сакральным смыслом. При этом воспроизводятся иллюзии, что Другому тоже свойственны эти качества); *щедрость* (воспринимаемая подчас как «долг» оказывать безвозмездную помощь, делиться результатами побед, а ныне и природными ресурсами); *полагание на авось*. Сохраняется «надежда на то, что все в конечном счете как-нибудь “рассосется”» [Горшков, Петухов, 2016: 359]. Однако в исторические периоды радикальных преобразований и вызовов суверенитету России иллюзии вытеснялись из коллективного сознательного и бессознательного – народ полагался на собственные силы в отстаивании своих ценностей, идей, веры. Несомненно, на облик многополярного мироустройства, характер составляющих его союзов и партнерств будет оказывать влияние *совокупность глобо-локальных факторов*: исторический опыт противоборства/партнерства цивилизаций, возникшие вызовы; характер суверенности/десуверенности национальных акторов; особенности экономических и политических интересов стран; специфика коллективного бессознательного и национальных характеров и другое. Необходимо раскрыть сложности неизбежного перехода к многополярному миру, показывая, что Запад, вводя санкции и другие «сдержки» против России, «стреляя себе в ногу», не иррационален. Он прагматичен в защите *экзистенциальных интересов* на мировой диктат. Без него Запад перестанет быть Западом – сегодня «авось уладится» даже гипотетически невозможно, ибо идет не урегулирование противоречий, а их *разрешение*, – по К. Марксу, скачок в общественном развитии, предполагающий переход человечества в новую стадию с лишением одной из сторон ее специфических экономических и политических атрибутов [Маркс, 2000].

3. **Внутрицивилизационные вызовы** нелинейно воздействуют на все человеческие цивилизации [Tiryakian, 2014], что востребовало принципиально иные типы модернизации, обоснование которых осуществляется в контексте «цивилизационного поворота», предполагающего возрастающую значимость человеческого потенциала по отношению к материально-экономическим факторам. Социологи стали трактовать модернизацию как «вторичную осевую революцию», сопряженную с необходимостью решения новых онтологических противоречий [Эйзенштадт, 1995]. Ныне в России начался процесс становления *суверенной модернизации*, ориентированной на развитие национального человеческого капитала. Ее темпы различны в разных сферах: утвердился политический суверенитет, идет суверенизация экономики и технологий, производства продуктов питания, что выражается в замещении импорта. Для успешного вхождения в многополярный мир, обеспечения в нем конкурентоспособных и лидерских позиций необходимы *суверенные науки, особенно социальные, отечественное образование* (в контексте «культуры отмены» на Западе игнорируют наши образовательные дипломы). Особенно важна *суверенная государственная идеология*. Ее кроме российских ученых никто разрабатывать не будет.

4. **Вызовы «нового варварства».** Глобальное «открытое общество», теоретически обоснованное К. Поппером, функционирующее-де на основе «прозрачных границ», создающее благоприятные условия для человечества [Popper, 2020], всегда было западнотричным, явно и латентно закрытым для «варварских» культур. Под «новым варварством» нами подразумеваются осознанные и целенаправленные нелегитимные насильственные действия в отношении людей, культурных ценностей и артефактов – материальных

и духовных, нормативных основ общества, как и природы [Зарубина, Кравченко, 2022: 31–44]. Данный тип варварства, которым означаются незападные цивилизации, порожден неолиберализмом. С одной стороны, «новое варварство» выполняет функцию «универсализации» собственной «цивилизованной» культуры, политического устройства, их доминирования над чуждым «варварским» окружением, с другой – оправдывает насилие в отношении «чужаков», культурных ценностей, норм поведения, маркируемых как «нецивилизованные», «варварские» [Малашенко и др., 2018: 6–22]. Одним из инструментов утверждения «нового варварства» являются *скандалы и провокации* [Дмитриев, Сычев, 2014]. Природа провокаций усложняется: организуются «цветные революции», террористические акты и войны под чужим флагом. Сложность современных провокаций еще и в том, что нелегитимные действия их исполнителей легитимируются Западом, а «виновные» просто маркируются с помощью политических перформансов, цели которых, считает Дж. Александер, способствовать стиранию различий между реальным и инсценированным [Alexander, 2017: 102–103]. Политические акторы, втянутые в провокации, как правило, дают на них ранее не практиковавшиеся ответы, что ведет к раскручиванию *спирали варварства*. Особо отметим такой механизм легитимации «нового варварства», как эффекты «окна Овертона» (названы в честь американского социолога и психолога Дж. Овертона, исследовавшего, как в высокоцивилизованном обществе можно «взрасстить» любую деструктивную идею). Их суть в том, что однажды чуть приоткрытое «окно» в сакральное в итоге распахивается настезь: ранее неприемлемые патологии, переходя поэтапно от абсолютно невозможного к радикальному, а от него к «нормальности», легитимируются и проникают в научное социальное знание. Вот примеры: теории постгуманизма, которые подверглись обстоятельной критике [Катерный, 2021]; более двадцати лет в научном обороте критическая расовая теория, рассматривающая расу как социальный конструкт культурных и политических идей, расизм – как сложную систему институционализированных практик, порожденных кодированием смысла [Winant, 2001; Collins, 2005]; квир социологическая теория, начавшись с исследований девиантных кейсов, по существу, отрицает нормальность гетеросексуальности [Corber, Valocchi, 2003]. Разновидностью «нового варварства», ее конкретной формой стало «цифровое варварство», представленное теориями *постгуманизма* (наделение природы субъектностью и отказ от гуманистического антропоцентризма) и *трансгуманизма* (проявляется в техноцентризме и культе прогресса вплоть до цифровых и биотехнологических «улучшений» человека). Они проникли в Россию – возникло трансгуманистическое движение, в манифесте которого декларируется: «в ближайшие десятилетия новейшие технологии кардинально изменят человека и человеческое общество»². По существу, раскручивается *спираль «нового варварства»*, чему может противостоять суверенная социология.

5. Вызовы гибридации социо-цифро-природной реальности. В условиях перехода от традиционного общества к индустриальному модерну социум существовал как таковой в виде относительно устойчивой общности людей, характеризующейся единством жизнедеятельности. Его природу изучали родоначальники социологии, обосновавшие «объективные законы» общественного развития. Последующие поколения социологов исследовали его *усложняющуюся динамику* вплоть до «конца социального» [Бодрийяр, 2003]. Разумеется, это метафора. Но ее смысл в том, что «чистого» социума больше нет, хотя в подавляющем большинстве учебников по социологии приоритет отдан теориям социального. Аналогично: средства производства мыслились в отношениях дуализма к людям, представляя независимую субстанцию, и это до определенного времени соответствовало действительности. Однако последующие модернизационные процессы вели к поэтапному «очеловечиванию», «интеллектуализации» техники: автоматы – роботы – киборги, функционирующие на основе принципов *цифровизации* и *искусственного*

² Манифест российского трансгуманистического движения (электронный ресурс). URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/> (дата обращения: 17.08.2022).

интеллекта. Формально рациональное освоение природы, ее прагматическое «очеловечивание» завершилось ее «концом». Англосаксонские социологи анализируют эти вызовы преимущественно через призму абсолютизации либеральных ценностей. В их теориях есть, несомненно, ценные новации. Э. Гидденс обосновал эффект усложнения рисков, их интерференцию в пространствах и временных координатах, назвав его «парадоксом Гидденса» [Giddens, 2009: 2–3]. Как считает Дж. Урри, гибридизация «социальных и физических/материальных миров» привела их к «полному переплетению» [Urry, 2011: 8], способствуя «альтернативности будущих обществ», распространению «нового катастрофизма», «невидимости» многих глобальных опасностей. М. Кастельс, как нам видится, идет дальше. Проведя критический анализ формальных, прагматических подходов, он обосновал «надежду на лучшую гуманность... прямое отношение к позитивной эмоции: надежде» [Castells, 2015: 3, 14]. Ее квинтэссенция видится в торжестве «ценности жизни над ценностью денег» [Castells, 2017: 1]. Чтобы быть не «догоняющими», а пионерами, российским социологам необходимо осмыслить синергетичную сложность становления гибридных реалий при переходе к многополярному миру, предложить теорию суверенной модернизации, показать, как сохранить наше общество именно Россией, создать национальную модель цифровизации и осуществлять гуманистическое освоение макро- и микромиров, сохранив их уникальность и приумножая наш человеческий капитал.

6. Вызовы нелинейных трендов развития: «переоткрытие» роли инноваций и традиций. П.А. Сорокин был пионером в создании теории, обосновывающей нелинейный тип развития в виде «бесцельных исторических флуктуаций» [Сорокин, 1992: 310]. Затем лидерство в изучении нелинейных трендов развития перешло к зарубежным социологам. П. Штомпка предложил теорию становления, нацеленную на изучение перманентной незавершенности развития структур и их функций, что воспроизводит социальные и культурные травмы традиций, увеличивающие инновации [Sztompka, 1991]. Ж. Делез и Ф. Гваттари дали теорию ризомного развития, метафорически интерпретирующую беспорядок и хаос: внеструктурные практики организации целостности подобны «скрытому стеблю», обладающему способностью принимать «некорневую» конфигурацию [Делез, Гваттари, 1996]. Как считает У. Бек, в условиях цифровой модернизации доминирует процесс «метаморфизации» в противоположность социальному изменению, создающий качественно новые последствия для функциональности социума и природы – и немислимые бедствия, и оптимистические возможности воплощения в жизнь «позитивных побочных эффектов плохого» [Beck, 2016: 4]. Сейчас в отечественной социологии вновь утверждается лидерство в осмыслении нелинейных трендов развития – мы перестали быть «догоняющими». Ж.Т. Тощенко обосновал развернутую теорию «общества травмы», имея в виду «противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов» [Тощенко, 2019: 25]. Разрывы и травмы востребовали «переоткрытие» роли инноваций и традиций, к обоснованию чего российские и западные социологи подходят по-разному. Представители либеральной социологии, как правило, изучают инновации в контексте процесса «детрадиционализации» [Гидденс, 2004: 60–61], логически приведшего к «культуре отмены». Квинтэссенция ее явных и латентных функций выражена в легитимации патологий, обусловленных кризисом неолиберализма; в борьбе с незападными цивилизациями, ведущейся с использованием всех проявлений «нового варварства»; попытках низвергнуть историческую память; «закрытии» России, Китая и стран, выступающих за многополярный мир; легитимации нового «железного занавеса»; «отмене» гомо сапиенса посредством гибридных макро-микрорисков чипизации мозга человека, которому противопоставляется постчеловек; в «научном обосновании» «ограниченных» ядерных, химических, эпидемиологических и других катастроф. Более того, нигилизм в отношении традиций, по нашему мнению, усложняет уязвимости: в странах, где игнорируются традиционные подходы к безопасности, осуществляется концентрация биотоксичных веществ и е-мусора; если Ч. Перроу, по существу, выводил за скобки человеческий фактор («теория нормальной аварии исходит из того... что каждый индивид выполнял бы свои роли

настолько безопасно, насколько это вообще доступно человеку» [Perrow, 2011: xxii]), то детрадиционализация его актуализирует, ибо прагматическая инновационность человеческой деятельности амбивалентна, предполагая и созидание, и деструктивность.

Российские социологи подчеркивают сохраняющуюся функциональную и духовную значимость традиций. «Для современных россиян традиция – это не архаика, а то, что воспроизводится в конкретно-исторических условиях жизни общества и социальных групп в силу своей целесообразности, практической и духовно-нравственной полезности» [Горшков, 2020: 263]. Мы предложили концепцию «поворота ригидности», обосновав значимость долговременно функционирующих реалий для устойчивого развития российской цивилизации в условиях неопределенностей [Кравченко, 2021: 12–22]. Полагаем, только в рамках суверенизации отечественной социологии можно сформировать валидное представление о возможностях диалектического интерфейса инноваций и традиций общества травмы.

7. Вызовы доверия научному знанию. В связи с кризисом американоцентричных оснований глобализации возникли по крайней мере три качественно новых вызова доверию социологическому знанию: 1) постановка под вопрос, по существу, монополии либеральной западной социологии на «универсализацию» теоретико-методологического инструментария и, соответственно, интерпретацию истины и лжи, цивилизованности и варварства. Коллеги из КНР принципиально не участвуют в гонке за публикации в западных изданиях, входящих в Scopus и Web of Science, ставя под вопрос критерии их валидности. Ряд западных социологов стал сомневаться в целесообразности прагматической ориентации современного социологического знания, в абсолютизации новейших технологий, особенно цифровизации, что умаляет значимость символической культуры и человеческого духа; 2) востребовано «научное не-знание» (У. Бек), а также теологическое знание. Обосновал сотрудничество науки и религии З. Бауман, отметивший *необходимость* вместе выступать против претендентов на монополию в понимании добра и зла, добродетели и порока, истины и лжи [Bauman, Obirek, 2015]; 3) актуализировались поиски альтернативных (вне либеральной социологии) путей к выработке знания, учитывающего полярности Запада и Востока, суверенизацию и десуверенизацию. Ученые ФНИСЦ РАН с коллегами из КНР, Сербии и других стран издали ряд коллективных монографий. Полагаем, это начало большого пути к суверенизации социологий.

* * *

В России есть учебники по американской, английской, немецкой социологии. Однако нам не известно ни одного учебника по российской социологии. Исходя из изложенного, обоснуем, что в общем виде нами понимается под **суверенной отечественной социологией**.

1. Ее квинтэссенция – *национально ориентированные усилия социологов*, нацеленные на воспроизводство человеческого потенциала страны, качественное совершенствование и гуманизацию нашего образа жизни, повышение конкурентоспособности всего российского в стране и мире. 2. Приоритетна разработка *национальной государственной идеологии*, определяющей облик будущего страны и ее место в многополярном мире. 3. *Подготовка студентов к новому типу управления*, учитывающего эффекты «стрелы времени»: *скорость* принятия решений, действия на опережение конкурентов; *учет ненамеренных последствий*; *корректировка итоговых результатов*, которые никогда не могут полностью соответствовать плану, но должны сохранять ориентацию на модернизацию, исходя из базовых постулатов государственной идеологии; включение социогуманитарного компонента в развитие и воспроизводство социального и человеческого капитала на базе высокоразвитых науки, культуры, образования, здравоохранения. 4. *Разработка инструментария оптимизации социальной жизни россиян*: социогуманитарная экспертиза; методы исследования условий свободной деятельности людей; обоснование национального варианта демократической системы, обеспечивающей воспроизводство социального доверия граждан к политическим институтам. 5. Вклад в становление *суверенного*

образования как средства социализации молодежи, позволяющей ей активно противостоять геополитическим вызовам России, гуманизировать экономику и цифровизацию, искусственный интеллект с целью перманентного воспроизводства человеческого капитала страны. 6. Междисциплинарность социологического знания: не отрицание и не абсолютизация либеральной социологии, а критическое осмысление ее теоретико-методологического инструментария, овладение всеми гуманистическими достижениями, которые выработала мировая социальная мысль. 7. Она основана на меж- и постдисциплинарных парадигмах с социологическим стержнем – ее предметом является изучение жизни в контексте парадоксов, травм, метаморфоз, нелинейного развития, гибридной социальной и технической/цифровой реальности, включая теории хаоса, сложности, цифровизации и новые подходы к гуманизму, адекватно отражающие сложности и нелинейности становящегося многополярного мира. 8. У разных поколений отечественных социологов есть достижения, которые следует актуализировать [Социология в России, 1998]. Имена российских социологов известны в стране и мире [Тощенко, 2015]. 9. Методология отечественной социологии динамично меняется и совершенствуется; ныне она может усложняться, включать использование инструментария и исследовательских приемов институционального и неинституционального знания, – главное, чтобы эти приемы позволяли изучать тенденции и вызовы многополярного мира, нелинейной динамики, гибридации социума, техники и природы, противостояли постгуманизации. 10. Признание актуальных проблем России и, соответственно, отечественной социологии, которые никто за нас не решит, не исключает, но предполагает научное сотрудничество с представителями всех стран без деления их на «высшие» и «низшие» по любым признакам, отдавая предпочтение странам с национально ориентированными науками и образованием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003.
- Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. URSS, 2020.
- Вебер М. Смысл «Свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.
- Горшков М.К., Петухов В.В. (отв. ред.) Российское общество и вызовы времени. Кн. 4. М.: Весь Мир, 2016.
- Горшков М.К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. М.: Весь Мир, 2020.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.
- Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал. Социофилософские очерки. М.: ИФ РАН, 2014.
- Зарубина Н.Н., Кравченко С.А. «Новое варварство» в цивилизационной перспективе: воздействие на человеческий капитал // ПОЛИС. Политические исследования. 2022. № 1. С. 31–44. DOI: 10.17976/jpps/2022.01.04.
- Иванов В.Н. Социология в СССР. Записки директора института. М.: У Никитских ворот, 2018.
- Катерный И.В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М.: Ленанд, МГИМО, 2021.
- Кравченко С.А. Востребованность «поворота ригидности» для устойчивого развития: концепты концепции // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 12–22. DOI: 10.31857/S013216250015998-0.
- Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021.
- Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Современное варварство: причины и следствия // Политика. 2018. № 2 (89). С. 6–22. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-6-22.
- Манифест российского трансгуманистического движения (электронный ресурс). URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/> (дата обращения: 17.08.2022).
- Маркс К. Социология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
- Осипов Г.В. (ред.) Глобальный кризис западной цивилизации и Россия. М.: Либроком, 2009.
- Радаев В.В. Российская социология в поисках своей идентичности // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 4–17.
- Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

- Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН, 1998.
- Тощенко Ж.Т. (ред.) Социологи России. История социологии в лицах: библиографический справочник / ИС РАН, РГГУ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2019.
- Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 1997.
- Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого я // Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 1997.
- Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юристъ, 1995.
- Фромм Э. Человек для себя. Минск: В.П. Ильин, 1997.
- Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Воронцов С.А. О проблемах современной российской политической элиты и возможных направлениях их разрешения // Вестник РУДН. 2017. Т. 17. № 4. С. 524–541.
- Шубрт И. Мысли о современной российской социологии и ее перспективах // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 5–15. DOI: 10.31857/S013216250011069-8.
- Эйзенштадт Ш. Прорывы «осевого времени»: их особенности и происхождение // Современные теории цивилизаций. Вып. 3. М.: Наука, 1995.
- Ядов В.А. Для чего нужна сегодня национальная российская социология? // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 16–21.
- Ядов В.А. И все же умом Россию понять можно. Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
- Albrow M. Introduction // Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M. Albrow, E. King. London: Sage, 1990.
- Alexander J.C. The Drama of Social Life. Cambridge: Polity Press, 2017.
- Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2006.
- Bauman Z., Obirek S. Of God and Man. Cambridge: Polity Press, 2015.
- Beck U. Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2007.
- Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Castells M. Another Economy is Possible. Cambridge: Polity Press, 2017.
- Castells M. Networks of Outrage and Hope. Cambridge: Polity Press, 2015.
- Collins P.H. Black Sexual Politics: African Americans, Gender, and the New Racism. N.Y.: Routledge, 2005.
- Corber R.J., Valocchi S. (ed.) Queer Studies. Oxford: Blackwell, 2003.
- Giddens A. The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009.
- Parsons T. Evolutionary Universals in Society // American Sociological Review. 1964. Vol. 29. No. 37. P. 339–357.
- Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011.
- Popper K.R. The Open Society and Its Enemies. Princeton: Princeton University Press, 2020.
- Ritzer G. The McDonaldization of Society. Pine Forge Press, 2000.
- Robertson J.O. American Myth. American Reality. N.Y., 1980.
- Robertson R. (eds) European Glocalization in Global Context. London: Palgrave Macmillan, 2014.
- Roudemetof V. Clocalization. A Critical Introduction. London, New York: Routledge, 2016.
- Sztompka P. Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991.
- Tiryakian E.A. Civilization in the Global Era: One, Many... or None? // Arjomand S. (ed.) Social Theory and Regional Studies in the Global Age. New York, Pangaea II: Global Local Studies, State University of New York Press, 2014.
- Urry J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011.
- Winant H. The World is a Ghetto: Race and Democracy Since World War II. N.Y.: Basic Books, 2001.

Статья поступила: 16.09.22. Принята к публикации: 28.12.22.

GEOPOLITICAL CHALLENGES AND RUSSIAN SOCIOLOGY

KRAVCHENKO S.A.

MGIMO University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Sergey A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Philos.), Head of the Sociology Department, MGIMO University; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia, Moscow, Russia (sociol7@yandex.ru).

Abstract. The author analyzes geo-political and socio-digital-natural challenges to Russia, its national human capital, caused by a crisis of the liberal model of globalization, the transition from the unipolar to a multipolar world, the processes of hybridization of the socio-digital-natural reality. It is shown that their complex causality and consequences for society and nature are interpreted in a one-sided and politicized manner in the liberal sociology that dominates the West, whose representatives claim a “universality” of their theories. Principled response to these challenges were the sovereign modernization that began in Russia, embracing economy, digital technologies, science, education, and healthcare. In this context, a sovereignization of national sociologies is in demand, understood as nationally oriented interdisciplinary theories with sociological core based on modern trends of the complexity and non-linearity in the multipolar world making, hybrid socio-digital-natural realities in the context of which optimal ways for reproducing national human capital are argued for, improving lifestyles of Russian citizens, increasing competitiveness of the humanistic “humanization” in the macro and micro worlds of nature.

Keywords: geopolitics, crisis, liberal model of globalization, sovereignization/desovereignization, hybrid reality, nationally oriented sociology, human capital.

REFERENCES

- Albrow M. (1990) Introduction. In: *Globalization, Knowledge and Society*. Ed. by M. Albrow, E. King. London: Sage Publication.
- Alexander J.C. (2017) *The Drama of Social Life*. Cambridge: Polity Press.
- Baudrillard J. (2003) *To the Critique of the Political Economy of the Sign*. Moscow: Biblion-Russian book. (In Russ.)
- Bauman Z. (2006) *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press.
- Bauman Z., Obirek S. (2015) *Of God and Man*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2007) *Cosmopolitan Vision*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2016) *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press.
- Castells M. (2015) *Networks of Outrage and Hope*. Cambridge: Polity Press.
- Castells M. (2017) *Another Economy is Possible*. Cambridge: Polity Press.
- Collins P.H. (2005) *Black Sexual Politics: African Americans, Gender, and the New Racism*. New York: Routledge.
- Corber R.J., Valocchi S. (2003) (eds) *Queer Studies*. Oxford: Blackwell.
- Deleuze J., Guattari F. (1996) Rizoma. In: *Philosophy of the Postmodern Era*. Minsk. (In Russ.)
- Dmitriev A.V., Sytchev A.A. (2014) *Scandal. Socio-philosophical Essays*: [monograph]. Moscow: IF RAN. (In Russ.)
- Eisenstadt Sh. (1995) Breakthroughs of the “Axial Time”: Their Features and Origin. In: *Modern theories of civilizations*. Issue. 3. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Freud Z. (1997) Psychology of the Masses and Analysis of the Human self. In: *Psychoanalytic Studies*. Minsk: Potpourri. (In Russ.)
- Freud Z. (1997) The Future of One Illusion. In: Z. Freud. *Psychoanalytic studies*. Minsk: Potpourri. (In Russ.)
- Fromm E. (1995) Sane Society. In: *Psychoanalysis and culture. Selected Works of Karen Horney and Erich Fromm*. Moscow: Jurist. (In Russ.)
- Fromm E. (1997) *Man for Himself*. Minsk: Publisher V.P. Ilyin. (In Russ.)
- Giddens A. (2004) *The Run Away World: How Globalization is Changing our Lives*. Moscow: Ves' Mir (In Russ.)
- Giddens A. (2009) *The Politics of Climate Change*. Cambridge: Polity Press.
- Gorshkov M.K. (2020) “There is such a Profession – to Study Society”. *Selected articles, interviews, biographical revelations*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (2016) (Responsible ed.) *Russian Society and the Challenges of the Time*. Book four. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

- Ivanov V.N. (2018) *Sociology in the USSR. Notes of the Director of the Institute*. Moscow: At the Nikitsky Gates. (In Russ.)
- Kateryn I.V. (2021) *Posthumanism. Man in the Era of New Sociality: Metamorphoses, Narratives, Dilemmas*. Moscow: Lenand. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2021) Demand for a "Rigidity Turn" in Sustainable Development: Contours of a Concept. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 12–22. DOI: 10.31857/S013216250015998-0. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2021) *The Complexity of the Formation of the New Russia. Anthroposociocultural Approach*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Malashenko A.V., Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. (2018). Modern Barbarism: Causes and Consequences. *Politiya*. No. 2 (89): 6–22. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-6-22. (In Russ.)
- Marx K. (2020) *Sociology. Collection*. Moscow: KANON-press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Osipov G.V. (2009) (eds) *Global Crisis of Western Civilization and Russia*. Moscow: Librokom. (In Russ.)
- Parsons T. (1964) Evolutionary Universals in Society. *American Sociological Review*. Vol. 29. No. 37: 339–357.
- Perrow Ch. (2011) *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press.
- Popper K.R. (2020) *The Open Society and Its Enemies*. Princeton: Princeton University Press.
- Radaev V.V. (2013) Russian Sociology in Search of its Identity. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 4–17. (In Russ.)
- Ritzer G. (2000) *The Mcdonaldization of Society*. Pine Forge Press.
- Robertson J.O. (1980) *American Myth. American Reality*. N.Y.
- Robertson R. (2014) (eds) *European Glocalization in Global Context*. London, UK: Palgrave Macmillan.
- Roudometof V. (2016) *Clocalization. A Critical Introduction*. London, New York: Routledge.
- Sharkov F.I., Ponedelkov A.V., Vorontsov S.A. (2017) Challenges for today's Russian political elite, and ways to address them. *Vestnik RUDN. Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. 2017. No. 4: 524–541. (In Russ.)
- Šhubrt I. (2021) *Reflections on modern Russian sociology and its prospects*. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–15. DOI: 10.31857/S013216250011069-8. (In Russ.)
- Sociology in Russia* (1998). Ed. V.A. Yadov. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1992) *Human. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1997) *The Main Trends of our Time*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Sztompka P. (1991) *Society in Action: A Theory of Social Becoming*. Cambridge.
- Tiryakian E.A. (2014) Civilization in the Global Era: One, Many... or None? In: Arjoman S. (ed.) *Social Theory and Regional Studies in the Global Age*. New York, Pangaea II: Global Local Studies, State University of New York Press.
- Toshchenko Zh.T. (2015) (ed.) *Sociologists of Russia. History of Sociology in Faces: Bio-bibliographic Reference Book*; Institute of Sociology RAS, Russian State University for Humanities. 2nd ed., revised and additional. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2019) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (the experience of theoretical and empirical analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Urry J. (2011) *Climate Change and Society*. Cambridge: Polity Press.
- Wallerstein I. (2020) *World-system Analysis. Introduction*. URSS.
- Weber M. (1990) *The meaning of "Freedom from evaluation" in sociological and economic science*. In: *Selected works*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Winant H. (2001) *The World is a Ghetto: Race and Democracy Since World War II*. New York: Basic Books.
- Yadov V.A. (2001) *And yet you can Understand Russia with Your Mind. Russia: a Transforming Society*. Moscow: Kanon-Press-C. (In Russ.)
- Yadov V.A. (2008) Why is National Russian Sociology Needed Today? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 16–21.
- Zarubina N.N., Kravchenko S.A. (2022) "New Barbarism" in Civilization Perspective: Impact on Human Capital. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Research]. No. 1: 31–44. DOI: 10.17976/jpps/2022.01.04.

Received: 16.09.22. Accepted: 28.12.22.

© 2023 г.

А.Н. ДАНИЛОВ

ПРОГРАММИРУЮЩАЯ РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

ДАНИЛОВ Александр Николаевич – член-корреспондент НАН Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь (a.danilov@tut.by).

Аннотация. В статье рассматривается процесс социальной эволюции как путь восхождения сложноорганизованных систем к более высокому уровню организованности и сложности. Общество, изучаемое социологией, во всей своей целостности и одновременно дифференцированности на разные сферы жизнедеятельности человека предстает в качестве социокультурной системы. Культура при этом рассматривается как специфическая человеческая деятельность и как совокупность духовных и материальных ценностей, норм, идеалов, образцов поведения человека, вовлеченных в многогранный процесс программирования будущего. Деятельность человека создает культуру, культура формирует человека и общество. В обществе формируется культурно-генетический код, который выполняет уникальную функцию отбора, сохранения и передачи культурного наследия живущего в нем народа. Именно в культуре происходит таинство творения нового, по принятому на альтернативной основе образу. Образ этот кристаллизуется из многообразия ценностей, которые привносились в ходе истории, доминировали, возникали и уходили. Сохранить в памяти то, что подтверждает идеальный образ народа, – важнейшая функция культуры. Предложен механизм возникновения новой цивилизационной целостности, стратегия достаточного развития современного общества на основе согласования его развития с законами эволюции биосферы, обозначена целесообразность утверждения нового гуманизма как необходимого условия достижения безопасного будущего.

Ключевые слова: теория социальной эволюции • стратегия достаточного развития • общество как социокультурная система • программирующая роль культуры • ценности • новый гуманизм • безопасное будущее

DOI: 10.31857/S013216250022081-2

Введение. Мир вступил в стадию глобальной нестабильности. Очевиден закат техногенной цивилизации, появились признаки перехода к новому типу цивилизационного развития. Существует много теорий, которые пытаются осмыслить новые социальные реалии, объяснить процесс трансформации. Предлагаются механизмы перемен, строятся модели будущего. Однако приходится констатировать, что пока реального ответа на новые вызовы не найдено. Выход видится в раскрытии программирующей роли культуры с поиском «точек роста» новых ценностей, способных помочь человечеству создать цивилизацию нового типа. Такого рода поиск мыслится возможным на стыке философии и социологии культуры в рамках междисциплинарного, когерентно выполненного исследования, о чем на недавних Харчевских чтениях говорила профессор Г.Г. Татарова (см., напр., ее статью: [Татарова, 2014]).

Любые крупные перемены в человеческой жизнедеятельности предполагают изменения культуры, которые, как правило, являются результатом переосмысливания глубинных

жизненных смыслов человеческого бытия и его ценностей. Современная актуализация в социологии феномена культуры, ее роли как объекта передачи культурного наследия связана с попыткой представить культуру как геном цивилизационного развития [Данилов, 2021: 215–222], рассмотреть феномен культуры как «плавильного котла» истории [Данилов, 2021: 7–19], где формируется ценностный профиль новой цивилизации. Генерируя новые смыслы, культура способна отобрать из предшествующего опыта современное будущее, определить его основные тенденции и пути развития. История может постоянно возвращать к одному и тому же сюжету в поисках приемлемых для каждого поколения ответов. Чаще всего на этом пути стратегии, сохраняющие базовые ценности прежнего типа развития, конкурируют с инновационными устремлениями, ориентированными на поиск новых жизненных смыслов и обновление содержания ценностей, отвечающих современным реалиям. Новые ценности зарождаются в недрах старой культуры, и человечество заинтересовано, чтобы эти ростки будущего проросли в современном социуме.

В.С. Степин предложил методологию фазовых переходов в социальном развитии [Степин, 2018: 4–10], выделив стадии и их отличительные признаки, разработал представление о типах цивилизационного развития – традиционном обществе и техногенной цивилизации, эксплицируя их базисные ценности [Степин, 2021]. Идея типов цивилизационного развития, с точки зрения В.С. Степина, предполагает выявление в культурно-генетическом коде цивилизации некоего системообразующего ядра, которое, с одной стороны, объединяет цивилизации одного типа, с другой – разграничивает их с цивилизациями иного типа. В качестве такого ценностно-смыслового ядра выступают мировоззренческие универсалии культуры. Речь в данном случае идет о таких фундаментальных универсалиях, как «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «рациональность», «власть» и др. Эти категории функционируют в качестве базовых ценностей и жизненных смыслов каждого из типов цивилизационного развития, но их понимание оказывается различным в техногенной цивилизации и традиционных обществах.

Культура кодирует социальный опыт эволюции. Культура традиционно рассматривается как важная, но второстепенная сфера жизнедеятельности современного общества. В социологии культура рассматривается в первую очередь «в ее социальном аспекте, т.е. с точки зрения места и роли ее в социальном мире, в развитии процессов социального структурирования общества, в количественном и качественном определении результатов последнего. В этом смысле исследование культуры означает осмысление процессов ее включенности в определенные условия социального расслоения и территориального распределения творческой жизнедеятельности, их общностей и общества как единой целостности» [Бабосов, 2021: 49]. В.С. Степин предложил теоретическую модель социума, где культура предстает в обществе в качестве сложноорганизованной совокупности информационных кодов, хранящих и транслирующих надбиологические программы человеческой жизнедеятельности. Культурная программа любой деятельности включает в себя цели, ценности, знания, навыки и прочее, что должно стать достоянием субъекта. Такие программы могут трансформироваться преемственно в виде образцов, знаний, предписаний, верований, мировоззренческих установок и т.п.

Раскрывая содержание и смыслы мировоззренческих универсалий как системообразующих факторов в структуре культуры, В.С. Степин выдвинул идею о том, что структурные элементы культуры обеспечивают селекцию жизненного опыта и включение его в поток культурной трансляции. На примере категории справедливости, которую люди чаще всего не дефинируют, а показывают на образцах, он предположил, что есть не только осознанные, но и неосознанные жизненные смыслы. В совокупности эти смыслы «фиксируют шкалу ценностей, обеспечивают понимание мира, его осмысление и переживание. Человек всегда эмоционально переживает вопрос о справедливости или несправедливости – это оценка, а значит, предполагает ценность. Эти универсалии задают, во-первых, способы селекции человеческого опыта, они как бы отбирают, что попадет в поток культурной трансляции. Во-вторых, они образуют категориальный строй сознания людей той

или иной исторической эпохи. И наконец, в-третьих, в своем сцеплении и взаимодействии они задают обобщенный целостный образ человеческого жизненного мира. Этот образ выражает отношение человека к природе, обществу и духу (сознанию). Он определяет миропонимание, мироосмысление и миропереживание (мироощущение) людей той или иной культуры в определенную историческую эпоху» [Степин, 2019: 707]. Этот факт нашел отражение в росте внимания социологов России к современным проблемам культуры (см., напр.: [Горшков и др., 2022]). Открывается поле коллабораций социологов с философией культуры, что требует осмысления сложившейся в этом поле ситуации.

С.А. Шавель отмечает, что «анализ универсалий культуры неизбежно и логично вел В.С. Степина к двум важнейшим философско-социологическим проблемам: а) кодирования накапливаемого жизненного опыта; б) типологии человеческих цивилизаций» [Шавель, 2022: 325]. Что касается первой из них, то В.С. Степин отмечает: «Я видел рациональное и в формационном, и в цивилизационном подходах. <...> В своих функциях в социальной жизни система универсалий культуры предстает предельно обобщенной программой, обеспечивающей воспроизводство определенного типа общества, своего рода геномом социальной жизни. Все сложные саморазвивающиеся системы (биологические объекты, социальные объекты) должны содержать внутри себя особые структуры, которые кодируют опыт предшествующего взаимодействия системы со средой и управляют реакциями системы на новые воздействия. В биологии опыт приспособления организмов к среде фиксируется в их наследственном коде. Совокупность таких кодов – это генофонд жизни в разных ее вариантах» [Степин, 2019: 725–726].

В общественной жизни аналогом такого генофонда является культура, причем основания культуры, представленные мировоззренческими универсалиями, выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности. Кроме биологических, генетических программ, представленных геномом человека, у него есть еще надбиологические и социальные программы. Эти два типа программ сложным образом взаимодействуют. Программы второго типа – система нравов, традиций, привычек, образцов деятельности, предписаний, знаний, которые хранит культура. Весь этот сложно организованный набор программ существует благодаря особой структуре, которая выступает и функционирует как своего рода геном социальной жизни. Эта структура представлена мировоззренческими универсалиями, пониманием того, что есть человек, общество, личность, природа, пространство и время, что есть свобода, справедливость, совесть, смысл жизни, честь, труд и т.д.

Представление о биологической эволюции учитывает влияние двух факторов – мутаций генного аппарата и последующего естественного отбора. Если рассмотреть развитие общества под этим углом зрения, то функции естественного отбора выполняет развитие производства и экономики, а мутации генного аппарата социальных организмов в этом случае являются изменением мировоззренческих универсалий культуры. Происходит такое изменение благодаря появлению новых видов деятельности, которые до поры до времени укладываются в старую структуру жизненных смыслов, но по мере развития могут выходить за эти рамки и порождать противоречия. В подобные эпохи прежние универсалии культуры как программы воспроизводства социальной жизни уже не обеспечивают ее воспроизводство во всех необходимых вариациях, они подавляют нужные для общества виды деятельности. И тогда начинается эпоха переосмысления прежних мировоззренческих установок и жизненных смыслов.

Техногенная цивилизация дала человечеству множество достижений, но она привела его к глобальным кризисам. Человечество оказалось перед угрозой самоуничтожения. Экологический и антропологический кризисы, растущие процессы отчуждения, изобретение все новых средств массового уничтожения, грозящих гибелью человечеству, – это побочные продукты техногенного развития. И поэтому сегодня стоит вопрос: можно ли выйти из этих кризисов, не меняя базисной системы ценностей техногенной культуры?

Отвечая на этот вопрос, В.С. Степин полагает, что «эта система ценностей должна трансформироваться. Очевидно, что придется изменить наше отношение к природе,

выработать иное понимание целей человеческой деятельности, чем то, которое представлено фундаментальными мировоззренческими установками техногенной культуры. Не исключено, что человечеству предстоит духовная революция, сопоставимая с той, которая была в эпоху Возрождения и Реформации» [там же: 735].

Глобализация, информатизация, цифровизация современного общества актуализируют проблему наличия культурно-генетического кода и необходимости его расшифровки, изучения механизма работы, особенностей функционирования. Культура стала все больше ассоциироваться со средой сохранения и возможной передачи культурного цивилизационного наследия. «Все сложные саморазвивающиеся системы (биологические объекты, социальные объекты), – подчеркивал В.С. Степин в беседе с И.Т. Касавиным, – должны содержать внутри себя особые структуры, которые кодируют опыт предшествующего взаимодействия системы со средой и управляют реакциями системы на новые воздействия. В биологии опыт приспособления организмов к среде фиксируется в их наследственном коде. Совокупность таких кодов – это генофонд жизни в разных ее вариантах» [там же: 725–726]. Причем в мировоззренческих универсалиях В.С. Степин видел своеобразные базисные гены того или иного типа социальности. «Подобно тому, как порождение новых видов организмов невозможно, если не происходит генетических трансформаций, изменяющих геном организма, так и возникновение новых видов общества, новых типов социальности предполагает изменение фундаментальных жизненных смыслов, представленных универсалиями культуры, их преобразование» [Степин, 2019: 726].

Почему именно в культуре кодируется исторический опыт развития человечества? Здесь следует уточнить наши представления о культуре. До периода научно-технической революции культура была второстепенной малодинамичной сферой человеческой деятельности, олицетворяя собой стабильность уклада и образа жизни как отдельного человека, так и целых поколений. В таких условиях включение в культуру новых ценностей было процессом продолжительным и не случайным. Только после длительного историко-социального отбора новые ценности становились внутрикультурными. Это, собственно, и определяло изначальный консерватизм культуры и ее носителей. «Только взяв на вооружение свою модель истории, вы сможете получить на руки метод, имеющий предсказательную силу, то есть не просто предсказывать будущее, но и строить его по своим чертежам своими руками» [Мараховский, 2020: 3].

Носителями культуры считались, прежде всего, представители гуманитарной интеллигенции, что было связано как раз, с одной стороны, с «длительным характером отбора культурных ценностей, а с другой – с тем, что наука всегда носила более прагматический характер, изменения в ней происходили быстрее и большая часть ее ценностей не успевали закрепляться как общекультурные. <...> В культурном смысле этот консерватизм оправдан, так как позволяет сохранить общезначимый фундамент культуры, не позволяя изменить систему ценностей под влиянием возникновения новых представлений, не успевших пройти “культурную обработку”. Ценности культуры имеют свойство приращения, тогда как новые научные открытия часто базируются на отрицании предшествующих» [Мионов, 2011: 89–90]. «В рамках глобальной культуры существует опасность внешнего расширения диалога, но не на основе обогащения культур. ...Это будет общение ради общения – без насыщения смыслами» [там же: 94].

Если общество входит в стадию динамического хаоса, изменения традиционных ценностей просто неизбежны. Наступает очень ответственный момент «критики и отбрасывания некоторых “старых” ценностей». Здесь есть большая опасность – уйти от традиции и возвести в новый культурный статус ценности «псевдокультурные» или «внекультурные», тем самым открыть путь для разрушения основ культуры. И если учесть, что процесс замены зачастую происходит без должной адаптации к традиционной знаковой системе ценностей, кризис неизбежен.

Итак, разрушаются старые ценности, сжимаются временные рамки. «Сжатие временных рамок изменений не позволяет новым символам и знакам адаптироваться к традиционным

ценностям. В результате нарушается синхронизация культуры, новообразования в ней появляются очень быстро, люди не успевают адаптироваться, им некогда впитывать новые ценности, соотнося их с предшествующими» [там же: 97–98]. Но с другой стороны, «из-за постоянно растущих темпов перемен вы не сможете с уверенностью определить, что передают вам взрослые: мудрость, неподвластную времени, или устаревшие предрассудки» [Харари, 2019: 321].

Выход из этой ситуации В.А. Лекторский видит в сохранении национальных культур. В частности, он пишет, что «противостоять расчеловечиванию человека и культуры можно только в том случае, если мы сумеем сохранить традиционные человеческие ценности и вместе с тем адаптировать их к современным реалиям, в том числе к вызовам, которые созданы развитием науки и технологий. А традиционные ценности существуют и транслируются от поколения к поколению в рамках существующих национальных культур» [Лекторский, 2018: 619–621]. Национальная идентичность прививается и закрепляется в культурном коде гражданина страны, которой он хочет гордиться и принимает как свою единственную Родину. Культурные предпочтения людей укрепляет надежда на то, какой бы в будущем они хотели видеть свою страну. Людей ведут в будущее «идеалы, связанные с мечтой о справедливом обществе, с обеспечением стабильности, с надеждой на возвращение... к национальным традициям» [Тощенко, 2016: 179].

В процессе глобальной эволюции закрепляется возможность аккумулировать в культуре исторический опыт развития человечества. Основания культуры – мировоззренческие универсалии, которые осуществляют селекцию опыта, как бы отбирают то, что достойно культурной трансляции, а также образуют категориальный строй сознания людей той или иной эпохи. Они же создают целостный образ жизненного мира человека, выражающий отношение к действительности. Наполнение же новым содержанием существующих ценностей – результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, которые отражают состояние культуры как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и зарождающегося нового цивилизационного опыта. В результате возникают мировоззренческие установки, которые определяют жизненные приоритеты активной части общества. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится питательной средой, которая определяет направленность изменений и их содержание. Почвой же, где «завязываются» точки роста нового, где ценности обновляются, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются, является социальная реальность, социальная жизнь человека. Преобразование базисных смыслов универсалий культуры и, соответственно, изменение типа культуры всегда связаны с переломными этапами человеческой истории, ибо означают трансформацию не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности, их ценностных ориентаций.

Ценности как строительный материал развития. История XX и начавшегося XXI столетия наглядно демонстрирует, что «все социально-политические и экономические трансформации не только генетически детерминируются, но и легитимируются благодаря трансмутации культурно-нравственных смыслов человеческого бытия, с помощью смыслов и ценностей перекодировки реальности, которая происходит в культуре. Именно в «поле» культуры появляются новые знаки и символы, обретают иной смысл, ценностную нагрузку и эстетическое значение и “перезагружают” сознание одного, многих, всех. В духовной матрице культуры закладываются генетические коды человеческой жизни, которые в конечном счете и определяют жизнеспособность цивилизации» [Горшков и др., 2022: 6]. В процессе эволюции современного социума типы цивилизационного развития различаются, прежде всего, по системе ценностей, по жизненным смыслам, которые составляют духовную матрицу общества, по которым люди живут (понимание человека, природы, деятельности человека, традиций и инноваций, личности, власти). В зависимости от того, как эти жизненные смыслы, понимания складываются в культуре, это становится программой, по которой люди осуществляют свою жизнедеятельность, поведение, общение. На практике «...каждая страна, каждое общество включаются в общемировой социальный процесс своим неповторимым путем» [Социология Ядова..., 2019: 543].

В переломные этапы человеческой истории в различных сферах культуры происходит интенсивная переоценка ценностей, смыслов мировоззренческих универсалий, ранее казавшихся очевидными и само собой разумеющимися. Такое время содержательно меняет ценностные ориентации, меняется и механизм их формирования, институты влияния, человека, с его поведенческими предпочтениями и установками, социальной средой обитания. Выстраивание нового этапа эволюционного развития фиксируется через раскрытие сложных процессов, происходящих в культуре. Современное развитие показывает, что трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не подвержены быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и могут в процессе приспособления к новым требованиям вызывать кризис человека и системы.

Выход из этого болезненного состояния лежит на путях адаптации к меняющемуся миру. «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [Степин, 2017: 6–11]. Сегодня решение проблемы адекватного ответа на глобальные вызовы времени, развитие национальной культуры, которая естественным образом находится в диалоге с мировой культурой, формирование новых жизненных смыслов и ценностей выступают важнейшим условием эволюционного развития.

Следует отметить, что почвой, где «завязываются» точки роста нового, где обновляются, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются ценности, является наша действительность, социальная реальность, жизнедеятельность общества и человека. Конечно, время содержательно меняет матрицу ценностей. Меняется и механизм их формирования, институты влияния, человек со своими поведенческими предпочтениями и установками, информационной средой обитания. Современная ситуация требует ответа на вопрос: «Какие же ценности должны быть положены в основу новой цивилизации?» Можем ли мы ценности, как они сформулированы в истории западной цивилизации и как они в настоящее время нам предлагаются, положить в основу будущего? А.В. Смирнов отмечает, что «...претензии какой-либо культуры на исключительную общечеловеческую значимость абсурдны. <...> Современный глобализм опасен тем, что пытается внедрить в сознание идею общечеловеческой значимости европейской культуры не только в первом (понятность), но и во втором (императивность) смысле. Единственным противоядием может быть идея всечеловеческого устройства мира. <...> Всечеловеческий проект мирового устройства – это проект сохранения всего многообразия, всего богатства проявлений человеческого духа, открывшего себя в многообразии логик, развернутых как многообразие культур» [Смирнов, 2019: 204].

В этой ситуации, очевидно, со сменой типов цивилизационного развития должна возникнуть новая система ценностей, новая духовная матрица, матрица ожиданий, регулирующая человеческую жизнедеятельность. «У каждого человека своя матрица ожиданий, в ней есть достаточно устойчивая часть, связанная с высшими ценностями, такими как справедливость, социальный порядок, достоинство человека, патриотизм, толерантность, истина, красота, вера и др.; а также более подвижная часть, изменяющаяся по мере роста возможностей, перемены условий и новых личных обязательств. Но когда рассматриваются общественно значимые ожидания, то имеется в виду состояние общественного сознания, определяющее не просто желательное, но и “должное” в общественной жизни с точки зрения логики развития, имеющихся возможностей и перспектив укрепления целостности и стабильности социума» [Шавель, 2015: 269].

Констатация необходимости утверждения ценностного обновления в современном обществе основывается на учете законов биосферы. П.А. Водопьянов предложил новую Стратегию достаточного развития, которая включает меры по снижению индустриально-го давления на биосферу за счет внедрения природоподобных технологий; экономное

использование природных ресурсов, их замена искусственными; повышение производительности ресурсов за счет внедрения новых технологий; использование альтернативных источников энергии вместо энергии, получаемой от углеводородного топлива; изменение вектора социально-экономического развития на основе его согласования с законами природы; формирование нового гуманизма; переход к эпохе «Нового просвещения» на основе экологического сознания и мышления и др. (см.: [Водопьянов, 2022: 275–302]).

Если рассматривать генезис зарождения ценностей Западного и Восточного мира, их становление, то в историческом контексте они действительно полярно противоположны. Что мы видим сегодня? Запад и Восток меняются местами по ценностям, по образу жизни, даже ментальности, копируют политические системы. Возьмем Китай – восточная культура. А сегодня она какая: западная или восточная? С точки зрения классических представлений о Западе и западных ценностях кажется, что это уже Запад. Потому что политическая система трансформируется, экономическая система достаточно либеральна. Традиционализм культуры, который был свойственен китайской цивилизации, – сегодня это перманентная модернизация и технологизация жизни.

Современный тип цивилизационного развития противоположен традиционному доиндустриальному типу развития общества в том смысле, что те типы общества были не виртуального характера. Человек, культура, сознание человека работали с реальными вещами. Сегодня человеческое сознание окунулось в мир виртуальных отношений, делая ставку на интеллектуальные технологии, знание, информацию. Это феномены хорошие, но это феномены нематериального плана. Сознание теряет привычные границы верификации, связанные с предыдущими эпохами, когда человек мог верифицировать условия поведения и свои ценностные идеалы. А современный мир – мир виртуальных отношений. Он тоже вносит явные изменения, трансформацию ценностного сознания, мышления человека.

Сегодня в мире существует два типа стран на стадии техногенного развития: одни – это Запад, другие – осуществили модернизацию, охранив многие традиционалистские ценности, приспособив их к идеям прогресса. Идея прогресса идет из техногенных обществ, возникших на собственной основе. В традиционалистских культурах идея прогресса вообще отсутствует – там другое понимание времени, другое понимание традиций и инноваций (инновации там не являются самоценностью: известная китайская поговорка гласит, что самая плохая эпоха для человека – это эпоха перемен). Есть тенденции, когда идеи, которые раньше обозначались как идеи прогресса и т.д., переходят в свою противоположность. В этой связи возникает вопрос о последствиях изменений универсалий культуры, предпосылках и механизмах формирования точек роста новой цивилизации. Современные технологии несут человеку новые проблемы.

Заключение. Глобальная социальная эволюция не подчинена воле человека. В обществе и его культурном сегменте постоянно идет сложный процесс программирования дальнейшей эволюции. Нынешний вектор техногенного развития, основанный на потребительской доктрине, ведет к нарастанию проблем, к проблемам голода, загрязнению окружающей среды, исчерпанию природных ресурсов, возникновению заболеваний пандемического характера. Сегодня важно существенно расширить предметное поле исследования проблемы развития, разработки оптимальной социально-экологической политики, основывающейся на утверждении новых мировоззренческих ориентаций во взаимодействии общества и природы, выбора стратегии социально-экономического развития, учитывающего потребность в сохранении окружающей среды и изменения человеческих качеств.

Важная роль в этом процессе отводится культуре, в пространстве которой происходит отбор компонентов нового, формируется ценностный профиль глобального развития. Культура сохраняет традиции, опыт, ценности идеального образа будущего. Выстраивание нового идеала развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы. В такой ситуации культура все больше ассоциируется со средой сохранения и возможной передачи духовного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабосов Е.М. Наука и человекомерность окружающей реальности. Минск: Беларуская навука, 2021.
- Водопьянов П.А., Данилов А.Н. Духовно-нравственный вектор выбора будущего: к стратегии достаточного развития // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2022. № 28(4). С. 275–302.
- Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпунин О.И. На переломе веков: социодинамика российской культуры. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
- Данилов А.Н. Культура как «плавильный котел» истории: ценностный профиль новой цивилизации // Философия истории философии. 2021. Т. 2. С. 7–19.
- Данилов А.Н. Культура как геном цивилизационного развития // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 215–222.
- Лекторский В.А. Человек и культура. СПб.: СПбГУП, 2018.
- Мараховский В. Фальсификация будущего // Культура. 2020. № 5. 28 мая.
- Мионов В.В. Современные трансформации в культуре. СПб.: СПбГУП, 2011.
- Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: Садра, ЯСК, 2019.
- Социология Ядова: методологический разговор. М.: ФНИСЦ РАН, Новый хронограф, 2019.
- Степин В.С. Проблемы прогнозирования сложных развивающихся социальных систем // Журнал БГУ. Социология. 2018. № 3. С. 4–10.
- Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Минск: Беларуская навука, 2021.
- Степин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3. С. 6–11.
- Степин В.С. Человек. Деятельность. Культура. СПб.: СПбГУП, 2019.
- Татарова Г.Г. Когерентность интеграционных процессов как условие повышения качества эмпирических исследований в России // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 72–84.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019.
- Шавель С.А. Перспективы развития социума. Минск: Беларуская навука, 2015.
- Шавель С.А. Социосферная стратегия развития общества. Минск: Беларуская навука, 2022.

Статья поступила: 23.08.22. Финальная версия: 06.12.22. Принята к публикации: 17.01.23.

THE PROGRAMMING ROLE OF CULTURE IN THE THEORY OF SOCIAL EVOLUTION

DANILOV A.N.

Belarusian State University, Republic of Belarus

Aleksandr N. DANILOV, Dr. Sci. (Sociol.), Correspondent Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus, Head of Sociology Department, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus (a.danilov@tut.by).

Abstract. The article reviews the process of global evolution as a way of ascent of complex systems to higher levels of organizational complexity. Due to the fact that society features integrity and differentiation into different spheres of human activity, the author argues that it is a socio-cultural system. The author considers culture as a specific human activity and as a set of spiritual and material values, norms, ideals, patterns of behavior involved in the multifaceted process of programming the future. Human creates culture, and culture shapes human. The cultural and genetic code that is formed in society performs a unique function of selection, preservation and transmission of the cultural heritage of the people living in it. The sacrament of creating the new, according to the image adopted on an alternative basis, occurs precisely in culture. It crystallizes from the variety of values that were introduced in the course of history, dominated, arose and went into eternity. Preservation of what confirms the ideal image of the people in the memory is a most important function of culture. The article also proposes to consider the mechanism of the emergence of a new civilizational integrity, the strategy of sufficient development of modern society based on the coordination of its development with the laws of evolution of the biosphere, and also justifies the expediency of the approval of a new humanism as a necessary condition for achieving a secure future.

Keywords: theory of evolution; strategy of sufficient development; society as a socio-cultural system; programming role of culture; values; new humanism; secure future.

REFERENCES

- Babosov E.M. (2021) *Science and Human Dimensionality of the Surrounding Reality*. Minsk: Belaruskaya navuka. (In Russ.)
- Danilov A.N. (2021) Culture as a Genome of Civilizational Development. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 3: 215–222. (In Russ.)
- Danilov A.N. (2021) Culture as a “Melting Pot” of History: Value Profile of a New Civilization. *Filosofiya istorii filosofii* [Philosophy of Philosophy History]. Vol. 2: 7–19. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Komissarov S.N., Karpukhin O.I. (2022) *At the Turn of the Century: Sociodynamics of Russian Culture*. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Harari Y.N. (2019) *21 Lessons for the XXI century*. Moscow: Sindbad. (In Russ.)
- Lektorskij V.A. (2018) *Man and Culture*. St. Petersburg: SPbGUP. (In Russ.)
- Marahovskij V. (2020) Falsification of the future. *Kultura* [Culture]. No. 5. May, 28. (In Russ.)
- Mironov V.V. (2011) *Modern Transformations in Culture*. St. Petersburg: SPbGUP. (In Russ.)
- Shavel S.A. (2022) *Sotsiospheric Strategy for the Development of Society*. Minsk: Belaruskaya navuka. (In Russ.)
- Shavel S.A. (2015) *Prospects for the development of Society*. Minsk: Belaruskaya navuka. (In Russ.)
- Smirnov A.V. (2019) *Universal vs. Universal*. Moscow: Sadra, YASK. (In Russ.)
- Yadov's Sociology: a Methodological Conversation*. (2019) Moscow: FNISC RAN, Novyj hronograf. (In Russ.)
- Stepin V.S. (2021) *Theoretical Knowledge: Structure, Historical Evolution*. Minsk: Belaruskaya navuka. (In Russ.)
- Stepin V.S. (2019) *Man. Activity. Culture*. St. Petersburg: SPbGUP. (In Russ.)
- Stepin V.S. (2018) Problems of forecasting complex evolving social systems. *Zhurnal BGU. Sociologiya* [Journal of Belarusian State University. Sociology]. No. 3: 4–10. (In Russ.)
- Stepin V.S. (2017) Civilization in the Age of Change: The Search for New Development Strategies. *Zhurnal BGU. Sociologiya* [Journal of Belarusian State University. Sociology]. No. 3: 6–11. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (2014) Coherence of integrative processes as precondition for improvement of empirical research quality in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 72–84. (In Russ.)
- Toshchenko Z.T. (2016) *Sociology of Life*. Moscow: UNITI-DANA. (In Russ.)
- Vodop'yanov P.A., Danilov A.N. (2022) Spiritual and moral vector of choice of the future: to the strategy of sufficient development. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 18. Sociology and Political Science]. No. 28: 275–302. (In Russ.)

Received: 23.08.22. Final version: 06.12.22. Accepted: 17.01.23.

Г.Ф. ГАБДРАХМАНОВА

ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ РОССИЙСКОГО ГОРОДА: СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ПОДХОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

ГАБДРАХМАНОВА Гульнара Фаатовна – доктор социологических наук, зав. отделом этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань; главный научный сотрудник международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия (medi54375@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу исследований отечественных ученых – представителей социогуманитарных наук о языковом ландшафте городов России. Решается задача, направленная на раскрытие содержания и динамики научных идей по данной проблематике. Первые исследования относятся к концу 1990-х гг. Их авторы сосредоточились на выявлении степени присутствия языков народов, давших название российским республикам, в аспекте языковой политики. Это направление простимулировало появление специальной количественной методики сбора эмпирических данных и показало недопредставительность миноритарных языков в республиканских городах. В 2000-х гг. появляются исследования, анализирующие процесс переименования названий улиц, районов и городских объектов, где выявлены разнообразные противоречивые тенденции изменения языковой политики. 2010-е гг. отмечены кристаллизацией двух тем – «право на город», направленной на выявление стратегий номинации и анализ ситуаций столкновения интересов акторов языкового ландшафта, и «миграция», рассматриваемой с точки зрения маркирования приезжих с помощью вывесок на их родных языках. Перспективным видится вопрос о том, как выстраиваются многоязычные практики и коммуникативные нормы в современных российских городах.

Ключевые слова: языковой ландшафт • российский город • социогуманитарные науки • исследования • критический анализ

DOI: 10.31857/S013216250021396-8

Языковой ландшафт (ЯЛ), определяемый как «язык общественных дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц, географических названий, коммерческих знаков магазинов и знаков на правительственных зданиях» [Landry, Bourhis, 1997: 25], является визуальным проявлением многоязычия городской повседневности. Его изучению в городах Европы, Азии и Америки посвящен значительный корпус текстов. Для обсуждения исследований создан международный журнал «Linguistic Landscape». Инициаторы проекта подчеркивают динамизм ЯЛ, влияние на него мотивов, практик использования языков, идеологий, противоречия разнообразных форм языков, отображаемых в общественных местах, и его растущую роль в языковых исследованиях. Вопрос о том, как указанные проблематизированные аспекты ЯЛ и иные исследовательские темы его изучения в отношении российских городов отражены в социогуманитарных науках, по-прежнему открыт. Систематизация научных результатов и их критический анализ являются необходимым этапом эволюции научного знания. Цель статьи – раскрыть содержание и динамику научных идей по проблематике ЯЛ российского города. Работа призвана показать вклад отечественных ученых в изучение наблюдаемых языков в городах России и ознакомить научную общественность с опытом их письменной визуализации в российском городском пространстве.

Пионерами изучения ЯЛ российского города являются лингвисты. С.В. Высотский, изучавший народный говор жителей советской Москвы [Высотский, 1984], впервые употребил понятие «языковой ландшафт» (1984). С этого времени отечественная лингвистика накопила обширный корпус исследований ЯЛ и внесла существенный вклад в разработку понятийно-терминологического аппарата, позволившего активно изучать городские номинации и тексты – объекты «урбонимии» и «лингвистического градоведения» [Ривлина, 2014: 110]. Обзор лингвистических исследований ЯЛ в России представлен в специальной публикации [Голикова, 2020]. В поле нашего исследовательского интереса – социогуманитарные науки и вклад их представителей в изучение ЯЛ российского города. Поскольку, например, социология языка и социолингвистика развиваются «в зоне соприкосновения друг с другом и с другими областями знаний об обществе, и происходит это в ситуации отсутствия жесткой демаркации границ и в режиме диффузии» [Мухарямов, Мухарямова, 2017: 151], мы не ставим задачу отраслевой идентификации научных изысканий в области изучения ЯЛ. Основой для их систематизации стал тематический принцип.

Поиск методики сбора эмпирических данных. Первые социогуманитарные изыскания по теме языкового ландшафта относятся к 1990-м гг. Исследователи вслед за лингвистами фиксируют визуально наблюдаемый язык, т.е. изучают языковые тексты на уличных вывесках, и одновременно проблематизируют вопрос об общественном измерении такой формы языка. Впервые этим заинтересовались исследователи из Чувашии [Долгова, 2002; Хузангай, 1999], обратив внимание на то, что через язык топонимии, текстов дорожных указателей, названий улиц, вывесок организаций, учреждений, предприятий и рекламы можно определить статус чувашского языка. Несмотря на то что в середине 1980-х гг. ЯЛ Чебоксар начинал заметно меняться в пользу чувашского языка, в 1990-х гг. он по-прежнему уступал русскому языку.

Идея о рассмотрении лингвистического материала (вывесок) как источника для анализа языковой политики в отношении миноритарных языков получает большое распространение в 2000-х гг. Исследования в Казани [Исмагилова, 2011], Улан-Удэ [Иванов, 2021], Уфе [Садуов, 2020], Якутске [Иванова, 2017; Минчурина, Сотникова, 2021], пгт Черский Республики Саха (Якутия) [Сидорова и др., 2014] выявили доминирование русского языка, увеличение присутствия, но недопрезентативность языков народов, давших названия республикам, ограниченность их использования государственными структурами и ситуацию, когда «все остальные надписи являются результатом творчества граждан, отражающим их предпочтения» [Protassova, 2021: 62].

В это же время появляются исследования, показывающие проникновение иностранных языков в ЯЛ Казани [Aristova, 2016], Улан-Удэ [Иванов, 2021], Красноярска [Трапезникова, 2009] и других крупных городов Сибири [Protassova, 2021]. Первыми такие языки стали использовать коммерческие заведения. Фиксируемое усиление разнообразия языкового пространства российских городов и субъективация агентов ЯЛ кристаллизовали вопрос о методике сбора эмпирических данных – как и какие письменные языковые тексты города нужно изучать. Если на первом этапе случайным образом выдергивали интересные для них вывески (чаще официальные), то позже приходит понимание репрезентативности данных, обеспечивающей «...либо выборочную, согласно точным критериям, соответствующим целям исследования, либо полную/сплошную фиксацию материала» [Голикова, 2020: 159].

Методику сплошного обследования языково-визуального пространства города с использованием выборочного принципа отбора его улиц предложил исследователь Э. Алос-и-Фонт [2019]. Выборка улиц – случайная (необходимо иметь список всех городских улиц), учитывающая репрезентативность его центральных улиц выше средней (из-за их насыщенности учреждениями и имиджевой функции). Если улица имеет существенную протяженность, применяется случайная выборка кварталов и их сплошное обследование. Объектами анализа становятся неподвижные (исключаются изображения на транспорте, одежде людей), наружные (исключаются тексты внутри зданий), письменные языковые знаки, идентифицируемые как «часть письменного текста в пространстве определяемого кадра» [Backhaus, 2007: 66]. Этапы исследования: фотофиксация текста отдельного знака, кодирование фотографического материала, количественный анализ данных с помощью структурированной базы данных (см. Приложение).

Методика апробирована в городах Чувашии – Чебоксарах, Канаше, Цивильске, Ядрине, использована при изучении городов Татарстана – Казани, Набережных Челнов, Альметьевска, Нижнекамска, Елабуги, Чистополя, Зеленодольска [Алос-и-Фонт, 2019; Габдрахманова и др., 2015; Габдрахманова и др., 2016]. Представленный массив данных (Чувашия – 4405 фотографий, 12 102 знака, Татарстан – 5895, 12 886) обеспечивает достоверность данных о ЯЛ городов республик и позволяет осуществлять их статистический анализ. Количественная стратегия изучения ЯЛ применяется и другими учеными [Былахырова, Собакина, 2022; Минчурина, Сотникова, 2021; Solnyshkina, Ismagilova, 2015].

Э. Алос-и-Фонт обращает внимание на время сбора эмпирических данных. Языковой облик города меняется во время предвыборных кампаний, спортивных мероприятий и иных значимых событий. Изучение ЯЛ города в динамичном аспекте предпринято Л.Л. Федоровой [2014]. Ее анализ текстов плакатов и лозунгов во время митингов и демонстраций в Москве выявил используемые участниками языковые средства воздействия – политического языка, народно-поэтического стиля, высокой поэзии, сленга.

Преобладающим направлением анализа **содержания городского ЯЛ** является изучение процесса переименования названий улиц, районов и городских объектов. Его черты – обновление социалистического ландшафта, связанного с дореволюционным прошлым, лозунгами советского периода [Пешкова, 2017: 111], рациональное использование урбанонимов для имиджирования и брендинга города и его объектов [Голомидова, 2019], распространение онимических моделей столичных городов на провинциальные [Разумов, 2016].

Обновление ЯЛ объясняется необходимостью формирования образа города и локальной идентичности. Исследователи отмечают усиление роли в этом процессе муниципальной топонимической политики, значения географического расположения города, его этнической структуры. Развитие экономических контактов Владивостока с Японией привело к появлению многочисленных вывесок, связанных с японским автопромом [Михайлюкова, 2017]. Несмотря на стремление предпринимателей из приграничного Выборга привлечь финских потребителей, городские власти исключают финский язык из общественных мест [Баранова, Федорова, 2020а: 633]. В полиэтничных городах имиджевую функцию выполняет история и культура этнической общности, давшей название региону. В Улан-Удэ она отражена недостаточно [Бреславский, 2012: 141], в Казани не отказываются от советского наследия, но новые урбанонимы внедряются лишь на пригородных территориях, вошедших в административную границу города, в Грозном, Нальчике и Владикавказе наблюдается тотальный отказ от советских внутригородских наименований и активное внедрение урбанонимов, связанных с именами местных деятелей [Разумов, 2022]. В условиях социокультурной децентрализации и деунификации символический передел урбанонимов на Северном Кавказе осуществляется в пользу локальности, этнокультурности и родственно-кланового принципа [Тхакаков, 2017: 17]. Доминантные номинативные темы, свойственные отдельному городу, не всегда отражаются в названиях топографических объектов. Несвязный топонимический образ города характерен для Екатеринбургa [Голомидова, 2022]. Разные нормативно-правовые стратегии властей российских городов в области урегулирования топонимики [Баранова, Федорова, 2020а: 629] зачастую носят декларативный характер [Габдрахманова и др., 2015: 53] и приводят к неоднозначному соотношению законодательства и практик ЯЛ [Баранова, Федорова, 2020а: 634].

Возникновение в последнее время **темы «право на город»** при изучении ЯЛ объясняется фиксируемым исследователями постепенным превращением языкового облика города и его объектов в товар. Коммодификация анализируется через стратегии номинации и столкновение интересов различных агентов – федеральной и региональных властей, руководителей предприятий, бизнеса, девелоперов, общественных организаций и простых жителей [Голомидова, 2020; Соколова, 2022]. Власть балансирует между необходимой (стандартизация наименований нужна для эффективного управления городом), но насаждаемой политикой номинации и правом жителей на выбор названий. Последними «инициативы о наименовании/переименовании названий территориальных единиц рассматриваются как один из инструментов борьбы горожан за право участвовать в принятии решений о производстве городского

социального пространства и присвоении его объектов» [Терентьев, 2015: 200]. Активность возникает из-за ощущения потери идентичности, возникающей под влиянием вывесок, символизирующих западные стандарты жизни. Для предпринимателей тексты наименований объектов бизнеса выступают средством перестройки городских туристических и экономических потоков под коммерческие интересы [Иванов, 2021: 152; Каплунова, 2018: 260; Yurchak, 2000]. Городская коммерческая номинация характеризуется расширяющейся конфликтогенностью [Соколова, 2016: 85].

ЯЛ как средство репрезентации мигрантов в городе. Отечественные исследователи подчеркивают усложнение в постсоветское время языковой структуры российских мегаполисов и крупных городов. Оно объясняется усилившейся урбанизацией в республиках, простигнувшей привнесение сельскими мигрантами национальных языков в языковую жизнь столиц [Дырхеева, 2022], миграцией из дальнего и ближнего зарубежья, ростом диаспор. Новая многоэтническая городская инфраструктура (кафе, магазины, рынки, специфические услуги для приезжих) развивается параллельно с письменным языковым обликом российских городов. На улицах появляется все больше текстов на языках мигрантов. Такая реальность диктует новую рамку исследований – понимание ЯЛ как «широкого процесса многоязычной коммуникации, в который оказываются вовлечены мигранты, представители языкового большинства и городское пространство» [Баранова, Федорова, 2020б: 51]. Вопрос о том, как выстраиваются многоязычные практики и коммуникативные нормы в российских городах, становится трендом современных социогуманитарных исследований ЯЛ.

«Голос» мигрантов в ЯЛ может быть очень громким или едва слышимым [Синекопова, 2015: 45]. Он замеряется с помощью картографирования города [Баранова, Федорова, 2020б: 51] и наблюдений [Малькова, 2022: 74], фиксирующих распространение, динамику языков мигрантов в письменном пространстве города (путем изучения языка знаков и языка предоставляемых им услуг в транспортной, банковской, информационной сферах). Вовлеченность горожан в проблематику ЯЛ выявляется во время фокус-групп со студентами [Баранова, Федорова, 2020б; Руденкин, 2022]. Исследователи отмечают дисбаланс между многоязычием населяющих столицы людей и его визуальной репрезентацией в публичном пространстве [Баранова, Федорова, 2020б: 633] в сторону недопрезентативности миноритарных языков и доминирования русского языка [Хилканова, 2022], привыкание москвичей к присутствию разных языков в ландшафте города (особенно в транспорте [Малькова, 2022: 80]) вопреки стремлению московских властей сохранить имидж столицы страны как русского города [Fedorova, Baranova, 2018]. Подчеркивается роль ЯЛ в адаптации приезжих: Казань в сравнении с Санкт-Петербургом отличается «удобочитаемостью» (легкостью, с которой город может быть «прочитан» и понят среднеазиатским мигрантом) и разборчивостью (степенью узнаваемости по своему внешнему виду отдельных компонентов городской среды) [Nasritdinov, 2016]. Многоязычие города заметнее в звуковом ландшафте, чем в письменном, все более распространяющаяся речь мигрантов является раздражающей частью ЯЛ [Хилканова, 2022]. Он начинает оцениваться как средство диагностики языковой политики и происходящих в городском пространстве социальных процессов.

Сравнение ЯЛ городов ограничено небольшим числом исследований. Ученые проводят аналогии между Москвой и Санкт-Петербургом [Баранова, Федорова, 2017], городами республик [Алос-и-Фонт, 2019; Габдрахманова и др., 2016], Северо-Кавказского округа [Разумов, 2022; Тхакаков, 2017] и регионами [Алос-и-Фонт, Махмутов, 2016]. Перспективным видится сравнение ЯЛ городов и их объектов в России и зарубежных странах [Цзингэн, 2021; Лифэнь, Цзюань, Яцян, 2019].

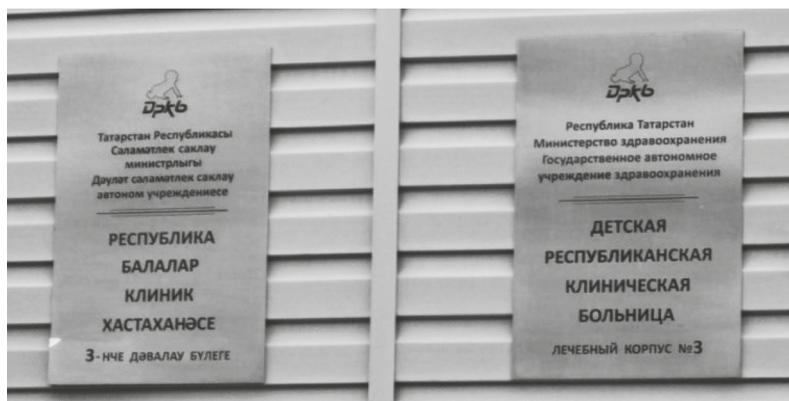
Выводы. Анализ научно-исследовательской работы отечественных представителей социогуманитарных наук показывает, что ЯЛ – это не только совокупность языковых текстов, нанесенных на материальные, видимые объекты города. Это поле языковой политики, маркер присутствия социальных групп в публичном пространстве города, арена борьбы интересов вовлеченных акторов. Отечественным ученым удалось выявить степень письменного присутствия языков в российских городах, изменения в содержании

вывесок, происходящих под влиянием региональных и городских политик, направленных на формирование локальной идентичности и образа города, коммодификацию ЯЛ, транслирование большими городами в малые моды на наименования. Оценена роль объективных факторов – расположения города и его этнической структуры. Важным вкладом видится созданная количественная методика сбора эмпирических данных и классификация знаков. Ученых объединяют методы изучения ЯЛ – наблюдения, совершаемые во время прогулок по городу, и фотофиксация вывесок. Наблюдается дефицит исследований о вовлеченности/отчуждении горожан от этой части повседневной жизни города, о подвижных письменных знаках и содержании ЯЛ в социогуманитарной перспективе.

ЯЛ отражает специфику города и является важным источником для понимания происходящих в нем разнообразных политических, социальных и культурных процессов. Изменение границ межкультурного общения и масштаба языковых контактов зеркально отразится на ЯЛ российских городов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примеры знаков

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алос-и-Фонт Э. Письменное использование языков в социальном пространстве городов Чувашской Республики // Чаваш халах историйе пе культури н сивёч ыйтавёсем: статьясен пуххи = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сборник статей. Вып. 4. Сост. и науч. ред. Д.В. Егоров. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 153–182.
- Алос-и-Фонт Э., Махмутов З.А. Теоретико-методологические основы количественного исследования лингвистического ландшафта городов России (на примере городов Республики Чувашии и Татарстана) // Ашмаринские чтения: сб. трудов X Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20–21 окт. 2016 г.). Сост. и отв. ред. О.Г. Владимирова, А.М. Иванова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 99–104.
- Баранова В.В., Федорова К.С. Видимо-невидимо: миграция и трансформация языкового ландшафта Санкт-Петербурга // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2020б. Т. 12. № 1. С. 48–80. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80.
- Баранова В.В., Федорова К.С. Регулирование языкового ландшафта в российских городах: многоязычие и неравенство // *Журнал исследований социальной политики*. 2020а. Т. 18. № 4. С. 625–640. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-625-640.
- Баранова В.В., Федорова К.С. (Не)видимость и (вне)находимость: Трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга // *Городские исследования и практики*. 2017. Т. 2. № 1. С. 103–121. DOI: 10.17323/usp212017103-121.
- Бреславский А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991–2011 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012.
- Былахырова Л.В., Собакина И.В. Взаимовлияния якутского и русского языков на территории города Вилюйска Республики Саха (Якутия) // *Алтаистика*. 2022. № 2 (05). С. 37–48.
- Высотский С.С. О московском народном говоре // *Городское просторечие. Проблемы изучения*. М., 1984. С. 22–37.
- Габдрахманова Г.Ф., Махмутов З.А., Сагдиева Э.А. Государственные языки Республики Татарстан в языковом ландшафте региона. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.
- Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Махмутов З.А. Этноязыковой ландшафт городов Республики Татарстан // *Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 121–164.
- Голикова А.А. Методология лингвокультурных исследований в России: аналитико-тематический обзор // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*. 2020. № 4 (54). С. 149–166.
- Голомидова М.В. Муниципальная топонимическая политика и вопросы развития городского топонимикона // *Международный круглый стол «Урбанизация и языковое пространство города: новые вызовы в XXI веке»*. Москва, 19–20 сентября 2022 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XbhZk6ABjDg&list=PLMlxltdt8flowwZDnisdSlcU0DL7A7Na> (дата обращения: 25.11.2022).
- Голомидова М.В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // *Коммуникативные исследования*. 2019. Т. 6. № 1. С. 11–30. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(1).
- Голомидова М.В. Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов // *Вопросы ономастики*. 2020. Т. 17. № 3. С. 263–278.
- Долгова А.П. К вопросу о состоянии эргонимии в условиях двуязычия (на примере г. Чебоксары) // *Ономастика и языки Урало-Поволжья: Материалы региональной конференции*. Чебоксары, 13–14 ноября 1997 г. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 29–37.
- Дырхеева Г.А. Бурятский язык в г. Улан-Удэ // *Международный круглый стол «Урбанизация и языковое пространство города: новые вызовы в XXI веке»*. Москва, 19–20 сентября 2022 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XbhZk6ABjDg&list=PLMlxltdt8flowwZDnisdSlcU0DL7A7Na> (дата обращения: 25.11.2022).
- Иванов В.В. Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ // *Социолингвистика*. 2021. № 1(5). С. 147–163. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163.
- Иванова Н.И. Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты. Монография. Отв. ред. П.А. Слепцов. М., 2017.
- Исмагилова Г.Х. Языковые особенности наглядно-информационной атрибутики города в рамках реализации закона о языках Республики Татарстан: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011.
- Каплунова М.Я. Функциональное развитие китайского и вьетнамского языков в Москве // *Acta Linguistica Petropolitana*, том XIV, часть 3. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 153–162.
- Лифэнь Л., Цзюань У., Яцзянь Ж. Сопоставление пространственной конфигурации языкового ландшафта китайских и российских университетов // *Политическая лингвистика*. 2019. № 5 (77). С. 185–192. DOI: 10.26170/pl19-05-20.

- Малькова В.К. Этнокультурное многообразие столицы России, или «С кем поведешься, от того и наберешься». М.: ИЭА РАН, 2022.
- Манчурина Л.Е., Сотникова Ю.В. Перевод текстов вывесок как реализация двуязычия в Республике Саха (Якутия) (на примере города Якутска) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK121.pdf>
- Михайлюкова Н.В. Названия предприятий автобизнеса в языке города Владивостока: жанровый аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 3. С. 51–58.
- Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Язык и Общество. Энциклопедия. М.: ООО «Метатекст», 2017 // Социологические исследования. 2018. № 12. С. 149–153. DOI: 10.31857/S013216250003180-1.
- Пешкова Н.П. Лингвистический ландшафт полиэтничного города: особенности вербального воздействия // Вопросы психолингвистики. 2017. № 3 (33). С. 108–125.
- Разумов Р.В. Типология моделей урбанонимических систем Российской Федерации // Вестник Костромского университета. 2016. № 4. С. 121–125.
- Разумов Р.В. Урбанонимическая система полилингвального города // Международный круглый стол «Урбанизация и языковое пространство города: новые вызовы в XXI веке». Москва, 19–20 сентября 2022 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XbhZk6ABjDg&list=PLMlxldt8flovwZDnisdSicU0DLT7A7Na> (дата обращения: 25.11.2022).
- Ривлина А.А. Взаимодействие английского и русского языков в лингвистическом пейзаже современного российского города // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (42). С. 110–115.
- Руденкин Д.В. Что знает и думает про вандализм молодежь крупного российского города: кейс Екатеринбурга // Социодинамика. 2022. № 6. С. 47–62. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.6.34435.
- Садуов Р.Т. Полевое исследование культурно-языкового ландшафта в национальной республике: описание и обоснование проекта // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 23–29. DOI: 10.17516/2311-3499-098.
- Сидорова Л.А., Фергюсон Д., Валликиви Л. Лингвистический ландшафт северного посёлка как продукт культурных индустрий (на примере п. Черский Республики Саха (Якутия)) // Современные модели развития культурных индустрий в регионах России / под ред. М.Л. Магидовича. Санкт-Петербург: Российский государственный университет им. А.И. Герцена, 2014. С. 195–204.
- Синекопова Г.В. Языковые меньшинства в лингвистическом ландшафте Москвы // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2015. № 2. С. 45–49.
- Соколова Т.П. Коммодификация топонимии современной Москвы в социолингвистическом аспекте // Международный круглый стол «Урбанизация и языковое пространство города: новые вызовы в XXI веке». Москва, 19–20 сентября 2022 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XbhZk6ABjDg&list=PLMlxldt8flovwZDnisdSicU0DLT7A7Na> (дата обращения: 25.11.2022).
- Соколова Т.П. Коммерческие урбанонимы России в аспекте нейминговой экспертизы // Ценности и смыслы. 2016. Т. 1. № 6 (46). С. 79–86.
- Терентьев Е.А. Топонимический активизм и «право на город»: социологические заметки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1(29). С. 194–202. DOI: 10.17223/1998863X/29/21.
- Трапезникова А.А. К вопросу о классификации эргонимов (на материалах коммерческих наименований Красноярска) // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 2 (14). С. 68–70.
- Тхакахов В.Х. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 17–25.
- Федорова Л.Л. Языковой ландшафт: город и толпа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 6: Журналистика. С. 70–80.
- Хилханова Э.В. Язык социальных сетей мигрантов из Средней Азии в контексте российского городского многоязычия // Международный круглый стол «Урбанизация и языковое пространство города: новые вызовы в XXI веке». Москва, 19–20 сентября 2022 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XbhZk6ABjDg&list=PLMlxldt8flovwZDnisdSicU0DLT7A7Na> (дата обращения: 25.11.2022).
- Хузангай А.П. Проблема языкового существования чувашского этноса и перспективы языковой политики // Проблемы национального в развитии чувашского этноса. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 88–106.
- Цзинпэн Л. Исследование лингвистического ландшафта и его анализ в России и Китае // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 7. С. 162–167. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.07.21.
- Aristova N. English Translations in the Urban Linguistic Landscape as a Marker of an Emerging Global City: The Case of Kazan, Russia // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2016. № 231. P. 216–222.
- Backhaus P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon: Multilingual Matters, 2007.

- Fedorova K., Baranova V. Moscow: diversity in disguise. In: P. Heinrich, D. Smakman (eds) // *Urban Sociolinguistics. The City as a Linguistic Process and Experience*. Routledge, 2018. P. 221–237.
- Landry R., Bourhis R.Y. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. Т. 16. № 1. С. 23–49.
- Nasritdinov E. 'Only by learning how to live together differently can we live together at all': readability and legibility of Central Asian migrants' presence in urban Russia // *Central Asian Survey*. 2016. Vol. 35. № 2. P. 257–275.
- Protassova E.Yu. Interculturality in the Modern Russian Linguistic Landscape // *Philological Class*. 2021. Vol. 26. № 2. P. 52–67. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-04.
- Solnyshkina M., Ismagilova A. Linguistic Landscape Westernization and Glocalization: the case of Kazan, Republic of Tatarstan // *Linguae Journal*. 2015. Vol. 8. Iss. 2. P. 36–53.
- Yurchak A. Privatize your name: symbolic work in a Post-Soviet linguistic market // *Journal of Sociolinguistics*. 2000. № 4 (3). P. 406–434.

Статья поступила: 26.07.22. Финальная версия: 02.12.22. Принята к публикации: 29.12.22.

LANGUAGE LANDSCAPE OF A RUSSIAN CITY: SOCIO-HUMANITARIAN APPROACHES TO ITS STUDY

G.F. GABDRAKHMANOVA

*Institute of History named after Sh. Mardjani,
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Russia*

Gulnara F. Gabdrakhmanova, Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Ethnology, Institute of History named after Sh. Mardjani, Kazan; Chief Research Officer, International Research Laboratory Linguistic Ecology of the Arctic of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk, Russia (medi54375@mail.ru).

Acknowledgements. This research was funded by the No. 075-15-2021-616 grant.

Abstract. Studies of the urban linguistic landscape have gained popularity in Western scholarship, and the author of the article seeks to show how this topic is faring in in Russian socio-humanitarian sciences. The history of the linguistic landscape studies in the socio-humanitarian sciences of Russia begins in the late 1990s. The scholars were interested in the presence of the ethnic communities languages that gave the name to the Russian republics in the visual space of cities. The dominance of the Russian language, an insignificant presence of national languages and the gradual penetration of foreign languages were revealed. The process of renaming streets and city objects in the second decade of the 2000's is analyzed. This is explained by the desire of the city authorities to shape an image of the city and local identity. During these years, the theme of "the right to the city" began to develop. This right follows from the commodification of language. In recent years, Russian scientists have considered the linguistic landscape a means of representing social groups and the multilingualism of the city. An important contribution of domestic science a quantitative method for collecting empirical data on the linguistic landscape and classifying linguistic signs located on city streets.

Keywords: language landscape, Russian city, social sciences and humanities, research, critical analysis.

REFERENCES

- Aristova N. (2016) English Translations in the Urban Linguistic Landscape as a Marker of an Emerging Global City: The Case of Kazan, Russia. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. No. 231: 216–222.
- Backhaus P. (2007) *Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Baranova V., Fedorova K. (2017) (In)visibility and (non)existence: labor migrants and the St. Petersburg linguistic landscape. *Gorodskiyе issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices]. Vol. 2. No. 1: 103–121. (In Russ.) DOI: 10.17323/usp212017103-121.
- Baranova V.V., Fedorova K.S. (2020b) Growing visibility: migration and transformations in Saint Petersburg's linguistic landscape. *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium. Russian Review of Social Research]. Vol. 2. No. 1: 48–80. (In Russ.) DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80.

- Baranova V.V., Fedorova K.S. (2020a) Regulation of the language landscape in Russian cities: multilingualism and inequality. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The journal of social policy research]. Vol. 18. No. 4: 625–640. (In Russ.) DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-625-640.
- Breslavsky A.S. (2012) *Post-Soviet Ulan-Ude: cultural space and images of the city (1991–2011)*. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University. (In Russ.)
- Bylyakhyrova L.V., Sobakina I.V. (2022) Mutual influences of the Yakut and Russian languages on the territory of the city of Vilyuisk of the Republic of Sakha (Yakutia). *Altaistika* [Altaistika]. No. 2 (05): 37–48. (In Russ.)
- Dolgova A.P. (2002) To the question of the state of ergonymy in the conditions of bilingualism (on the example of the city of Cheboksary). In: *Onomastics and languages of the Ural-Volga region: Proceedings of the regional conference*. Cheboksary, November 13–14, 1997. Cheboksary: ChGIGN: 29–37. (In Russ.)
- Dyrkheeva G.A. (2022) Buryat language in Ulan-Ude. In: *International Round table "Urbanization and language space of the city: new challenges in the XXI century"*. Moscow, September 19–20, 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XbhZk6ABjDg&list=PLMlxxldt8fIowwZDnisdSicU0DLT7A7Na> (accessed 11.25.22). (In Russ.)
- Fedorova K., Baranova V. (2018) Moscow: diversity in disguise. In: P. Heinrich, D. Smakman (eds). *Urban Sociolinguistics. The City as a Linguistic Process and Experience*. Routledge: 221–237.
- Fedorova L.L. (2014) Language landscape: the city and the crowd. [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. Vol. 13. No. 6: Journalism: 70–80. (In Russ.)
- Gabdrakhmanova G.F., Makhmutov Z.A., Sagdieva E.A. (2015) *State languages of the Republic of Tatarstan in the region's linguistic landscape*. Kazan: Publishing house of the Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Artefakt. (In Russ.)
- Gabdrakhmanova G.F., Sagdieva E.A., Makhmutov Z.A. (2016) Ethno-linguistic landscape of the cities of the Republic of Tatarstan. In: *State languages of the Republic of Tatarstan: multiplicity of measurements*. Kazan: Institute of History. Sh. Marjani AN RT: 121–164. (In Russ.)
- Golikova A.A. (2020) Methodology of linguistic and landscape studies in Russia: analytical and thematic review. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Tver State University. Series: Philosophy]. No. 4 (54): 149–166. (In Russ.)
- Golomidova M.V. (2020) Toponymic image of urban spatial objects. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics]. Vol. 17. No. 3: 263–278. (In Russ.)
- Golomidova M.V. (2019) Urbanonyms as a resource for managing the perception of urban space. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative Research]. Vol. 6. No. 1: 11–30. (In Russ.) DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(1).
- Golomidova M.V. (2022) Municipal Toponymic Policy and Issues of Urban Toponymy Development. In: *International Round Table "Urbanization and Language Space of the City: New Challenges in the 21st Century"*. Moscow, September 19–20, 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XbhZk6ABjDg&list=PLMlxxldt8fIowwZDnisdSicU0DLT7A7Na> (accessed 25.11.22). (In Russ.)
- Hèctor Alòs i Font (2019) Written use of languages in the social space of the cities of the Chuvash Republic. In: D.V. Egorov (eds). *Chavush halakh istoriiyepe kulturin sivech yytavesem: articlesen pukkhki = Topical issues of the history and culture of the Chuvash people: a collection of articles*. Vol. 4. Cheboksary: ChGIGN: 153–182. (In Russ.)
- Hèctor Alòs i Font, Makhmutov Z.A. (2016) Theoretical and methodological foundations of a quantitative study of the linguistic landscape of Russian cities (on the example of the cities of the Republic of Chuvashia and Tatarstan). In: O.G. Vladimirova, A.M. Ivanova (eds). *Ashmarin readings: collection of works of the X International Scientific and Practical Conference* (Cheboksary, October 20–21, 2016). Cheboksary: Chuvash University Press: 99–104. (In Russ.)
- Ismagilova G.Kh. (2011) *Linguistic features of visual and information attributes of the city in the framework of the implementation of the law on the languages of the Republic of Tatarstan*: Dis. cand. philol. sciences. Kazan. (In Russ.)
- Ismagilova N.V. (2007) *The language of the city of Ufa: the functioning of various language subsystems and bilingualism*. Ufa. (In Russ.)
- Ivanov V.V. (2021) The Buryat language in the linguistic landscape and language practices in Ulan-Ude. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. No. 1 (5): 147–163. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163.
- Ivanova N.I. (2017) *Sociolinguistic aspects of the functioning of the Yakut language in Yakutsk: figures and facts*. Monograph. P.A. Sleptsov (eds). Moscow. (In Russ.)
- Jingpeng L. (2021) Research of the linguistic landscape and its analysis in Russia and China. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities]. No. 7: 162–167. (In Russ.) DOI: 10.37882/2223-2982.2021.07.21.

- Kaplunova M.Ya. (2018) Functional development of the Chinese and Vietnamese languages in Moscow. *Acta Linguistica Petropolitana* [Acta Linguistica Petropolitana]. Vol. XIV, part 3. Saint-Petersburg: OR RAN: 153–162. (In Russ.)
- Khilkhanova E.V. (2022) The Language of Social Networks of Migrants from Central Asia in the Context of Russian Urban Multilingualism. In: *International Round Table "Urbanization and Language Space of the City: New Challenges in the 21st Century"*. Moscow, September 19–20, 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XbhZk6ABjDg&list=PLMlxxldt8flowvZDnisdSlcU0DLT7A7Na> (accessed 25.11.22). (In Russ.)
- Khuzangay A.P. (1999) The problem of the linguistic existence of the Chuvash ethnos and the prospects for language policy. In: *Problems of the national in the development of the Chuvash ethnos*. Cheboksary: ChGIGN, 1999: 88–106. (In Russ.)
- Landry R., Bourhis R.Y. (1997) Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study. *Journal of Language and Social Psychology*. Vol. 16. No. 1: 23–49.
- Lifen L., Juan Wu., Yaqian Zh. (2019) Comparison of the spatial configuration of the linguistic landscape of Chinese and Russian universities. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. No. 5 (77): 185–192. DOI: 10.26170/pl19-05-20. (In Russ.)
- Malkova V.K. (2022) *Ethno-cultural diversity of the capital of Russia or "Whoever you behave with, that's what you'll get"*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Manchurina L.E., Sotnikova Yu.V. (2021) Translation of texts of signboards as a realization of bilingualism in the Republic of Sakha (Yakutia) (on the example of the city of Yakutsk). *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Sociology, philology, cultural studies]. No. 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK121.pdf> (accessed 27.11.22). (In Russ.)
- Mikhailyukova N.V. (2017) Names of auto business enterprises in the language of the city of Vladivostok: genre aspect. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. No. 3: 51–58. (In Russ.)
- Mukharyamov N.M., Mukharyamova L.M. (2018) Language and Society. Encyclopedia. Moscow: OOO "Metatext", 2017. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research]. No. 12: 149–153. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250003180-1.
- Nasritdinov E. (2016) 'Only by learning how to live together differently can we live together at all': readability and legibility of Central Asian migrants' presence in urban Russia. *Central Asian Survey*. Vol. 35. No. 2: 257–275.
- Peshkova N.P. (2017) Linguistic landscape of a polyethnic city: Peculiarities of verbal influence. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. No. 3 (33): 108–125. (In Russ.)
- Protassova E.Yu. (2021) Interculturality in the Modern Russian Linguistic Landscape. *Philological Class*. Vol. 26. No. 2: 52–67. (In Russ.) DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-04.
- Razumov R.V. (2016) Typology of models of urbanonymic systems of the Russian Federation. *Vestnik Kostromskogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma University]. No. 4: 121–125. (In Russ.)
- Razumov R.V. (2022) Urbanonymic system of a polylingual city. In: *International Round table "Urbanization and linguistic space of the city: new challenges in the XXI century"*. Moscow, September 19–20, 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XbhZk6ABjDg&list=PLMlxxldt8flowvZDnisdSlcU0DLT7A7Na> (accessed 25.11.2022). (In Russ.)
- Rivlina A.A. (2014) Interaction of English and Russian languages in the linguistic landscape of a modern Russian city. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and humanitarian sciences in the Far East]. No. 2 (42): 110–115. (In Russ.)
- Rudenkin D.V. (2022) What the youth of a large Russian city knows and thinks about vandalism: the case of Yekaterinburg. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. No. 6: 47–62. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.6.34435. (In Russ.)
- Saduov R.T. (2020) Field study of the cultural and linguistic landscape in the national republic: description and justification of the project. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. No. 1: 23–29. (In Russ.) DOI: 10.17516/2311-3499-098.
- Sidorova L.A., Ferguson D., Vallikivi L. (2014) Linguistic landscape of the northern village as a product of cultural industries (for example, the village of Chersky of the Republic of Sakha (Yakutia)). In: M.L. Magidovich (eds). *Modern models of the development of cultural industries in the regions of Russia*. Saint-Petersburg: Russian State University. A.I. Herzen: 195–204. (In Russ.)
- Sinekopova G.V. (2015) Linguistic minorities in the linguistic landscape of Moscow. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta* [Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the modern world]. No. 2: 45–49. (In Russ.)
- Sokolova T.P. (2016) Commercial urbanonyms of Russia in the aspect of naming expertise. *Tsennosti i smysly* [Values and meanings]. Vol. 1. No. 6 (46): 79–86. (In Russ.)
- Sokolova T.P. (2022) Commodification of the toponymy of modern Moscow in the sociolinguistic aspect. In: *International Round Table "Urbanization and language space of the city: new challenges in the*

- XXI century". Moscow, September 19–20, 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XbhZk6ABjDg&list=PLMlxldt8flowwZDnisdSicU0DLT7A7Na> (accessed 25.11.22). (In Russ.)
- Solnyshkina M., Ismagilova A. (2015) Linguistic Landscape Westernization and Glocalization: the case of Kazan, Republic of Tatarstan. *Linguae Journal*. Vol. 8. Iss. 2: 36–53.
- Terentiev E.A. (2015) Toponymic activism and the "right to the city": sociological notes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. [Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political science]. No. 1 (29): 194–202. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/29/21.
- Tkhakakhov V.Kh. (2017) City Map: Symbolic Transformation of Space in the North Caucasus. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 17–25. (In Russ.)
- Trapeznikova A.A. (2009) To the question of the classification of ergonyms (based on the commercial names of Krasnoyarsk). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. No. 2 (14): 68–70. (In Russ.)
- Vysotsky S.S. (1984) About the Moscow folk dialect. In: *Urban vernacular. Problems of study*. Moscow: 22–37. (In Russ.)
- Yurchak A. (2000) Privatize your name: symbolic work in a Post-Soviet linguistic market. *Journal of Sociolinguistics*. No. 4 (3): 406–434.

Received: 26.07.22. Final version: 02.12.22. Accepted: 29.12.22.

© 2023 г.

А.В. КИСИЛЕНКО, И.С. ШАПОВАЛОВА

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ, ИЛИ КАКИМ МОЛОДЕЖЬ ВИДИТ СВОЕ БУДУЩЕЕ?

КИСИЛЕНКО Анастасия Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью (kisilenko@bsu.edu.ru); ШАПОВАЛОВА Инна Сергеевна – доктор социологических наук, доцент, зав. кафедрой социологии и организации работы с молодежью (sharovalova@bsu.edu.ru). Обе – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Аннотация. На основе результатов репрезентативного опроса молодежи Белгородской области рассматриваются проблемы выбора и реализации жизненных стратегий молодыми. В качестве исследуемых объектов перспективного жизненного сценария выступают политические, экономические, образовательные, карьерные, общественные, миграционные, коммуникативные, семейные, самосохранительные, духовно-нравственные и досуговые устремления молодежи, репрезентирующие ее ключевые жизненные цели и достижения. Делается вывод, что в процессе самостоятельного конструирования личных биографий молодежь проявляет гибридность поведенческих образцов, что отражается в декларировании противоречивых установок, размытии ценностных императивов при проектировании жизненного пути в пределах ближайшего или более отдаленного будущего. В поиске таких противоречий и заключается проблема исследования. Так, например, региональная молодежь всерьез обеспокоена проблемами коррупции, социальной несправедливости, но это мало влияет на повышение уровня ее гражданского участия. На вербальном уровне молодежь признает ключевую ценность здоровья как необходимого условия активной деятельной жизни, самореализации, рождения детей, тогда как на поведенческом уровне она зачастую игнорируется. Отмечая свою высокую коммуникабельность, молодежь, однако, стимулирует виртуализацию межличностных связей и отношений. Для достижения экономической обеспеченности молодые люди готовы инвестировать в знания и образование как наиболее выраженные детерминанты жизненного успеха. Демонстрируя адаптивность к экономической реальности, молодежь не исключает для себя миграционных сценариев. При наличии установки на экономическую самостоятельность молодежь Белгородской области вместе с тем видит в работе и сфере творчества, самоопределения и самореализации. Критическое переосмысление архетипических образцов семейной жизни приводит молодых к выбору малодетной семьи с дистанционной ответственностью перед родителями и смешанным ролевым репертуаром.

Ключевые слова: молодежь • жизненные цели • жизненные стратегии • выбор • Белгородская область

DOI: 10.31857/S013216250024385-6

При поддержке госзадания, проект «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства, 2023–2025».

Введение. Каким молодежь видит свое будущее? Что планируют предпринять молодые люди в рамках конструирования личных биографий – трудовых, семейных, карьерных и пр. Какими смыслами наполнен и чем обусловлен их выбор в пользу того или иного жизненного сценария? Масштаб и сложность исследовательского вопроса продиктованы высокой ценой неудачи и потерь, которые потенциально несут риски реализации молодежью определенных жизненных стратегий. Проектируя собственное будущее, актуализируя те или иные поведенческие образцы и модели, типы стратегий жизни, молодое поколение, призванное обновлять и транслировать общественный опыт, «программирует» и качество будущей социальной структуры, процессов и отношений в ней. Жизненные стратегии молодежи тем самым выступают в качестве своеобразного «радар», указывающего на противоречивые изменения, происходящие в сознании и поведении конкретного поколения. Понимание особенностей конструирования своей жизнедеятельности, определение доминантных смысловых установок являются необходимым условием для решения задач по обеспечению социального развития молодого поколения и реформирования российского общества в целом.

Проблематика жизненных стратегий российской молодежи не является новой. Вопросы их формирования и реализации поднимаются отечественными социологами регулярно [Зубок, 2003; Ковалева, Луков, 1999; Чупров, 1999]. Предметом изучения выступают сущность, структура, факторы, типология и механизмы возникновения жизненных стратегий.

В рамках проведенного исследования объектом изучения выступают ситуации жизненного выбора. Возможности выбора, безусловно, социально ограничены и интердетерминированы, но так или иначе выбор, который актуализируется в той или иной точке жизненного пути, является «результатом мотивированного ранжирования и предпочтения одной из возможностей решения проблемы» [Комлев, 2003: 7]. В рамках исследования авторы исходят из определения жизненной стратегии, данного Г.Е. Зборовским и его коллегами, как «главной линии поведения и жизнедеятельности социальной общности (в нашем случае молодежи), интегрирующей в себе ее жизненные планы и программы для достижения основных целей и преодоления характерных противоречий» [Зборовский (ред.), 2014: 41]. Интегрирующий характер «проявляется в формировании системы поведенческих стратегий, касающихся различных сфер жизнедеятельности» [Амбарова, 2015: 137]. К таким сферам мы относим образование, карьеру, политику, религию, сферу труда и занятости, досуга, здоровья, миграции, коммуникации, общественной жизни и семейно-брачных отношений, самопрогнозы молодежи в которых и выступают объектами перспективного жизненного сценария.

Исследуя риски в области социализационных стратегий молодежи, в 2018–2019 гг., Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета было проведено исследование социальных стратегий молодежи¹ методом опроса региональной молодежи. Произведены замеры в области 11 стратегий: экономические, образовательные, миграционные, трудовые, общественные, духовно-нравственные, досуговые, политические, самосохранительные, семейные, коммуникативные. Объектом исследования выступила молодежь Белгородской области ($N = 2500$), выборка квотная, распределенная по полу, возрасту и трем основным статусам: учащаяся, студенческая и работающая молодежь (возрастные границы выборки от 16 до 30 лет). Ошибка выборки 1,94%, при доверительной вероятности 95%. Основной целью научного проекта было изучение социализационных траекторий молодежи и возможности влияния на них региональных институтов. Инструментарий представляет собой результат авторской разработки (И.С. Шаповалова), апробирован в пилотажном исследовании (2018 г., 60 человек (молодежь), 6 человек (эксперты)).

¹ Проект РФФИ совместно с субъектами Российской Федерации № 18-411-310009 (рук. И.С. Шаповалова, 2018–2020).

Карта жизненного выбора. На основе проведенного исследования становится возможным построить карту жизненного выбора региональной молодежи по ключевым объектам перспективного жизненного сценария. Вопросы в инструментарии формулировались в виде предложения определить перспективные в будущем шаги или уже сделанный жизненный выбор и соотнести их с возрастным периодом (18–20, 21–25, 26–30, 31–35, 36–40, 41–45, 46–60, после 60 лет)² – такая формулировка позволила использовать ответы разных возрастных групп, определяя как будущие стратегические решения, так и их реализацию в действительности для разных молодежных когорт.

Экономические стратегии. Молодежь региона демонстрирует преимущественно профессиональные стратегии экономического поведения (61,1%), не материализуя ценность работы, а делая ставку на содержание труда, профессиональный рост, проявление инициативы и творчества.

Как часть жизненного проекта молодые люди определяют экономическую самостоятельность (таблица 1): отказ от помощи родителей до 25 лет планирует для себя как желательный вариант развития будущего большая часть региональной молодежи – 89,5%, при этом четверть опрошенных хотят стать экономически независимыми уже к 20 годам. К ним к 30 годам присоединятся 9,4% молодежи, и лишь незначительная часть молодых людей не планируют отрываться от «родительской руки» в принципе – 1,6%. Таким образом, можем предположить, что выход на рабочее место является для 55,5% сигналом к началу реализации собственной экономической жизненной стратегии (а для 24% с совершеннолетия). Исходя из данного жизненного выбора, мы можем определить ключевой социализационный результат молодежи региона – экономическая самостоятельность и стремление к ней.

В качестве индикаторов благосостояния и экономической самостоятельности были выбраны покупка машины и квартиры (атрибуты свободы проживания и передвижения). До 30 лет планируют обзавестись собственным автомобилем 72,8%, при этом больше половины планируют данную покупку уже до 25 лет. В своих планах молодежь фиксирует высокую предпринимательскую активность: указывают на отсутствие желания заниматься бизнесом в будущем 17,4%, почти 4% предполагают открыть свой бизнес к 20 годам, около 20% – к 25-летию, к 30 годам совокупно собираются заниматься собственным делом 48,4%.

Таблица 1

Экономические жизненные выборы молодежи Белгородской области, в %

Варианты	18–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	46–60	После 60 лет	Не планирую	Затрудняюсь ответить
Отказаться от помощи родителей	24,0	55,5	9,45	0,51	–	–	–	–	1,6	8,94
Покупка машины	10,0	34,2	28,6	8,5	0,9	–	–	–	7,6	10,2
Покупка квартиры	3,9	23,5	37,7	15,8	3,1	0,86	0,52	–	3,4	11,22
Открытие бизнеса	3,9	19,1	25,4	14,1	4,1	1,8	–	0,51	17,4	13,69
Помощь родителям	17,1	27,5	24,3	14,8	5,2	1,5	0,6	–	0,8	8,2
Выход на пенсию с отказом от работы	1,9	1,5	1,4	–	4,2	4,2	25,1	34,1	10,6	17,0

² Формулировка вопроса: «Планируете ли вы (или возможно уже реализовали) предпринять следующие шаги, и если да, то в каком возрасте?»

Таблица 2

Политические жизненные выборы молодежи Белгородской области, в %

Варианты	18–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	46–60	После 60 лет	Не планирую	Затрудняюсь ответить
Активно заняться политической деятельностью	5,0	7,1	5,9	4,2	2,1	1,6	0,9	3,0	40,4	29,8
Вступить в политическую партию	2,8	5,4	5,5	4,3	2,3	1,5	0,9	2,9	44,1	32,3
Участвовать в качестве депутата в выборах	2,1	3,3	5,6	4,6	3,7	2,0	1,1	2,3	45,3	30,0
Баллотироваться в мэры или губернаторы	2,0	2,4	3,1	4,6	4,4	2,5	1,4	2,4	47,2	30,0

Экономическая свобода молодежи тесно связана и с планируемой ими экономической ответственностью: к 30 годам 68,9% планируют помогать своим родителям материально, при этом такую возможность к 25 годам видят для себя 44,6% молодых людей, а к 35 годам – 83,7%. Понимание экономической ответственности за родителей, возможно, престижность такого действия – еще один социализационный результат, который демонстрирует молодежь Белгородской области.

Большая часть региональной молодежи планирует выйти на пенсию в установленный законом срок, только чуть более 10% открыто делают выбор в пользу трудовой деятельности после наступления пенсионного возраста. Можно сказать, что такое распределение существенно отличается от данных опросов по стране, где только 30% молодежи не поддерживают идею работы во время пенсионного периода³.

Рассматривая *политические стратегии* региональной молодежи, мы видим, что политической деятельностью в целом собирается заниматься порядка 28,9% в разные периоды своей жизни (таблица 2). Так, 12,1% включатся в такую деятельность уже до 25 лет, к 35 годам их количество планирует увеличиться до 22,2%.

Выбор возможного политического ориентира показал преимущество для молодых людей либеральной позиции с ее приматом свободы во всех проявлениях (36,4%). Второй по популярности стала социал-демократическая позиция (19,5%), базирующаяся на демократических ценностях, справедливости, свободе и солидарности. Менее привлекательна коммунистическая позиция (6,2%), основными принципами которой выступают социальное равенство и единство собственности. Чуть менее 5% не придерживаются никаких взглядов и убеждений (или не сформировали их, что, наряду с затруднившимися с таким выбором, составляет порядка 30%).

Таким образом, можно прогнозировать, что при эффективной рекрутинговой активности политических партий, выступающих за свободы человека и демократические принципы, они имеют реальную возможность существенно нарастить свой численный состав, вовлекая в институционализированную государством политическую деятельность практически четверть молодежи региона.

Общественные стратегии. Диагностика жизненных планов в сфере общественной активности показала, что уже к 18 годам 29% молодежи региона готовы включиться (и скорее всего уже занимаются) в волонтерскую деятельность (таблица 3). К 25 годам их количество увеличивается до 43%. Если сравнивать эту практику с всероссийскими данными, предоставляемыми ВЦИОМ в 2021 г. (ситуация пандемии), мы видим, что показатель

³ Работа на пенсии: за и против. ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10661> (дата обращения: 23.08.2021).

Таблица 3

Общественные жизненные выборы молодежи Белгородской области, в %

Варианты	18–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	46–60	После 60 лет	Не планирую	Затрудняюсь ответить
Заниматься волонтерской деятельностью	29,0	13,6	3,5	2,1	1,0	0,9	0,3	1,3	17,1	31,2
Основать или стать членом общественной организации	14,4	12,5	5,7	2,4	1,2	0,9	0,6	1,3	25,0	36,0

несколько ниже (данные нашего исследования – 48,2%, данные ВЦИОМ – 58%)⁴. Не планируют заниматься добровольчеством порядка 17%. К 25 годам четверть молодежи региона планируют основать или стать членом общественной организации, к 30 годам этот показатель может быть увеличен, но почти каждый четвертый не готов включиться в общественные инициативы, либо не осознает необходимость гражданской солидаризации, либо сталкивается с реальными препятствиями для ее осуществления.

Досуговые стратегии. В общем спектре жизненных планов немаловажную роль играет досуговый выбор молодежи. В силу занятости практически не имеют времени на досуг более 25% молодежи, 10,7% не имеют постоянного досуга, а 14,9% проводят досуг в одиночестве. Остальные в основном предпочитают активные его формы или досуг, связанный с коммуникацией в ближнем круге – семья, друзья.

В досуговых выборах региональной молодежи мы постарались установить перспективы приобщения ее к таким видам занятий, как спорт, искусство, саморазвитие и пр. Так, активно заняться спортом планируют (или уже занимаются) к 20 годам 47,1% молодежи Белгородской области, к 25 годам порядка 70% должно войти в ряды «спортивных активистов» (таблица 4). Практически такая же ситуация с творчеством: к 20 годам – это 37,8%, к 25 годам – 56,1% молодежи. К саморазвитию как первоочередной задаче к 25 годам планируют прийти 69,8%, культурно просвещаться к этому же возрасту – 59,9%. Более растянута во времени перспектива «географической» активности, к 25 годам иметь возможность получить информацию о мире «из первых рук» планируют 48,9%, к 30 годам

Таблица 4

Досуговые жизненные выборы молодежи Белгородской области, в %

Варианты	18–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	46–60	После 60 лет	Не планирую	Затрудняюсь ответить
Активно заниматься спортом	47,1	20,3	3,0	1,0	0,5	-	0,8	-	3,4	23,9
Активно заниматься творчеством	37,8	18,3	4,8	1,6	0,9	0,5	-	1,2	6,8	28,1
Активно заниматься саморазвитием	44,4	25,4	4,5	1,4	0,6	-	-	0,5	1,0	22,2
Активно посещать культурные мероприятия	38,3	21,6	6,4	3,0	1,4	-	-	1,0	2,6	25,7
Активно путешествовать	21,7	27,2	17,6	5,0	1,9	0,9	0,7	0,9	1,1	23,0

⁴ День молодежи. ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10811> (дата обращения: 25.08.2021).

Таблица 5

Семейные жизненные выборы молодежи Белгородской области, в %

Варианты	18–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	46–60	После 60 лет	Не планирую	Затрудняюсь ответить
Вступить в брак	5,8	42,6	24,0	2,5	–	–	–	0,7	2,6	21,8
Родить первого ребенка	2,0	31,3	33,7	4,8	0,7	–	–	0,7	4,0	22,8
Родить второго ребенка	1,2	6,0	33,1	18,2	1,8	–	–	0,8	10,9	28,0
Родить третьего ребенка	1,0	1,7	8,7	11,7	3,1	–	–	1,0	33,9	38,9
Родить четвертого ребенка	1,3	1,5	2,8	5,0	2,8	1,0	–	1,2	43,0	41,4
Обзавестись внуками	1,5	1,0	2,4	0,7	2,4	11,6	35,1	7,6	4,7	35,4
Жить вместе с престарелыми родителями	2,3	1,8	1,5	1,7	3,6	4,7	8,3	4,1	23,4	48,6

удовлетворить свое любопытство и преодолеть границы обыденного существования хотят уже 66,5%. Исходя из высказанных ориентиров, можно определить основной социализационный результат в досуговой сфере – молодежь имеет большой потенциал в области спорта и творчества, испытывает потребность в развитии и интерес к путешествиям.

Оценивая жизненные планы молодежи в рамках *семейных стратегий*, мы видим, что, несмотря на тренд «взросления» браков, который отмечают отечественные исследователи [Синельников, 2022; Захаров, 2015], в региональном молодежном сообществе придерживаются такой позиции чуть более 25% (собираются вступить в брак после 25 лет). В основной же массе каждый второй молодой житель области придерживается матримонильных стереотипов и не стремится отказываться от модели раннего брака.

Параллельно с заключением брака на студенческий возраст приходится появление первых детей в семье (33,3%), отсроченный вариант выбирают немного чаще – порядка 40%, но в любом случае до 35 лет планируют продолжить свой род 71,8%. Второй ребенок в целом запланирован у 60,3% опрошенных, основной пик по повторному деторождению приходится на период с 26 до 30 лет (таблица 5).

Жизнь совместно с родителями в период их старости становится на разных периодах возможной только для 28%. Мы уже говорили о социализационном результате в данной перспективе, остается вопрос – стоит надеется на помощь на расстоянии, которую нам показали экономические стратегии? В любом случае данная ситуация требует внимания как с позиции воспитания, так и с позиции рационального управления: необходимо задуматься о расширении жизненных служб, возможно развитии форм пансионного проживания пожилых людей.

Миграционные стратегии. В принципе готовы к смене места жительства по территории страны 50,2% молодых людей, при этом возможность такой миграции 34,5% видят для себя уже до 25 лет, к 30 годам эта группа разрастается до 46,8% (таблица 6). Уехать из России в восточную страну как жизненную перспективу рассматривают 18,5%, а на Запад ориентируются 28,2%. Таким образом, миграционный потенциал Белгородской области довольно высок.

Если даже у половины задуманные намерения осуществляются, область потеряет почти четверть собственного трудоспособного населения. Мы говорим о социализационном результате – высокая готовность к внутренней и внешней мобильности. На наш взгляд, жизненная программа «переселения» требует действенных управленческих мер

Таблица 6

Миграционные жизненные выборы молодежи Белгородской области, в %

Варианты	18-20	21-25	26-30	31-35	36-40	41-45	46-60	После 60 лет	Не планирую	Затрудняюсь ответить
Поменять место жительства в рамках территории РФ	10,9	23,6	12,3	2,3	0,8	0,3	–	–	12,4	37,4
Уехать из РФ в страны Востока	2,2	6,5	6,0	2,4	0,7	0,4	–	0,3	38,6	42,9
Уехать из РФ в страны Запада	2,7	8,2	10,0	4,6	1,5	0,6	–	0,6	28,0	43,8
Уехать из страны в страны ближнего зарубежья	2,6	5,9	5,8	2,8	1,2	0,6	0,6	0,5	35,1	45,5

по повышению эффективности использования человеческого потенциала, привлекательности малой родины, увеличению ее конкурентных преимуществ в глазах молодого населения.

Говоря о *карьерных стратегиях* в целом, основываясь на жизненных планах молодежи, можно сказать, что обучение по специальности планируют 69,8% респондентов (таблица 7). Должностью специалиста основная часть респондентов (56,2%) предполагает довольствоваться до 25 лет. Менеджерскую карьеру планируют строить 36,6%. Зато преподавать в своей профессиональной области в разные периоды жизни хотят 38,3%, при этом 27,3% думают заняться подобной деятельностью уже до 30 лет. Руководителем подразделения планируют стать 42,3%, наибольший процент по этому показателю получен в возрастной группе 26–30 лет. Перейти на более высокий уровень и стать руководителем организации намерены 44,6%, а вот возглавить корпорацию могли бы 39,5% – в обоих случаях наибольшее количество выборов приходится на диапазон 26–40 лет. Что можно сказать о социализационном результате в области карьерных устремлений молодежи – это карьерные амбиции. Желание вырваться из круга исполнителей и занять руководящую должность свидетельствует об осознании управленческого потенциала, хотя возможно и завышенного. Стремление некоторых молодых людей получить «все и сразу» может стать серьезным барьером на пути их карьерного развития.

Таблица 7

Карьерные жизненные выборы молодежи Белгородской области, в %

Варианты	18-20	21-25	26-30	31-35	36-40	41-45	46-60	После 60 лет	Не планирую	Затрудняюсь ответить
Обучение по специальности	53,5	14,1	1,7	0,5	–	–	–	–	0,7	30,0
Начинающий специалист	13,9	42,3	4,4	0,6	–	–	–	–	1,5	37,3
Специалист	5,4	31,2	19,7	3,3	–	–	–	–	1,8	38,6
Менеджер	3,6	15,6	11,2	5,0	0,7	–	–	0,5	12,8	50,6
Преподавание в своей профессиональной области	3,0	11,1	13,2	5,6	3,0	1,1	0,7	0,6	14,6	50,1
Руководитель структурного подразделения	2,5	6,8	15,0	10,8	4,5	2,1	–	0,6	8,2	49,5
Руководитель организации	2,5	5,6	11,4	12,4	7,7	2,9	1,5	0,6	7,3	48,1
Руководитель корпорации	2,5	4,0	7,0	8,7	9,0	4,4	2,6	1,3	10,1	50,4

Духовно-нравственные стратегии. В дополнение к индикаторам духовно-нравственных стратегий молодежи (таблица 4) мы определили также критерии религиозности и воцерковленности. По данным нашего исследования мы видим, что начать регулярно посещать церковь планируют к 20 годам 13,6%. Каждые пять лет по данной позиции будут включаться в стратегии 1–3%, таким образом, к 60 годам стать активными прихожанами планируют 25,3% опрошенных. Не планируют усваивать соответствующий образ жизни и мышления 22,2% молодых людей (таблица 8).

Более активны молодые люди в выборе праздничных посещений храмов – так к 25 годам такой выбор уже готовы сделать 24,6%. Активно участвовать в таинстве крещения, стать крестными молодые люди планируют преимущественно до 30 лет, и в это же время собираются ввести в религию уже и своего ребенка. Эти два выбора получили наименьшее количество принципиальных отрицаний (12,8 и 16,3%).

Рассматривая образовательные стратегии региональной молодежи, видим, что большая часть предполагающих получить второе образование (а таковых на данный момент 52,6%) приходится на возраст 20–25 лет. К сожалению, такой факт раннего переобучения свидетельствует о том, что многие сделали (или не исключают возможность ошибки) образовательно-профессиональный выбор, компенсировать который возможно, получив дополнительное образование в комплементарной, смежной или вообще иной области. Только 13,3% планируют это сделать, уже поработав в профессиональной сфере (таблица 9). Для данной категории освоение дополнительной квалификации или новой специализации является эффективным способом расширения «горизонта» карьеры и карьерного развития.

Обучаться на курсах дополнительного образования в разные периоды жизни предполагают 54% – большинство приходится на 20–25 лет. Возможно, тем самым молодые люди стремятся восполнить недостатки образования сузов и вузов. А вот повышать свою квалификацию (54,6%) молодые люди предполагают не только во время и сразу после обучения, но и в течение трудовой карьеры (26–30 лет, 22,8%). Эти данные несколько ниже, чем в целом по России, хотя, если суммировать выборы ответивших положительно по всем возможным вариантам расширения образовательного спектра, мы получаем цифру, даже большую, чем дают нам исследования ВЦИОМ за 2019 г. (78,4 против 73%)⁵.

Уже в студенческие годы молодежь активно занимается самообразованием, что вселяет надежду на приобретение системного навыка, который будет использован и в дальнейшем. Преподавательский потенциал дает возможность планировать открытие

Таблица 8

Духовные жизненные выборы (воцерковленность) молодежи Белгородской области, в %

Варианты	14–17	18–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	46–60	После 60лет	Не планирую	Затрудняюсь ответить
Посещать регулярно церковные службы	9,7	3,9	3,6	1,8	1,5	0,9	1,2	2,7	3,6	22,2	48,9
Посещать храмы по праздникам	11,3	7,7	5,6	2,5	1,8	1,1	0,9	2,0	2,1	19,2	45,8
Совершать церковные ритуалы и соблюдать обычаи	8,1	5,2	5,5	2,4	2,2	1,2	1,0	2,2	2,6	20,3	49,3
Стать крестным (крестной)	5,4	8,3	14,8	7,9	2,3	0,4	0,5	0,5	0,9	12,8	46,2
Ввести в религию своего ребенка	–	6,0	11,0	9,4	3,2	0,9	–	0,4	0,9	16,3	61,9

⁵ Запрос на образование. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zapros-na-obrazovanie-1> (дата обращения: 25.08.2021).

Таблица 9

Образовательные жизненные выборы молодежи Белгородской области, в %

Варианты	18–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	46–60	После 60 лет	Не планирую	Затрудняюсь ответить
Получить второе образование	5,6	30,1	13,3	2,5	0,6	–	–	0,5	6,3	41,1
Обучиться на курсах дополнительного образования	9,1	29,8	11,8	2,2	0,6	–	–	0,5	3,8	42,2
Повысить свою квалификацию по профессии	3,7	21,4	22,8	5,5	0,9	–	–	0,3	2,8	42,6
Заняться самообразованием	24,2	22,1	8,8	2,9	1,0	0,5	–	0,3	1,4	38,8
Открыть собственные обучающие курсы	2,7	7,7	10,0	6,5	3,5	1,0	0,5	0,8	17,0	50,3

собственных обучающих курсов более трети респондентов (32,7%). Исходя из образовательных планов, мы можем говорить о следующем социализационном результате – молодежь планирует активно инвестировать в знания и сферу образования, включаясь в образовательные программы преимущественно до 30 лет.

Самосохранительные стратегии. Рассматривая перспективы здоровьесбережения молодежи Белгородской области, стоит отметить, что в студенческие годы занимаются спортом порядка 35,1% молодых и в целом к «спортивной группе» на том или ином этапе планируют присоединиться еще 18,5% (таблица 10). Таким образом, к спортивному образу жизни будут приобщены на ранних этапах (до 25 лет) 48,8%, а всего к спорту планируют подключиться 53,6% населения.

Придерживаться здорового питания до 25 лет хотят 40,9% молодежи, при этом большая часть сделает (или уже сделала) это до 20 лет, всего следить за своим рационом

Таблица 10

Самосохранительные жизненные выборы молодежи Белгородской области, в %

Варианты	18–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	46–60	После 60 лет	Не планирую	Затрудняюсь ответить
Заняться спортом (если не занимаетесь)	35,1	13,7	2,8	1,2	0,4	–	–	0,4	2,4	44,0
Бросить курить (если курите)	11,5	6,2	1,8	0,9	0,5	–	–	0,4	6,9	71,8
Не употреблять алкоголь (если употребляете)	11,0	4,7	2,6	1,3	0,4	0,3	0,8	0,9	9,3	68,7
Придерживаться здорового питания	26,7	14,2	4,5	2,3	1,1	0,6	–	0,4	3,4	46,5
Посещать поликлинику и проходить диспансеризацию в целях профилактики заболеваний	21,9	14,3	5,5	2,7	1,8	0,9	1,5	0,9	3,5	47,0
Заниматься поддержанием своего здоровья для увеличения продолжительности жизни	24,8	13,9	5,5	3,2	1,5	1,2	1,0	0,7	2,5	45,7
Принять участие в сдаче нормативов ГТО	22,8	7,9	2,8	0,9	0,5	0,5	–	0,9	14,3	49,4

планирует 49,8%. Также до 25 лет считают необходимым проходить профилактическую диспансеризацию 36,2%, примерно столько же начнут уделять внимание своему здоровью. ГТО как комплекс физкультурно-спортивной работы может привлечь до 25 лет 1/3 молодежи. Основным мотивом сохранить и повысить уровень своего здоровья становится полноценная жизнь человека (63,9%), возможность самореализации (38,3%), продолжение собственного рода (33,0%) и желание быть включенным в жизнь собственных детей (31,9%).

В контексте самосохранительных стратегий немаловажное значение имеет установка на продолжительность жизни молодых людей. Так, пессимистичную траекторию «дотянуть» до 50 лет в качестве наилучшего варианта выбрали 6,1% молодежи, до 60 лет – 3,9%, до 70 лет – 7,3%. Наибольшее количество хотели бы пожить в периоде 80–89 лет, и чуть более 30% выходят за эту черту, при этом 17% хотят перешагнуть столетний рубеж.

Оценивая реальные возможности и перспективы, молодежь делает некоторой «отток» сторону меньшей продолжительности жизни. Так, в реальности отметить свое столетие собираются уже 11,8%, справлять восьмидесятилетний юбилей – 20,5%, а вот количество тех, кто не рассчитывает дожить до 70 лет, – 29,1%. С учетом тех 17,3%, кто изначально имеет невысокий запрос к продолжительности жизни и физическому долголетию, данный показатель вызывает серьезные опасения.

Коммуникативные стратегии. Анализ жизненных выборов молодежи в сфере общения позволяет описать так называемый «коммуникативный портрет» современного молодого человека: очень много общается (70,5%), преимущественно в социальных сетях (63,8%), легко устанавливает контакты с людьми (76%), но при этом скорее не имеет много настоящих друзей (59,3%), коммуницирует чаще с членами своей семьи (67,6%).

Свободные часы молодые с большой вероятностью потратят на сетевые коммуникации (59%), чем живое общение. Это неудивительно, если учитывать, что «переписки» (80%), наряду с образованием (84,5%), являются наиболее распространенными целями использования Интернета. Можно говорить о превалировании виртуального общения над реальным более чем у половины молодежи.

Зависимость от социальных сетей осознает треть молодежи. Планируют сократить время, проводимое в них, в пользу живого общения 25,7%, уже сделали это 6,8%. Проблема геймификации не является острой по самооценкам молодежи: 27,1% не видят такой проблемы у себя лично, практически 20% планируют или уже отказались от компьютерных игр, 13,4% остаются в этой зоне виртуальных коммуникаций и не планируют ее покидать. Использовать Интернет только для рабочих задач предполагают в ближайшем будущем 21,7% и столько же не собираются ограничивать себя. А вот интернет-предпринимательство вызывает отклик практически у каждого пятого (18,6%), что может быть перспективно для построения как экономических, так и карьерных, образовательных стратегий. Выбор интернет-бизнеса в качестве занятости или самозанятости может решить и острый вопрос с миграционной готовностью, обозначенный нами ранее.

Вместо заключения. В представленной карте жизненных планов и программ молодежи мы постарались отразить статистически значимый выбор по возрастным периодам относительно важных сфер жизнедеятельности. В рамках экономических стратегий видим основную активность в период 20–30 лет, одним из значимых отказов становится индивидуальная неготовность к предпринимательству (17,4%). Политические планы показывают незначительные всплески активности в 20–35-летнем возрасте и значительные результаты по отказу от любых вариантов политического участия в целом (от 40 до 47%). Пик общественной деятельности приходится на студенческие годы, при этом есть значимый отказ от самоорганизации в целом (17,1 и 25%). При выборе досуга наиболее активна 18–25-летняя молодежь. Жизненные планы в сфере брачно-семейных отношений распределяются поэтапно. В зоне значимого отказа расположились те, кто ориентируется на однодетную семью и предпочитает дистанционное проявление заботы о престарелых родителях. Миграционные планы приходятся на 20–30 лет, при этом превалирует внутренняя миграция. Карьерные стратегии среднего уровня расположены в пределах 25–30 лет, более высокие

запросы выходят за эти границы. Отказ от запросов на карьеру руководителя у каждого десятого. Духовно-нравственные выборы, связанные с формированием религиозного сознания и поведения, уже фактически реализованы молодежью или планируются до 25 лет. Отказ от воцерковленности демонстрируют 22,2%, следования религиозным традициям (20,3%) и обрядам (12,8%), приобщения к религии детей (16,3%). Основные образовательные планы планируются к реализации до 30 лет, при этом как с позиции реципиента, так и с позиции донора (лица, предоставляющего образовательные услуги). Активное само-сохранительное поведение демонстрирует в основном студенческая молодежь. Бросать курить не планируют 6,3%, употреблять алкоголь – 9,3%, равнодушны к системе физкультурно-спортивного воспитания 14,3%.

Была обнаружена тенденция к нивелированию «острых выборов» в возрастной динамике, – народная мудрость «жизнь все расставит на свои места» проявилась в ответах разных возрастных групп молодежи. Так, например, чайлдфри-выбор у молодежи до 20 лет практически полностью исчезает в возрастных группах молодых людей после 25 лет; желание помогать своим родителям до 25 лет у учащейся и студенческой молодежи переносится на более поздние сроки (после 30 лет) у работающих молодых людей, карьерные устремления с возрастом становятся менее амбициозными и т.д.

В целом, молодежь Белгородской области готова принимать ответственные решения по распоряжению своей жизнью, ставить «высокие» цели до 30 лет, рассчитывая на внутренние ресурсы и личностный потенциал, однако жизненное планирование демонстрирует ряд противоречивых черт, которые могут стать существенным препятствием для ее развития и важны для осмысления социализационных тенденций: экономическая самостоятельность и стремление к ней vs экономическая инфантильность; принятие экономической ответственности за родителей vs ориентация на дистанционное проявление заботы о них; запрос на либерализацию и демократизацию общества vs политическая индифферентность молодежи, неготовность к самоорганизации; повышенная ценность полноценной жизни, самореализации и рождения здоровых детей vs невысокий запрос к физическому долголетию, здоровьесберегающему поведению и устранению девиантных практик; высокая коммуникабельность vs виртуализация межличностных связей и отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амбарова П.А. Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения жизненных общностей: монография; М-во образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Ин-т гос. упр. и предпринимательства. Екатеринбург: УрФУ, 2015.
- Захаров С. Браки и разводы в современной России // Демоскоп Weekly. 2015. № 625–626. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema02.php> (дата обращения: 10.03.2020).
- Зубок Ю.А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 147–162.
- Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999.
- Комлев А.А. Психологические факторы значимого жизненного выбора: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Тамбов, 2003.
- Синельников А.Б. Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 36–48. DOI: 10.31857/S013216250020195-7.
- Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности: монография / Г.Е. Зборовский [и др.]; М-во образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Ин-т гос. упр. и предпринимательства. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014.
- Чупров В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 93–106.

Статья поступила: 10.02.21. Финальная версия: 23.08.22. Принята к публикации: 29.12.22.

DESIGNING THE COURSE OF LIFE OR HOW DO YOUTH SEE THEIR FUTURE?

A.V. KISILENKO*, I.S. SHAPOVALOVA*

**Belgorod National Research University, Russia*

Anastasiya V. KISILENKO, Cand. Sci. (Soc.), Associate Prof. (kisilenko@bsu.edu.ru); Inna S. SHAPOVALOVA, Dr. Sci. (Soc.), Associate Prof., Head of the Department (shapovalova@bsu.edu.ru). Both – Department of sociology and organization of work with youth, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Acknowledgements. State task, the Project “Life Strategies of Youth in the Conditions of the Geopolitical Transformation of the Russian Space (2023–2025)”.

Abstract. The article is based on a representative public opinion survey of citizens aged 14 to 39 years to probe into problems of choosing and realizing life strategies of regional youth. The whole range of young people aspirations, representing their key life goals and achievements are considered as the objects of the prospective life scenario. It is concluded that in the process of self-construction of personal biographies, young people show hybridity of behavioral patterns reflected in declaring contradictory attitudes, blurring of value imperatives when designing a life path for the nearest/distant future. The problem of study lies in contradictions arising the life strategies of young people in the region. For example, regional youth are seriously concerned about the corruption and social injustice issues, but this has little effect on increasing the level of their civic participation, despite the fact that the minds of young people are affected by quite modern models of liberal democracy with its primacy of the value of freedom. At the verbal level, young people recognize the key value of health, perceiving it as a necessary condition for active life, self-realization, and the birth of children, while at the behavioral level it is often ignored; the paradox of such declarations is reinforced by a more than low demand for life expectancy and physical longevity. With their high sociability young people, however, encourage virtualization of interpersonal connections and relationships. Faced with “difficulties of ordinary people” (earnings, housing costs, etc.) and more than modest material reality, as part of a life project, young people naturally choose economic security, for which they are even willing to invest in knowledge and education as most pronounced determinants of life success. Demonstrating exceptional flexibility in adapting to the economic reality, young people do not exclude migration scenarios, as very conditional, but yet an attempt to eliminate the threat of unemployment, career barriers, and low income. Facing clear goals for economic independence, regional youth at the same time sees in work not only a source of well-being, but also a sphere of professional growth and creativity, the demand for which is due to desire for self-determination and self-realization. Critical reinterpretation of archetypal patterns of family life leads young people to choose a small family with remote responsibility to parents and a mixed role repertoire.

Keywords: youth, Belgorod region, life goals, life strategies, life choice.

REFERENCES

- Ambarova P.A. (2015) *Management of time in a mirror of temporal behavior strategies of social communities: scientific monograph*. Ekaterinburg: Ural Federal University. (In Russ.)
- Chuprov V.I. (1998) Youth in social reproduction. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 3: 93–106. (In Russ.)
- Komlev A.A. (2003) *Psychological factors of significant life choice*. Abstract of Ph.D. dissertation. Tambov. (In Russ.)
- Kovaleva A.I. and Lukov V.A. (1999) *Sociology of Youth. Theoretical questions*. Moscow: Socium. (In Russ.)
- Sinel'nikov A.B. (2022) Separation of Generations in Families as a Factor for Reducing Birth Rate. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 5: 36–48. (In Russ.)
- Zaharov S. (2015) Marriage and divorce in Russia. *Demoscope Weekly*. No. 625–626. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema02.php> (accessed 11.03.2020). (In Russ.)
- Zborovskiy G.E. et al. (2014) *Behavior strategies management of city communities: problems and opportunities: scientific monograph*. Ekaterinburg: Ural Federal University. (In Russ.)
- Zubok Yu.A. (2003) Risk in the social development of young people. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge]. No. 1: 147–162. (In Russ.)

Received: 10.02.21. Final version: 23.08.22. Accepted: 29.12.22.

Я.Ю. ШАШКОВА, С.Ю. АСЕЕВ

МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

ШАШКОВА Ярослава Юрьевна – доктор политических наук, профессор (yashashkova@mail.ru);
АСЕЕВ Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент (suass@mail.ru). Оба – кафедра
философии и политологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Аннотация. В статье исследована взаимосвязь миграционных настроений учащейся молодежи и ее политической идентификации и самопозиционирования в политической сфере. На основе результатов массового опроса школьников 9–11 классов и студентов 1–2 курсов вузов регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, фокус-групповых дискуссий и экспертного опроса выявлено доминирование миграционных установок в молодежной среде, особенно в регионах Дальнего Востока, их детерминированность социально-экономическими факторами. По типу миграционных настроений школьники и студенты разделены на четыре группы: не имеющие установок на миграцию, ориентированные на возвратную и невозвратную межрегиональную миграцию и желающие, но не имеющие возможности мигрировать. Анализ политических ценностей, интересов и установок представителей каждой группы позволил сделать вывод о более высоком уровне текущей и потенциальной вовлеченности молодых людей, ориентированных на невозвратную миграцию и желающих мигрировать, но не имеющих такой возможности, в онлайн-политику и публичную активность, в том числе протестного характера. Молодежь, не имеющая миграционных установок или предполагающая временную миграцию, демонстрирует более высокий уровень институционального доверия и большую вовлеченность в общественную жизнь локальных сообществ.

Ключевые слова: молодежь • учащаяся молодежь • миграция • политические ценности • политические установки • Сибирь • Дальний Восток

DOI: 10.31857/S013216250019429-4

Постановка проблемы и эмпирическая база исследования. Главными признаками современного общества выступают турбулентность и нестабильность. Формируется новое восприятие пространства и его границ, в котором «быть... более легким, более подвижным – это признак совершенства и прогресса. ... Привязанность к определенному месту не столь важна, поскольку это место может быть достигнуто и оставлено по собственной прихоти в короткое время или в мгновение ока» [Бауман, 2008: 20]. Человек digital эпохи «воспринимает мир как экран, меню идентичностей, набор картинок, выбор которых обратим и не имеет катастрофических последствий» [Одинцов и др., 2020: 352]. Особенно это характерно для современной учащейся молодежи, которая с рождения находится в этих условиях.

В большинстве старшие школьники и студенты, не обладая устойчивым социально-профессиональным статусом, не имея обязанностей в брачно-семейных отношениях, чаще других ориентированы на миграцию в образовательных или трудовых целях как приоритетную «жизненную установку, определяющую готовность молодого человека добиваться своей цели определенным способом» [Зубок, Чупров, 2020: 29]. Широкое распространение миграционных установок и размывание территориальной идентичности среди учащейся молодежи могут приводить к изменению ее самопозиционирования в общественном и политическом пространстве, влиять на уровень политической активности молодежи «здесь и сейчас». Ограничения периода пандемии и усиление конфликтности во

внешнеполитической сфере снижают доступность внешней миграции, но не снимают актуальности межрегионального транзита в сознании российских студентов и школьников.

При изучении феномена молодежной миграции основной акцент в литературе делается на ее социально-экономические причины и преобладающие тренды [Кашницкий и др., 2016; Крупа, 2019; Вяльшина, Дакирова, 2020]. Имеющиеся исследования подтверждают, что рост миграции молодого, образованного и экономически активного населения из слаборазвитых и периферийных регионов создает в них «драматическую» ситуацию» [Бюраева, 2020: 53], а реализуемые государством меры не приносят желаемых результатов. Вместе с тем в работах политологов, посвященных политическому сознанию и поведению российской молодежи [Попова, Лагутин, 2019; Петухов, 2020], данные проблемы не анализируются во взаимосвязи с миграционными установками молодежной среды. В связи с этим представляется актуальным исследование проективных миграционных настроений российской учащейся молодежи и их взаимосвязи с политическими ценностями и политической активностью данной социальной группы.

В основу статьи положены результаты трех исследований, проведенных коллективом кафедры политологии АлтГУ (рук. – Я.Ю. Шашкова) в регионах Сибирского (СФО) и Дальневосточного (ДФО) федеральных округов: 1) массового опроса молодежи (сентябрь – октябрь 2020 г.). Было опрошено 1987 учащихся 9–11 классов школ и 1–2 курсов вузов в Республиках Алтай, Тыва, Бурятия и Саха (Якутия), Алтайском, Красноярском, Забайкальском, Камчатском и Приморском краях, Иркутской, Кемеровской и Новосибирской областях. Выборка несвязанная квотная с контролем класса и региона проживания, метод – анкетирование; 2) 14 фокус-групповых дискуссий со школьной и студенческой молодежью (октябрь – ноябрь 2021 г., более 100 участников). В выборку вошли Алтайский, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Омская область, Республики Тыва, Бурятия и Алтай; 3) серии экспертных интервью с руководителями и специалистами региональных управлений по образованию и молодежной политике, избирательных комиссий, представителями профессионального политологического сообщества (более 20 экспертов, декабрь 2021 г.).

Установки молодежи СФО и ДФО на внутреннюю (межрегиональную) миграцию.

Для молодежной среды характерно наличие двух волн миграции: образовательной волны среди выпускников школ и образовательно-трудоустройственной волны выпускников вузов и ссузов. По своим последствиям они могут относиться к возвратному и невозвратному типу.

Анализ миграционных установок молодежи Сибири и Дальнего Востока показал ее размежевание на несколько групп. Первую составили респонденты, не намеренные уезжать из своего региона, условно называемые далее «оседлыми». Группу «возвращенцев» образует молодежь, планирующая лишь временно покинуть свое место проживания. Она больше всего представлена в национальных регионах (около 30%), где итоги образовательной миграции дают «возвращенцам» значительный потенциал для дальнейшего карьерного роста. Среди учащейся молодежи с установками на внутреннюю миграцию происходит еще одно размежевание по критерию наличия необходимых для этого ресурсов: группу «намеренных» мигрировать составляют те, кто «хочет уехать и собирается это сделать», в то время как к «желающим» относятся находящиеся в «ловушке бедности» – они «хотят уехать, но не имеют такой возможности».

Сравнение показателей по федеральным округам выявило, что в ДФО миграционные установки распространены среди молодежи гораздо шире, чем в СФО, – только 14,2% хотят остаться в своих регионах (в СФО – 21%), 31,9% хотят уехать из них навсегда (в СФО – 24,8%). И примерно равные доли тех, кто считают наиболее приемлемым для себя вариант временной миграции (в ДФО – 23%; в СФО – 21,4%), либо хотят уехать, но не имеют такой возможности (14,2% в ДФО и 13,6% в СФО).

Закономерно, что в наибольшей степени на невозвратную миграцию ориентированы учащиеся 11-х классов (36,6% в СФО и 45,3% в ДФО). Как показали фокус-группы, в основе этой установки лежит стремление школьников к поступлению в престижные, по их мнению,

вузы, обучение в которых они рассматривают как возможность адаптации и последующего трудоустройства в более развитых регионах. При этом на Дальнем Востоке около трети учащихся уже в 9–10 классах имеют сформированную установку на невозвратную внутреннюю миграцию. Среди студентов же тенденция обратная: если среди первокурсников «невозвратные» составляют 24%, то среди второкурсников их меньше (13%).

Так как в выборку исследования были включены студенты вузов только 1–2 курсов, то установки на миграцию у них проявляются не так отчетливо, по сравнению с выпускниками вузов. Студенты начальных курсов в регионах Сибири и Дальнего Востока – это в основном те, кто не захотел или не смог получать образование за пределами своего региона, или, наоборот, уже прошел первый этап миграции. Соответственно, около четверти студентов 1–2 курсов в СФО заявили об отсутствии у них миграционных настроений. На отъезд с последующим возвращением чаще других настроены учащиеся 10 класса. О своем несогласии желая и возможности покинуть регионы проживания чаще заявляли учащиеся 9 классов и студенты вузов, в то время как среди 10–11-классников это беспокоит лишь по 8% опрошенных в ДФО, в СФО 14,3 и 9,9% соответственно.

С позиции региональной дифференциации можно констатировать, что почти во всех регионах Сибири и Дальнего Востока, за исключением экономически развитых Красноярского края и Новосибирской области, установку на невозвратную миграцию имеют от 26 до 41% молодежи.

Как показали результаты фокус-группового исследования 2021 г., в условиях депрессивности большинства исследуемых регионов установки учащейся молодежи на внутреннюю миграцию имеют преимущественно социально-экономическую детерминанту и отражают ее стремление к самореализации и более комфортной среде проживания. В качестве основных мотивов отъезда из региона респонденты отмечали свое намерение получить образование в престижных вузах, найти работу с достойной/высокой зарплатой. Жители малых городов и сельских территорий не верят в перспективы их развития и наличие в них возможностей по достижению желаемого уровня жизни. Из дополнительных факторов студенты (как в СФО, так и в ДФО) указывали свою готовность уехать в регионы с более благоприятным/мягким климатом. Остаются в своих регионах те респонденты, кто видит в них наличие перспектив комфортной жизни (по уровню доходов, развитию социально-экономической ситуации, состоянию экологии). Значительная часть «оседлой» молодежи решающим мотивом отказа от миграции указывает «семейные обстоятельства», их же называли и те участники фокус-групп, которые планируют или допускают свое возвращение после учебы и дальнейшей работы. Отдельные девушки отмечали у себя наличие страха перед неизвестностью последствий переезда.

Схожую мотивацию миграционных настроений в молодежной среде, их социально-экономические детерминанты отмечали все участники экспертного опроса 2021 г.: *«Зачастую не называя причин, молодёжь просто стремится "свалить". Это, видимо, "эффект потока" ("все побежали, и я побежал")»* (Омская область); *«Большинство мечтает покинуть регион в поисках лучшей жизни: качественного образования, работы, условий для рекреации, спорта и развлечений, более мягкого климата и чистого воздуха»* (Забайкальский край); *«Желание уехать из района, республики, происходит из-за того, что нет работы, низкая заработная плата, нет жилья и из-за нехватки денег невозможно взять кредит»* (Республика Алтай); *«Высокие миграционные настроения преобладают у учащейся молодежи, так как мы наблюдаем стремление поступить в вузы центральной части России, отучиться и остаться работать в крупных городах»* (Хабаровский край); *«Большинство молодёжи Тувы желает учиться в крупных городах России или за границей, и если условия позволяют, хотят остаться там жить. Причины: малое количество рабочих мест с хорошей зарплатой (от 35 тыс. руб.)»*; *«Поиск себя, отсутствие ощущения перспектив личного роста и развития в регионе»* (Алтайский край). При этом большинство экспертов отмечает отток из регионов СФО и ДФО наиболее перспективной и социально активной молодежи: *«...Как правило, это люди креативные, ищущие, активные, те, которые принесли бы большую пользу своему региону и стране»*

(Республика Алтай). По их мнению, период ковидных ограничений не оказал существенного влияния на миграционные установки студентов и школьников.

Отмеченные размежевания миграционных настроений коррелируют с различием политических ценностей и установок соответствующих групп молодежи.

Текущая включенность в политическую сферу. Учитывая, что большинство респондентов не обладает всей полнотой политических прав, индикаторами включенности в политическую сферу в данном исследовании выступали не только традиционные формы политического участия, но и степень заинтересованности молодых людей политическими процессами.

Опытом непосредственного политического участия, как показал опрос, обладают 45% респондентов. При этом учащаяся молодежь предпочитает участвовать в политике через форматы онлайн-активности (обсуждение политических тем и событий в социальных сетях, репосты политической информации, подписание петиций и обращения в органы государственной власти, материальная поддержка политиков и их проектов) или эпизодически (участие в выборах, обращения в общественные организации). И лишь незначительная часть респондентов проявляла политическую офлайн активность, в том числе на системной основе, – участвовали в работе общественных организаций и политических партий, выходили на политические акции (табл. 1).

Участие в выборах, как и в работе общественных организаций и политических партий, более характерно для нежелающих уезжать из своего региона и «возвращенцев». Обсуждение в социальных сетях и репосты политической информации, участие

Таблица 1

Показатели включенности в политическую сферу учащейся молодежи СФО и ДФО
(в % по столбцам)

Показатель	Тип миграционных установок*				
	1	2	3	4	всего
<i>Участие в политических действиях в последние 2–3 года**</i>					
Обращение в органы государственной власти	9,5	5,5	8,8	5,8	7,2
Обращение в общественные организации	7,4	4,6	6,2	5,5	5,6
Участие в митингах, демонстрациях	3,7	3,0	7,3	4,7	5,0
Участие в выборах	20,0	16,1	13,9	16,1	16,0
Участие в работе политических партий	6,3	3,7	2,1	1,5	3,5
Участие в работе общественных организаций	11,8	12,4	9,0	8,8	10,4
Участие в несанкционированных акциях протеста	1,6	1,4	3,2	2,9	2,5
Материально поддерживал политиков, их проекты	3,9	1,8	3,2	1,8	2,8
Обсуждение в социальных сетях, репосты политической информации	18,2	20,7	29,9	29,2	23,5
Ни в каких	54,5	54,1	52,4	52,2	55,2
<i>Интерес к информации о политических событиях</i>					
В мире в целом, в других странах	56,4	62,2	65,0	58,8	60,2
В России	70,8	74,2	69,2	63,5	69,1
В своем регионе	69,0	69,1	55,0	52,9	61,3
В месте своего проживания	73,4	70,1	58,8	58,4	64,1

Примечание. *Типы миграционных установок: 1 – «Оседлые», 2 – «Возвращенцы», 3 – «Намеренные», 4 – «Желающие»; **При ответе респонденты могли указать несколько действий.

Таблица 2

Источники информации о политических событиях в зависимости от миграционных установок
(в % по столбцам)

Источники информации**	Тип миграционных установок*				
	1	2	3	3	всего
Центральное телевидение	54,7	48,4	37,0	40,5	45,1
Региональное / местное телевидение	32,1	29,7	22,7	25,5	27,4
Центральные газеты	5,3	4,1	2,8	2,2	3,3
Региональные и местные газеты	5,3	3,5	1,7	2,5	3,1
Радио	14,5	12,9	8,3	7,7	10,8
Партийная литература, агитационные материалы	3,9	3,7	3,0	2,2	3,2
Научная литература	8,9	7,4	9,4	5,8	8,2
Друзья, знакомые	68,9	64,5	64,1	67,2	65,3
Родственники	61,8	62,9	53,0	55,8	58,0
Социальные сети, мессенджеры	85,0	87,8	88,9	85,4	86,6
Информационные интернет-ресурсы	75,5	76,3	79,3	77,0	76,5
Не пользуюсь ни одним источником	1,3	0,5	1,5	1,8	1,3

Примечание. *Типы миграционных установок: 1 – «Оседлые», 2 – «Возвращенцы», 3 – «Намеренные», 4 – «Желающие»; **При ответе респонденты могли указать несколько источников.

в массовых и несанкционированных акциях отличает «намеренных» и «желающих» навсегда покинуть свой регион. Обращения в органы власти чаще других подписывали нежелающие уезжать и нацеленные на невозвратную миграцию (табл. 1).

За политическими событиями в своем регионе и месте проживания вполне логично в основном следит молодежь из групп «оседлых» или «возвращенцев». Политическая обстановка в других странах важна для «намеренных» мигрировать. При этом интересно, что на информацию о ситуации в России обращают внимание около 70% представителей всех выделяемых авторами групп молодежи, кроме «желающих» уехать, которые меньше интересуются политическими процессами всех уровней (табл. 1).

Информацию о политических событиях молодые люди в основном получают ежедневно (это указали 24,8%) или несколько раз в неделю (36,6%). Один раз в неделю или несколько раз в месяц ее видят треть опрошенных (30,2%). Часто к политической информации обращаются «намеренные» уехать из региона (28,2% из них делает это ежедневно, 35,9% – несколько раз в неделю) и «возвращенцы» (24,2 и 41% соответственно). Более интенсивный мониторинг общего информационного потока связан у них с поиском приоритетного направления миграции, что отмечали респонденты и в фокус-групповых дискуссиях.

Основным источником информации о политике для всех рассматриваемых категорий молодежи выступают социальные сети и мессенджеры и информационные интернет-ресурсы, но особенно они значимы для «намеренных» мигрировать. На этом фоне более консервативны «оседлые» и «возвращенцы», значимая часть которых использует в качестве источников политинформации традиционные каналы – центральное и местное телевидение, радио и общение с родственниками. Научную литературу по проблемам политики читает каждый десятый из нацеленных на невозвратную миграцию (табл. 2).

Ценности и установки на политическое участие. Для всех категорий учащейся молодежи Сибири и Дальнего Востока выделяются четыре ценности, имеющие одинаково высокую значимость, – справедливость, понимаемая как равенство возможностей независимо от места жительства, преодоление «диспропорций в развитии

Таблица 3

Значимость общественно-политических ценностей для групп с различными миграционными установками (в % по столбцам)

Ценности	Тип миграционных установок*				
	1	2	3	4	всего
Справедливость	90,5	90,8	91,0	90,5	90,5
Свобода	89,2	89,2	92,2	92,3	90,1
Права человека	89,7	90,8	89,1	89,5	88,7
Порядок	87,4	87,1	82,0	80,3	84,2
Сохранение традиций	58,5	51,4	38,2	37,2	46,5
Реформы в обществе	50,5	49,5	54,2	48,2	50,2
Интересы отдельных граждан	45,3	48,1	45,1	48,0	45,0
Интересы вашей этнической группы	45,7	48,4	43,2	39,8	43,9
Интересы государства	42,7	45,1	37,2	33,6	39,5

Примечание. *Типы миграционных установок: 1 – «Оседлые», 2 – «Возвращенцы», 3 – «Намеренные», 4 – «Желающие»; **При ответе респонденты могли указать несколько действий.

регионов», воспринимаемых молодежью «как противоречие между Москвой и провинцией» [Горшков, Шереги, 2020: 212], свобода, права человека и порядок как обеспечение реализации прав человека. Кроме того, для «намеренных» мигрировать значимой ценностью выступают реформы в обществе. Среди «возвращенцев» чаще других востребованы обеспечение интересов отдельных граждан, этнических групп и государства, а также порядок, который очень важен и для «оседлых» (табл. 3).

Исходя из сложившейся у молодежи иерархии ценностей, наибольшим доверием во всех группах пользуется волонтерское движение, которое, по мнению респондентов, функционирует на принципах добровольности участия, практической пользы для людей и бескорыстности. Далее следуют ФСБ и армия, их поддерживают около 40% опрошенных, в первую очередь «оседлые» и «возвращенцы». Рейтинг президента РФ и полиции оказался сопоставим с рейтингом общественных организаций – им высказали доверие треть учащейся молодежи Сибири и Дальнего Востока. Однако если уровень доверия общественным организациям примерно одинаков во всех исследуемых категориях молодежи, то у президента и полиции он во многом определяется стремлением к порядку «оседлых» и «возвращенцев». Наименьшим доверием у молодых людей традиционно пользуются институты представительства (табл. 4).

Как показал анализ, самый высокий общий уровень институционального доверия демонстрируют «оседлые» респонденты, в то время как «намеренные» и «желающие» мигрировать отказываются в поддержке почти всем политическим институтам, что создает нисходящий тренд доверия, особенно заметный по отношению к федеральным структурам.

Выделенные размежевания во многом связаны с оценкой молодыми людьми российской политической реальности. Если среди «оседлых» и «возвращенцев» 30,8 и 27,6% указали, что современная российская политическая реальность полностью или в основном отвечает их ожиданиям, то среди «намеренных» и «желающих» мигрировать таковых оказалось только 17,8 и 13,9%.

Подавляющее большинство молодежи Сибири и Дальнего Востока, независимо от их установок на внутреннюю миграцию, не исключают участие в политических процессах с целью защиты своих интересов, однако допускаемые формы активности имеют специфику для каждой из групп. К онлайн-активности и участию в массовых акциях, в том числе

Таблица 4

Доверие общественно-политическим институтам (в % по столбцам)

Институты	Тип миграционных установок *				
	1	2	3	4	всего
Волонтерское движение	57,9	55,7	53,4	54,8	54,4
ФСБ	47,9	44,2	36,3	29,5	39,5
Армия	43,9	41,5	33,4	28,9	36,9
Президент России	40,0	36,0	24,8	23,2	30,6
Полиция	37,6	33,2	27,5	20,1	29,9
Общественные организации	39,0	30,7	27,6	31,0	31,1
Правительство РФ	36,8	31,4	20,5	18,6	26,3
Совет Федерации	32,9	27,0	18,5	18,6	23,4
Губернатор	32,1	24,9	16,5	15,3	21,9
Премьер-министр	30,0	25,6	17,6	14,5	21,9
Государственная дума	32,1	24,9	16,5	15,3	21,9
МСУ	30,5	20,9	18,8	15,0	21,2
Законодательное собрание региона	30,0	19,6	17,3	16,0	20,7
Политические партии	25,8	17,3	17,7	14,6	18,0

Примечание. Здесь и в табл. 5: *Типы миграционных установок: 1 – «Оседлые», 2 – «Возвращенцы», 3 – «Намеренные», 4 – «Желающие».

Таблица 5

Уровень готовности к политическим действиям для защиты своих интересов в случае их нарушения (в % по столбцам)

Действия**	Тип миграционных установок *				
	1	2	3	4	всего
Обращение в органы государственной власти	52,9	59,0	59,4	52,6	55,7
Обсуждение в социальных сетях, репосты политической информации	28,4	35,5	45,5	43,1	36,6
Обращение в общественные организации	35,3	37,8	36,5	36,5	35,7
Участие в выборах	28,7	32,0	34,6	32,1	30,7
Участие в митингах, демонстрациях	22,9	24,0	38,0	37,6	29,0
Участие в работе общественных организаций	17,6	18,9	15,8	17,2	16,7
Участие в несанкционированных акциях протеста	12,4	9,0	17,3	16,4	13,1
Участие в работе политических партий	10,8	11,3	10,0	6,9	9,8
Материальная поддержка политиков, их проектов	6,3	6,2	7,1	5,8	6,2
Затрудняюсь ответить	18,4	15,7	15,4	17,5	18,6

несанкционированных, чаще склонны «намеренные» и «желающие» мигрировать, в то время как «оседлые» и «возвращенцы» больше ориентированы на институционализированные формы участия – работу в общественных организациях и политических партиях. Лоялистские настроения «оседлых» обуславливают снижение их интереса к обсуждению проблем общества и участию в выборах (табл. 5).

Заключение. Анализ политических ценностей и установок учащейся молодежи Сибири и Дальнего Востока в разрезе ее миграционных настроений показал размежевание молодежной среды по исследуемым параметрам.

Находящиеся в явном меньшинстве не намеренные менять свое место жительства представляют относительно консервативный сегмент молодежи. Вместе с конъюнктурно ориентированными «возвращенцами» они заинтересованы интегрироваться в региональные процессы, поддерживают ценность порядка, а потому демонстрируют лояльность существующей общественно-политической системе, уже имеют опыт конвенционального участия и активнее включены в локальные сети социального взаимодействия и межличностной коммуникации. Их проективная политическая активность находится на самом низком уровне. Территориально данные группы многочисленнее в аграрных регионах Сибири и национальных республиках.

Самые высокие показатели политической информированности и проективного политического участия, в том числе в неконвенциональных формах, в сочетании с поддержкой либеральных ценностей имеют молодые люди с установкой на невозвратную межрегиональную миграцию. Их активность в онлайн-среде не только дает им возможность коммуникации с единомышленниками в месте проживания, но и позволяет заранее формировать связи в социальной и политической среде желаемого региона миграции.

Как потенциальный источник политического риска следует рассматривать группу молодежи, желающей покинуть свои регионы, но не имеющей такой возможности. Они негативнее всех оценивают свою текущую жизненную ситуацию (ее ухудшение отметило 23,4% респондентов в данной категории, только 21,9% полностью или скорее удовлетворены своей жизнью) и не видят перспектив ее улучшения (28,1% посчитали, что она не изменится, а 20,8% – что она ухудшится). Невозможность уехать из своего региона формирует в их среде высокую протестность, а низкий уровень политической информированности делает ее подверженной манипулятивному воздействию.

В целом же можно констатировать, что у подавляющего большинства школьников и студентов исследуемых регионов присутствует стремление к внутренней миграции, обусловленное социально-экономическими факторами. Поэтому без создания в Сибири и на Дальнем Востоке комфортной среды и условий самореализации для молодых людей невозможно изменить существующие негативные миграционные тренды, политические установки молодежи и ее отношение к современной российской политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. *Текучая современность*. СПб.: Питер, 2008.
- Бюраева Ю.Г. Молодежная миграция в Республике Бурятия: направленность потоков и причины // *Социологические исследования*. 2020. № 10. С. 52–62. DOI: 10.31857/S013216250010001-4.
- Вяльшина А.А., Дакирова С.Т. Социологический анализ миграционных настроений выпускников сельских школ // *Регионология*. 2020. Т. 28. № 1. С. 159–183. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.159-183.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 13–41. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1602.
- Кашницкий И.С., Лешуков О.В., Мкртчян Н.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // *Вопросы образования*. 2016. № 3. С. 169–203. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203.
- Одинцов А.В., Шипицын А.И., Марченко А.Ю. Центростремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 335–354. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.788.
- Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621.

Попова О.В., Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619.

Статья поступила: 10.02.21. Финальная версия: 04.04.22. Принята к публикации: 18.01.23.

MIGRATORY EMOTIONS AND POLITICAL ATTITUDES OF SIBERIAN AND FAR EASTERN STUDENTS: CORRELATIONAL PROBLEM

SHASHKOVA Y.Y.*, ASEEV S.Y.*

*Altai State University, Russia

Yaroslava Y. SHASHKOVA, Dr. Sci. (Pol.), Prof. (yashashkova@mail.ru); Sergey Y. ASSEV, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (suass@mail.ru). Both – Department of Philosophy and Political Science, Altai State University, Barnaul, Russia.

Abstract. The article discusses the link between migratory emotions of students and their political identification and self-positioning in political sphere. The authors analyzed the level and structure of students' interest for politics, their assessment of Russian politics and level of trust in socio-political institutions, actual experience of political participation and attitudes to acceptable political practices. Based on the polls of school students from grades 9 through 11, first and second-year university students of Siberian Federal District and Far Eastern Federal District, focus group discussions and expert surveys, prevalence of migratory emotions has been traced among young people, particularly in the Far East districts, these sentiments being determined by social and economic factors. School and university students have been split into four groups according to their migratory emotions: not aiming at migration, aiming at return or non-return inter-regional migration, and aiming at migration but having no such possibility. An analysis of political values, interests and attitudes of each group representatives has revealed a higher level of current and potential political involvement among those aiming at non-return migration, and aiming at migration but having no such possibility, their engagement in on-line politics and public activities, including protests. Young people who do not aim at migration or aim at return migration demonstrate stronger institutional confidence and deeper involvement in local community life.

Keywords: youth, school and university students, migration, political values, political aims, Siberia, the Far East.

REFERENCES

- Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Byuraeva Yu.G. (2020) Youth Migration in the Republic of Buryatia: Trends and Causes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 52–62. DOI: 10.31857/S013216250010001-4. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2020) *The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research*. Moscow: FNISTS RAN. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020. (In Russ.)
- Kashnitskiy I., Leshukov O., Mkrtchyan N. (2016) Interregional Migration of Youths in Russia: A Comprehensive Analysis of Demographic Statistics. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow]. Iss. 3: 169–203. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203. (In Russ.)
- Odintsov A., Shipitsin A., Marchenko A.Y. (2020) Centripetal Migration of Young People from the Russian Province: Causes and Trends (Example of Volgograd Region). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 335–354. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.788. (In Russ.)
- Petukhov V.V. (2020) Russian Youth and Its Role in Society Transformation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621. (In Russ.)
- Popova O.V., Lagutin O.V. (2019) Political Views of the Youth: Loyalty or Protest? *Vestnik RUDN. Ser.: Politologija* [RUDN Journal of Political Science]. No. 21 (4): 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619. (In Russ.)
- Vyalshina A.A., Dakirova S.T. (2020) Sociological Analysis of Migration Attitudes of Rural School Graduates. *Regionologija* [Regionology = Russian Journal of Regional Studies]. No 28(1): 159–183. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.159-183. (In Russ.)
- Zubok J.A., Chuprov V.I. (2020) Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3. P. 13–41. DOI:10.14515/monitoring.2020.3.1602. (In Russ.)

Received: 10.02.21. Final version: 04.04.22. Accepted: 18.01.23.

Социальная политика. Социальная структура

© 2023 г.

К.М. МАНУИЛЬСКАЯ, О.Б. СОЛОДОВНИКОВА, Е.Е. МАЛЬКОВА

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИЯН: ПРЕДПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ КАК ФАКТОР РИСКА

МАНУИЛЬСКАЯ Ксения Максимовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник (manuilskaya@ranepa.ru); СОЛОДОВНИКОВА Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник (olgaogonek@gmail.com); МАЛЬКОВА Евгения Евгеньевна – младший научный сотрудник (malkova-ee@ranepa.ru). Все – Центр полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия.

Аннотация. Рассматриваются особенности субъективного благополучия россиян в предпенсионном возрасте. Результаты общероссийского телефонного опроса, проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2021 г., позволяют назвать людей предпенсионного возраста самой уязвимой категорией граждан, хотя традиционно в рамках управленческой вертикали они воспринимались как бесппроблемная группа, с устойчивым запросом на стабильность, предсказуемым поведением и сформированными установками. На вопрос «Как в целом вы оцениваете свою сегодняшнюю жизнь – как хорошую, скорее хорошую, скорее плохую или плохую?» лица предпенсионного и раннего пенсионного возраста чаще других респондентов склонны отвечать «плохая» или «скорее плохая» (42% опрошенных при 28% в среднем по выборке). В статье предпринята попытка выявить причины этого феномена, обозначить основные факторы, влияющие на субъективное благополучие в «третьем возрасте». Авторы приходят к выводу, что трансформация социального статуса, прежде всего прекращение трудовой деятельности, изменения в составе семьи (уход детей из родительского дома), сокращение семейных сетей поддержки, ухудшение физического самочувствия – основные предпосылки к изменениям в ощущении субъективного благополучия. Как следствие, происходит ухудшение эмоционального состояния и ожиданий от будущего, формируется общий тревожный фон, который может привести к социальной эксклюзии.

Ключевые слова: субъективное благополучие • третий возраст • пенсионная реформа • удовлетворенность жизнью • стареющие взрослые • уязвимый возраст

DOI: 10.31857/S013216250020850-8

Основные подходы к изучению субъективного благополучия. Субъективное благополучие – комплексное понятие, которое характеризует удовлетворенность человека собственной жизнью. Его значимыми составляющими признаны положение на рынке труда, экономические ожидания, состояние здоровья, эмоциональный фон и пр.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Всемирная организация здравоохранения рассматривает уровень субъективного благополучия после 55 лет как один из ключевых показателей «здорового старения»¹. Он рассчитывается или посредством ответов на оценочный вопрос об отношении к собственной жизни, или по различным ее аспектам путем замера негативных и позитивных эмоций, состояний, которые переживает человек в течение определенного периода (радость, гнев, одиночество, боль и т.д.) [Kahneman, Deaton, 2010].

За последние годы проведено множество исследований, посвященных субъективному благополучию «стареющих взрослых» (от англ. *aging adults* – наименование представителей «третьего возраста», апеллирующее к их самоощущению), в которых выделяется две модели взаимозависимости субъективного благополучия и возраста [Blanchflower, Oswald, 2008; Carstensen, Turan et al., 2011]. Согласно первой, субъективное благополучие выше в молодых и наиболее старых возрастах и образует на графике U-образную кривую с «провалом» в районе 40–50 лет, согласно второй, уровень субъективного благополучия остается относительно стабильным и снижается после 70–80 лет. Межстрановое сопоставление данных, полученных в более чем 150 странах, показывает, что первая модель распространена в экономически благополучных государствах, а вторая – в менее развитых и процветающих [Stephoe, Deaton et al., 2015].

Сведение всех возможных зависимостей между возрастом и субъективным благополучием к двум моделям неоднократно критиковалось [Frijters, Beaton, 2012], это говорит о том, что оценить «вклад» того или иного фактора (включая возраст) в представления человека о качестве собственной жизни непросто. Наряду с возрастом, среди факторов, влияющих на снижение субъективного благополучия в старшем возрасте, выделяют ряд важнейших: занятость и ее прекращение; доход; уровень образования; семейный статус и состав семьи; состояние здоровья, а именно физическая активность и ее ограничения; депрессия и одиночество [Moreno-Agostino, de la Torre-Luque et al., 2021].

Дискуссионным вопросом остается их взаимозависимость и возможность отдельных составляющих благополучия выполнять роль медиаторов, смягчая негативный эффект от потери других факторов. Например, хорошо известно, что физическая активность с увеличением возраста встречает все больше ограничений, однако в отдельных случаях социологические опросы фиксируют больший уровень субъективного благополучия как раз у представителей «четвертого возраста». Исследование французских геронтологов [Bussière, Sirven, 2021] отчасти подтвердило гипотезу о специальных «механизмах адаптации» к ухудшению состояния здоровья и появлению боли у «старших пожилых» (до 80 лет). Отдельно подчеркивается, что «вклад» фактора здоровья в субъективное благополучие граждан после 50 лет изменяется нелинейно. Какие «механизмы адаптации», или «медиаторы», включаются в каждом конкретном возрасте, еще предстоит изучить. Схожие тенденции показывают и наши исследования.

Не менее сложны корреляции между уровнем субъективного благополучия и социальным статусом (связанным с занятостью и составом семьи). Основываясь на опросе 7272 респондентов старше 50 лет в Финляндии, Польше и Испании (европейский проект COURAGE 2011–2012 гг.), команда доктора Морено-Агостино выяснила, что «здоровье и субъективный социальный статус неизменно опосредовали взаимосвязь между социально-экономическим статусом и удовлетворенностью жизнью» опрошенных [Moreno-Agostino, de la Fuente, Leonardi et al., 2021]. Исследователи отметили, что социально-экономический статус, вероятно, имеет решающее значение. Политика, направленная на его повышение, может нести с собой многочисленные выгоды, среди которых улучшение субъективного состояния здоровья, социального статуса и общей

¹ World report on ageing and health. Geneva: World Health Organization. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789240694811_eng.pdf (дата обращения: 12.12.2022); Global strategy and action plan on ageing and health. Geneva: World Health Organization. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241513500> (дата обращения: 12.12.2022).

удовлетворенности жизнью «стареющих взрослых». Немецкие геронтологи А. Хайек и Х.-Х. Кениг, проанализировав данные Немецкого исследования старения (англ. German Ageing Survey) для 8534 респондентов старше 40 лет, отметили важнейшую роль «падения в бедность» при оценке самооущения лиц «третьего возраста» [Hajek, König, 2021]. Именно это «сползание в нищету» (резкое сокращение дохода вследствие физических ограничений или потери работы) актуализирует проблему эксклюзии, изоляции и депривации людей старше 40 и конкретно 56–65 лет.

Схожие факторы сказываются на благополучии «стареющих взрослых» и за пределами Европы. Китайские социологи полагают, что представители «третьего возраста» сталкиваются с комплексом социально-экономических проблем: с одной стороны, общая нестабильность на рынке труда, экономические спады и кризисы, с другой стороны, размывание традиционных семейных форм поддержки [Bai, 2019]. В 2017 г. 1/3 «стареющих взрослых» Гонконга находились за чертой бедности. Социологи пытались проанализировать уязвимые места их «жизненного мира», пользуясь аудиовизуальной методикой Photovoice: нескольким десяткам участников проекта предпенсионного возраста в Гонконге было поручено фотографировать и записывать все внешние импульсы, вызывающие обеспокоенность относительно их будущего и финансового положения. Итогом проекта стала рекомендация авторов перейти от «ориентированной на нужды» социальной защиты пожилых к подходу, «ориентированному на права» граждан – чувствовать защищенность и востребованность в любом возрасте.

Изучение «вклада» отдельных составляющих благополучия в самооущение лиц старшего возраста – бурно развивающееся геронто-социологическое направление, но подтвержденных гипотез о том, что является «доминантой» субъективного благополучия в «третьем возрасте», пока недостает для выработки обобщающей теории.

Большую роль может играть именно внутрискановая специфика, поэтому в рамках данного исследования мы стремились учитывать российский контекст. Одним из наиболее значимых факторов и событий нашей страны, определяющих формирование внутреннего ощущения субъективного благополучия и фон общественных настроений, является реформа, повлекшая за собой повышение пенсионного возраста². Это делает когорту граждан 56–65 лет предметом пристального изучения. С одной стороны, на россиян такого возраста влияют объективные тенденции отечественной экономики и рынка труда, с другой стороны, надо учесть, что они уже знакомы с субъективными вызовами, связанными с проявлениями эйджизма.

Объективные тенденции, усиливающие социальную незащищенность и трудовую дискриминацию работников предпенсионного возраста в России, обсуждались еще накануне утверждения пенсионной реформы 2018 г. Кадровое агентство Kelly Services, опросив в 2018 г. более 300 компаний, выяснило, что 69% работодателей приходилось отказывать тому или иному соискателю старше 50 лет исключительно по причине его возраста (основные опасения связаны с возможной «низкой обучаемостью» кандидата и сложностями при работе в молодом коллективе)³. Исследователи из Института демографии НИУ ВШЭ заметили тревожную закономерность: вопреки распространенному на Западе сценарию постепенного роста зарплаты по мере взросления работника и выхода на плато в старших возрастах, в России заработная плата растет у персонала до 40 лет, а потом стремится к уменьшению [Гимпельсон, Капелюшников, 2020]. Это – еще один фактор риска и напряженности для готовящихся к выходу на пенсию. Индекс активного долголетия, который рассчитывает Институт социальной политики НИУ ВШЭ, демонстрирует, что

² Закон о совершенствовании пенсионного законодательства принят Государственной думой в 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43614> (дата обращения: 12.12.2022).

³ Готовы ли работодатели нанимать сотрудников старше 50 лет? URL: <http://www.hrmedia.ru/node/1633> (дата обращения: 12.12.2022).

с 2010 по 2017 г.⁴ наибольшему падению в составе Индекса подвергся показатель занятости в старших возрастах (55+), сократившись на 15% [Varlamova, Sinyavskaya, 2021]. Именно этот параметр имеет существенную положительную связь со всеми другими формами активности в старших возрастах, играя важнейшую роль в российском контексте. Влияние пенсионной реформы на общественные настроения как три года назад, так и сегодня остается чрезвычайно высоким: летом 2018 г. 97% населения знали о повышении пенсионного порога и 80% оценивали его негативно⁵, весной 2021 г. предложение «отменить пенсионную реформу и вернуть пенсионный возраст» остается самым актуальным советом президенту⁶.

Что касается личностно-эмоциональных вызовов, они также формируют негативный жизненный фон «стареющих взрослых». Результаты фокус-групп в трех городах с респондентами 50+ и 70+, проведенных АНО «Социальная валидация» совместно с «Партией пенсионеров» в 2019 г., свидетельствуют о наличии «тенденции отрицания» своего возраста в речи участников [Мануильская, 2020]. В сознании самих 50–55-летних типичный представитель старшего поколения – это несчастливый, невостребованный, необеспеченный и неактивный человек. Многочисленные зарубежные и российские исследования доказывают крайне отрицательное влияние эйджистских стереотипов на качество жизни, самовосприятие, здоровье, производительность труда и т.д. стареющих граждан [Weber, Angerer et al., 2019; Колпина, Бояринова, 2020].

Программы «Активного долголетия», принятые в России, призваны смягчить вышеперечисленные эффекты, способствуя инклюзии представителей «третьего возраста» в жизнь общества, однако на сегодняшний день их успехи ограничены. Сам концепт «активного долголетия» апеллирует в первую очередь к сохранению статуса «молодого человека» в старшем возрасте, к поддержанию себя «таким, каким ты был», и в меньшей мере – к планированию собственного будущего, принятию старости и «медиации» перехода к «четвертому возрасту». Последние десять лет в англоязычном научном дискурсе активно обсуждается феномен «управляемой старости» и разнообразные программы заблаговременного планирования ухода (англ. Advance Care Planning), в которых каждый из периодов жизни – будь то «третий» или «четвертый» возраст – позволяют подготовиться психологически, финансово и технически к тому, что следует за ними [Grant, Back, 2021]. Не исключено, что именно концепт «управляемой старости» и связанная с ним социальная политика могут стать ключом к меньшему воздействию стрессовых факторов на жизнь российских 56–65-летних, испытывающих все сложности, связанные с состоянием «перехода» из одной социальной группы (трудоспособного, активного населения) в другую (пенсионеров и менее мобильных граждан).

Опрос, проведенный Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в январе 2021 г., выявил нестандартную картину для России: наиболее молодые и пожилые когорты при оценке собственной жизни демонстрируют большую удовлетворенность и более высокий уровень субъективного благополучия, «провал» наблюдается не в области «среднего возраста», а у 56–65-летних. Действительно ли первопричиной и импульсом к этому стало повышение пенсионного возраста? Мы постараемся выделить и другие значимые факторы, определяющие контекст формирования ощущения субъективного (не)благополучия в современной России.

Методология исследования. В основу статьи легли результаты общероссийского телефонного опроса, проведенного Центром полевых исследований ИНСАП РАНХиГС в 2021 г. в рамках государственного задания НИР «Потребности людей старшего возраста

⁴ Изменение методики расчета Индекса не позволяет проводить сравнения с последующими годами.

⁵ Повышение пенсионного возраста: реакция граждан. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14057> (дата обращения: 12.12.2022).

⁶ Отмена крепостного права: 160 лет спустя. ВЦИОМ. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otmena-krepostnogo-prava-160-let-spustja> (дата обращения: 12.12.2022).

в социальных домах нового типа: восприятия, оценки, ожидания». Один из блоков анкеты был направлен на изучение субъективного благополучия, N = 2444.

На этапе формирования гипотез было решено опираться на три базовые составляющие субъективного благополучия. 1. Представления респондентов о своей жизни и проективный взгляд в будущее – это ядро концепта социального благополучия, на основании которого рассматривается проявление других изучаемых признаков и характеристик. 2. Эмоциональное состояние, эксклюзия и чувство одиночества. 3. Субъективная оценка физического состояния.

Кроме того, в анкету был включен ряд вопросов, позволяющих оценить влияние социально-экономических или социально-демографических факторов на субъективное благополучие респондентов. 1. Социально-демографические признаки: пол, возраст, место жительства, уровень образования, профессиональный статус респондента. 2. Структура семьи: проживание в одиночестве или с кем-либо. 3. Материальное положение – необходимость материальной поддержки государства.

Целевой аудиторией исследования были граждане РФ старше 18 лет. В качестве основы случайной систематической выборки использовался полный список мобильных телефонных номеров, задействованных на территории России по информации с официального сайта Росвязи по состоянию на 1 января 2021 г. В выборку попали респонденты из 81 региона РФ, около 520 городов и поселков городского типа и из около 350 сел и деревень. Половозрастная структура респондентов соответствовала данным Росстата. Опрос проводился с 20 по 22 января 2021 г. Полные интервью составили 58% от всех отмеченных согласий, на долю прерванных приходится 32% от согласий.

Качество жизни и проективный взгляд в будущее. Импульсом для написания статьи стали распределения, полученные при ответе на вопросы об отношении респондентов к своей жизни сейчас и взгляде в будущее. Именно они стали поводом для выдвижения тезиса о том, что «стареющие взрослые», т.е. 56–65-летние, относятся к наиболее социально неблагополучной группе, представителям «самого уязвимого возраста» в России. Подтверждением этому стал «скачок» в частоте негативных состояний респондентов, который происходит также в 56–65 лет (рис. 1).

Большинство традиционных социально-демографических характеристик (пол, место проживания, уровень образования) не являются определяющими при оценке уровня субъективного благополучия. Возраст опрошенных составил исключение: сегментирование выборки по этой переменной позволило выявить наиболее значимые различия. В когорте 56–65-летних наибольшая доля опрошенных назвали свою жизнь «плохой» или «скорее плохой». Проективный вопрос о будущем также продемонстрировал низкий уровень субъективного благополучия «стареющих взрослых».

Почти четверть представителей «третьего возраста» ожидает негативные изменения в будущем, доля тех, кто надеется на лучшее, в этой возрастной когорте падает практически вдвое по сравнению с группой 36–55-летних. С учетом вышеперечисленного любопытна корреляция представлений о будущем с профессиональным статусом респондентов: чаще всего об ожидаемых улучшениях говорят те, кто проходит обучение, а также женщины в декрете – по 51%, т.е. люди, непосредственно не включенные в трудовые отношения. Работники, активно присутствующие на рынке труда, тем более приближающиеся к пенсионному порогу, чаще испытывают негативные эмоции относительно своего будущего. Этот факт, по-видимому, сигнализирует об определенном напряжении на рынке труда, которое может сказываться на самочувствии «стареющих взрослых» в России. Гендерные отличия хоть и не так заметны, однако присутствуют: среди женщин несколько выше доля тех, кто, прогнозируя собственное будущее, выбрал нейтральную позицию – «ничего не изменится», а среди мужчин – тех, кто считает, что их жизнь ухудшится. Еще один показательный факт – отсутствие значимых различий в прогнозах своего будущего между жителями городов и сельской местности.

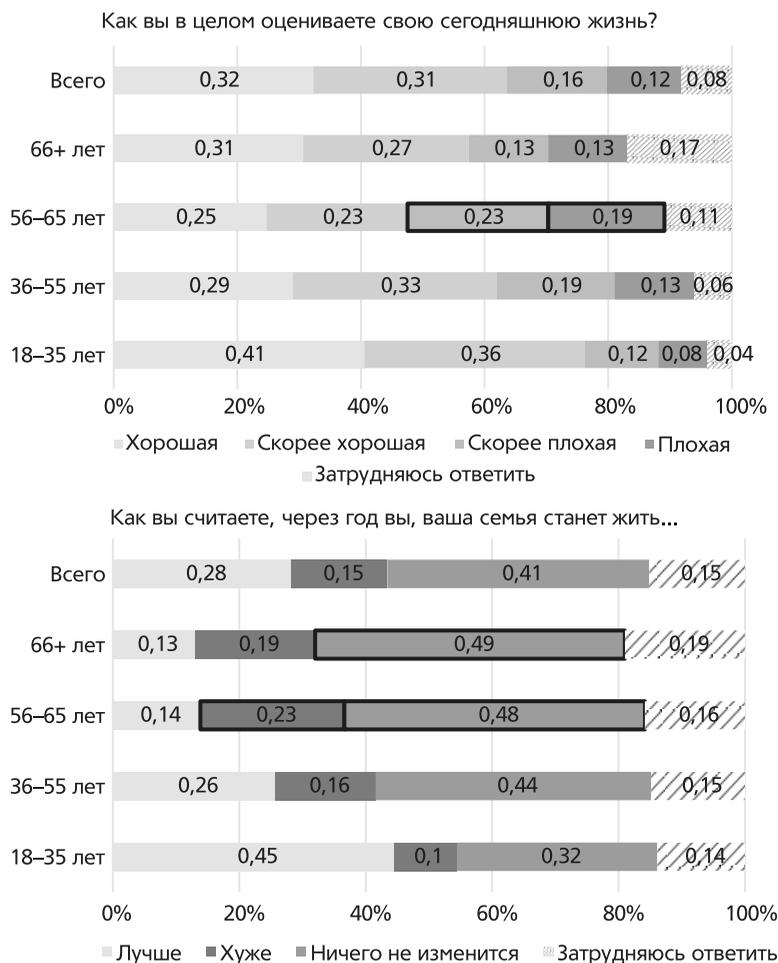

Рис. 1. Представления о жизни

Гипотеза о напряжении в связи со профессиональным статусом/занятостью в жизни «стареющих взрослых» отчасти подтверждается фактом стремительной потери работы по достижении респондентами 56-летнего рубежа. Если в возрасте 36–55 лет работают 75% опрошенных, то среди 56–65-летних их доля сокращается более чем в два раза – до 32%. Среди опрошенных старше 66 лет лишь 8% отметили, что продолжают трудовую деятельность. Также в старших возрастных группах вдвое снижается количество ищущих работу. Несмотря на продолжающуюся реформу, связанную с повышением пенсионного порога, граница в 56 лет остается решающей в жизни большинства респондентов.

Эти перемены отражаются на материальном достатке представителей «третьего возраста». Уровень доходов большинства из них снижается и становится более однородным – 40% в возрасте 56–65 лет имеют доход от 20 до 40 тыс. руб., среди тех, кто старше 65 лет, таковых более 50%. Для более молодых возрастов характерна большая дифференциация доходов. Материальная составляющая вносит значимый вклад в формирование восприятия качества жизни. 40%, причисляющих себя к нуждающимся в помощи категориям, оценивают свою жизнь как плохую или скорее плохую. Таким образом,

прекращение трудовой деятельности не маркировано в первую очередь «сползанием в бедность», имеет более сложное воздействие на субъективное благополучие и характеризуется изменением в восприятии и отношении к жизни в связи с происходящими или грядущими изменениями в социальном статусе.

Эмоциональное состояние: эксклюзия и чувство одиночества. В общественном сознании глубоко укоренился стереотип «одинокой старости», причем эпитет «одинокая» выступает синонимом «несчастливая», а старение, начинающееся в «третьем возрасте», воспринимается как переход к этому этапу неблагополучия. Заметим, что ряд недавних исследований опровергает утверждение об одиночестве как о спутнике старости, доказывая, что в списке многообразных социально-психологических вызовов для пожилых оно оказывается на последнем месте [Heid, Cartwright, 2021].

На вопрос о чувстве одиночества всего 4% опрошенных во всех возрастных когортах ответили, что испытывают его «всегда», и 6% – «часто», в то же время 62% – никогда (по выборке в целом), 27% редко с ним сталкиваются. Определенный «скачок» в признании своего одиночества наблюдается по достижении 56 лет: с 8% у предшествующей возрастной когорты до 12% у «стареющих взрослых», однако его нельзя назвать статистически значимым. Вместе с тем этот «скачок» в субъективном одиночестве имеет отражение и в объективно более одинокой жизни представителей «третьего возраста». С 56 лет почти вдвое возрастает число людей, которые «живут одни» или вдвоем, значительно сокращается число проживающих втроем. Скорее всего, такие изменения состава семьи обусловлены взрослением детей и уходом их из родительского дома. Можно предположить, что именно этот факт оказывает влияние на ощущение субъективного благополучия. Среди 56–65-летних, проживающих в одиночестве, 23% признаются, что испытывают чувство одиночества, тогда как среди имеющих другой формат проживания об этом заявляют только 9%. Таким образом, значимым фактором, формирующим чувство субъективного благополучия, выступает изменение состава семьи.

Сопутствующим фактором, влияющим на меру социальной эксклюзии, может быть истощение «сетей поддержки», отчасти наблюдаемое в «третьем возрасте». Так, 56–65-летние значительно реже других возрастных когорт располагают помощью родственников в ведении своего домохозяйства, 47% сообщают, что им не помогает никто, в целом по выборке таковых 22%. Скорее всего, это также обусловлено уходом детей из родительской семьи, их сепарацией. Именно «семейные сети поддержки» были признаны существенным фактором психологической устойчивости и субъективного благополучия 60-летних в ходе геронтологического исследования в Китае [Li, Luo, 2021]. Если добавить к этому прекращение трудовой деятельности, то чувство потерянности и одиночества возрастает. Среди тех, кто уже вышел на пенсию, 14% отметили, что часто или всегда испытывают чувство одиночества, среди работающих респондентов того же возраста таковых лишь 7%.

Ощущение одиночества негативно сказывается на восприятии респондентами собственной жизни. Благополучные люди (те, кто оценивают свою жизнь как «хорошую») крайне редко испытывают эти чувства (71% – «никогда», 25% – «редко»). Четверть из тех, кто оценил свою жизнь как «скорее плохую» или «плохую», ощущают одиночество «всегда» или «часто». Схожие корреляции наблюдаются и для выборки 56–65-летних: среди людей, которые охарактеризовали свою жизнь как «плохую» или «скорее плохую», 21% испытывает одиночество всегда или часто.

Полученные данные не позволяют сделать вывод о субъективном чувстве одиночества как о специфическом маркере «третьего» или «четвертого» возрастов. Скорее, стоит говорить, что одиночество выступает как некий фактор необустроенности жизни в целом, усиливающий негативное воздействие отдельных обстоятельств на конкретного человека, как то: тесное и неудобное жилье (24% тех, кто считает жилье неудобным, сталкиваются с одиночеством постоянно); отсутствие чувства безопасности в своем районе (20% людей, испытывающих эту проблему, часто чувствуют себя одиночками), изменившийся образ жизни вследствие пандемии, пессимистические взгляды на жизнь и т.д. Иными словами,

человек, оказавшийся в трудной жизненной ситуации, стесненный обстоятельствами и не имеющий поддержки, более склонен замыкаться в себе и ощущать себя одиноким. Такая ситуация не может быть жестко детерминирована возрастом, но при этом связана с определенными вызовами, которые характерны именно для «стареющих взрослых». Так, наибольшая доля ощущающих себя одинокими – среди пенсионеров и безработных; усиливается это состояние и в связи с сокращением состава семьи. Таким образом, состояние одиночества может указывать на ухудшение целого спектра жизненных характеристик, вносящих различный вклад в субъективное благополучие 56–65-летних.

Субъективная оценка физического состояния. Общее физическое состояние влияет на субъективное благополучие, однако сама оценка собственного здоровья в старших возрастах сопряжена со многими субъективными параметрами. В частности, геронтологи К. Учида и М. Лакс отмечали негативное влияние эйджистских стереотипов на здоровье своих пациентов: те из них, кто был убежден, что быть слабым и беспомощным – норма старости, реже обращались за медицинской помощью и пренебрегали физическими упражнениями, способными поддержать тонус организма [Ouchida, Lachs, 2015]. В России гипотезу иностранных специалистов проверяла команда социологов Белгородского государственного национального исследовательского университета под руководством Л. Колпиной. В 2019 г. был проведен опрос по репрезентативной региональной выборке населения Белгородской и Воронежской областей (N = 800), в котором участвовало несколько групп пожилых людей, включая интересующую нас когорту «стареющих взрослых» [Колпина, Бояринова, 2020]. Результаты показали – геронтостереотипы о взаимосвязи старости и болезней разделяют 54,9% представителей старших возрастов, что негативно сказывается на здоровье респондентов.

Опираясь на результаты нашего опроса, мы можем заключить, что «скачок» (гораздо более отчетливый, чем в случае с одиночеством) в появлении ежедневных болевых ощущений наблюдается как раз в районе 56–65 лет (рис. 2).

Количество людей, испытывающих боль ежедневно, возрастает почти в три раза, вдвое увеличивается количество респондентов, сталкивающихся с ней несколько раз в неделю. Последующее ухудшение состояния здоровья в «четвертом возрасте» выглядит менее драматичным, так как в данном случае речь идет о не столь интенсивном увеличении респондентов, страдающих от боли. Не исключено, что эти субъективные оценки говорят не только о реальном физическом состоянии опрошенных разных возрастов, но и о действиях «механизмов адаптации» к боли в разные периоды жизни, что

Рис. 2. Физическое состояние опрошенных (разбивка по возрастам)

проблематизировалось в уже упоминавшемся исследовании французских геронтологов [Bussièrè, Sirven, Tessier, 2021].

Резкое увеличение частоты болевых ощущений является очевидным маркером когорты «стареющих взрослых». Этот скачок может иметь как объективно неблагоприятное воздействие на качество жизни респондентов, так и субъективно влиять на самооощущение и самооценку представителей «третьего возраста», страдающих вследствие постепенной потери возможности делать то, что ты делал раньше, особенно если к этому добавляется сокращение социальных и семейных связей.

Дискуссионные вопросы. Рост субъективного неблагополучия в когорте «стареющих взрослых» коррелирует с резким падением занятости в этой группе, однако механизмы влияния фактора трудоустройства на оценку качества жизни требуют более детального изучения. На первый взгляд, выход на пенсию не влечет за собой существенных материальных сложностей и не связан с попаданием в «нуждающиеся» слои населения. Говорит ли это о том, что первичными факторами неблагополучия в связи с отказом от трудовой деятельности являются субъективные психологические вызовы? Кроме того, до конца необъясненным оказывается факт столь массового отказа от работы в «третьем возрасте». Чем он мотивирован и насколько добровольным является?

Субъективное чувство одиночества в «третьем возрасте» растет незначительно, в то время как объективное проживание в одиночестве, сокращение состава семьи и отказ от рабочих контактов являются частыми спутниками «стареющих взрослых». Об одиночестве во всех возрастных когортах чаще сообщают люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию, то есть оно маркирует скорее кризисные моменты жизни, чем рутину ослабевающих социальных связей. Не исключено, что стоит проблематизировать использование в анкетах оценочных вопросов про чувство одиночества как маркеров субъективного благополучия.

Распространенным убеждением является тот факт, что выходящие на пенсию «стареющие взрослые» участвуют в перераспределении нагрузки на своих детей и престарелых родителей, помогая тем и другим в повседневных нуждах. Однако проведенный опрос не позволяет говорить о том, что после 56 лет семьи или домохозяйства начинают восприниматься более расширительно (включать в себя большее число людей), родственные «сети поддержки» для представителей «третьего возраста» значат даже меньше, чем для представителей других возрастных когорт. Указывает ли это на то, что «стареющие взрослые», вопреки расхожему стереотипу, после выхода на пенсию предоставлены сами себе и сокращают свои связи с родными? Или, напротив, эти связи усиливаются, но – односторонне: «стареющие взрослые» становятся донорами для более младших и более старших поколений, не рассчитывая на встречную помощь?

Субъективное состояние здоровья, замеряемое с помощью частоты переживаемой боли, резко ухудшается по достижении 56-летия. При этом интенсивность болевых ощущений продолжает расти с течением времени, увеличиваясь к «четвертому возрасту». Интересно изучить «вклад» здоровья в субъективное благополучие представителей разных возрастных когорт, ответив на вопрос, в какие периоды жизни фактор физического здоровья/нездоровья оказывается наиболее значимым и встречает меньше «медиаторов».

Выводы. Субъективное благополучие. Результаты опроса позволяют говорить о том, что представителями «самого уязвимого возраста в стране» являются сегодняшние 56–65-летние. После 56 лет более чем вдвое сокращается количество работающих россиян, при этом традиционный вопрос о том, как наши респонденты в целом оценивают свою жизнь: как хорошую, скорее хорошую, скорее плохую или плохую, именно в этой группе выявляет самый низкий уровень удовлетворенности жизнью. Молодежь до 35 лет ощущает себя гораздо более благополучной. Для респондентов 66+ обстоятельства жизни тоже предстают в лучшем свете, чем для представителей «самого уязвимого возраста» в России.

Ожидания от будущего. «Стареющие взрослые» теряют уверенность в будущем – это еще одна тревожная тенденция. В этой группе высок процент тех, кто в целом отказывается от размышлений о завтрашнем дне: он сопоставим с долей отказов при ответе на

традиционно чувствительные вопросы (о доходах, составе семьи и т.д.). Заметим, потеря опоры, уверенности в себе не имеет здесь строгих корреляций с доходами и другими характеристиками респондентов – она связана именно с достижением определенного возраста, который является вызовом для человека.

Эмоциональное состояние. Эксклюзия считается ключевой проблемой пожилых, однако на вопрос, как часто вы себя чувствуете одиноким, практически все респонденты отвечают одинаково, преимущественно выбирая вариант «никогда». Одна из гипотез, объясняющих этот феномен: когда ощущение одиночества является постоянным фоном жизни, совершенно очевидным и непреложным, его поверхностное признание затруднено. Кроме того, люди, находящиеся в состоянии постоянной экономической неопределенности, иначе воспринимают проблемы, которые уже кажутся нерешаемыми, например, такие как одиночество и социальная эксклюзия. Экономические нужды и лишения, а также жилищная необустроенность усугубляют чувство одиночества.

Физическое самочувствие респондентов резко ухудшается по достижении 56-летнего возраста. Если проблема физической боли практически неактуальна для молодых, то для тех, кто старше, она становится обыденностью: 40% в возрасте 56–65 лет испытывают ее ежедневно или несколько раз в неделю, среди лиц, перешагнувших порог в 66 лет, таких уже 57%. «Скачок» в интенсивности переживаемых болевых ощущений наблюдается как раз в районе «третьего возраста», что может сказываться на субъективном благополучии «стареющих взрослых».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Вишневская Н.Т. Российский рынок труда через призму демографии. М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 145–204. [Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I., Vishnevskaya N.T. (2020) *Russian labor market through the prism of demography*. Moscow: NIU VHSE: 145–204. (In Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2167-0.
- Колпина Л.В., Бояринова И.В., Вангородская С.А. Некоторые аспекты субъективной детерминации здоровья представителей старших возрастных групп // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2020. Т. 45. № 4. С. 644–654. [Kolpina L.V., Boyarinova I.V., Vangorodskaya S.A. (2020) Some aspects of the subjective determination of the health of representatives of older age groups. *Nomothetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo* [Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right]. Vol. 45. No. 4: 644–654. (In Russ.). DOI: 10.18413/2712-746X-2020-45-4-644-654.
- Мануильская К.М. Самоопределение и самовосприятие людей старшего возраста: результаты фокус-групповых дискуссий // *Общественные науки и современность*. 2020. № 5. С. 155–164. [Manuilskaya K.M. (2020) Self-determination and self-perception of older people: the results of focus group discussions. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 5: 155–164. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086904990012329-3.
- Bai X. (2019) Hong Kong Chinese aging adults voice financial care expectations in changing family and sociocultural contexts: implications for policy and services. *Journal of Aging and Social Policy*. Vol. 31: 415–444.
- Blanchflower D.G., Oswald A.J. (2008) Is well-being U-shaped over the life cycle? *Social Science and Medicine*. Vol. 66(8): 1733–1749.
- Bussière C., Sirven N., Tessier P. (2021) Does ageing alter the contribution of health to subjective well-being? *Social Science & Medicine*. Vol. 268: 113456.
- Carstensen L.L., Turan B., Scheibe S., Ram N., Ersner-Hershfield H., Samanez-Larkin G.R. et al. (2011) Emotional experience improves with age: Evidence based on over 10 years of experience sampling. *Psychology and Aging*. Vol. 26(1): 21–33.
- Frijters P., Beaton T. (2012) The mystery of the U-shaped relationship between happiness and age. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 82(2): 525–542.
- Grant M.S., Back A.L., Dettmar N.S. (2021) Public Perceptions of Advance Care Planning, Palliative Care, and Hospice: A Scoping Review. *Journal of Palliative Medicine*. Vol. 24: 46–52.
- Hajek A., König H.-H. (2021) Does the beginning and the end of income poverty affect psychosocial factors among middle-aged and older adults? Findings based on nationally representative longitudinal data. *Aging & Mental Health*. Vol. 25. Iss. 5: 906–912. DOI: 10.1080/13607863.2020.1725740.
- Heid A., Cartwright F., Wilson-Genderson M., Pruchno R. (2021) Challenges Experienced by Older People During the Initial Months of the COVID-19 Pandemic. *Gerontologist*. Vol. 61: 48–58.

- Kahneman D., Deaton A. (2010) High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 107(38): 16489–16493.
- Moreno-Agostino D., de la Fuente J., Leonardi M. et al. (2021) Mediators of the socioeconomic status and life satisfaction relationship in older adults: a multi-country structural equation modeling approach. *Aging & Mental Health*. Vol. 25. Iss. 3: 585–592. DOI: 10.1080/13607863.2019.1698513.
- Moreno-Agostino D., de la Torre-Luque A., de la Fuente J. et al. (2021) Determinants of Subjective Wellbeing Trajectories in Older Adults: A Growth Mixture Modeling Approach. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 22: 709–726.
- Ouchida K.M., Lachs M.S. (2015) Not for doctors only: Ageism in healthcare. *Generations*. Vol. 39(3): 46–57.
- Stephens A., Deaton A., Stone A.A. (2015) Subjective wellbeing, health, and ageing. *Lancet*. Vol. 385(9968): 640–648. DOI: 2443/10.1016/S0140-6736(13)61489-0.
- Varlamova M., Sinyavskaya O. (2021) Active Ageing Index in Russia – Identifying Determinants for Inequality. *Journal of Population Ageing*. Vol. 14: 69–90.
- Weber J., Angerer P., Muller A. (2019) Individual consequences of age stereotypes on older workers: a systematic review. *Zeitschrift für Gerontologie und Geriatrie*. No. 52: 188–205.

Статья поступила: 23.06.22. Финальная версия: 13.12.22. Принята к публикации: 18.01.23.

SUBJECTIVE WELL-BEING OF RUSSIANS: THE RISKS OF PRERETIREMENT AGE

MANUILSKAYA K.M.* , SOLODOVNIKOVA O.B.* , MALKOVA E.E.*

*RANEPA, Russia

Kseniya M. MANUILSKAYA, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Research Fellow (manuilskaya@ranepa.ru); Olga B. SOLODOVNIKOVA, *Cand. Sci. (Philol.)*, Research Fellow (olgaogonek@gmail.com); Evgeniya E. MALKOVA, *Research Fellow* (malkova-ee@ranepa.ru). All – Institute of Social Analysis and Forecast of RANEPA, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the RANEPA State task.

Abstract. The authors of the paper analyse the aspects of subjective well-being in different age groups of Russian people, with focus on the study of subjective well-being in preretirement age. The results of the national telephone survey conducted by Institute of Social Analysis and Forecasting, RANEPA in 2021 demonstrate that respondents at age 56–65 are the most vulnerable social group in the country. The preretirement age can be called the most disadvantaged age in Russia, although it is traditionally perceived within the administrative system as an unproblematic category of citizens, characterized by a steady demand for stability, predictable behavior and formed attitudes.

In answers to the question “In general, how do you assess your life today – as good, rather good, rather bad, or bad?” people of preretirement and early retirement age are more likely than other respondents to choose the variants “bad” or “rather bad” (42% of respondents, in comparison with sample average of 28%). The article attempts to identify the causes of this phenomenon as well as the main factors affecting subjective well-being in the “third age”.

The authors conclude that changes in social status, i.e. foremost retirement, family changes (children leaving the parental home) and changes in family support networks, physical discomfort, are the main factors for transformation in subjective well-being experience. As a result, there is a decline in the emotional state, a lack of expectations for the future and anxiety state, which can lead to social exclusion.

The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Keywords: subjective well-being, third age, pension reform, life satisfaction, aging adults, vulnerable age.

Received: 23.06.22. Final version: 13.12.22. Accepted: 18.01.23.

Т.С. КИЕНКО

ЛЮДИ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА И ПАНДЕМИЯ: СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ, ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ГЕРОНТОГРУППЫ И ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ ВОЗРАСТНЫХ НЕРАВЕНСТВ

КИЕНКО Татьяна Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия (tskienko@sfnedu.ru).

Аннотация. В статье обсуждаются реакции россиян старшего возраста на ограничения пандемии на материалах 39 интервью, собранных в российских регионах в 2020–2022 гг. В условиях рисков коронавируса проявились и усилились неравенства в отношении пожилых людей и гетерогенность геронтогруппы. При значительном многообразии выделяется два способа реагирования людей старшего возраста на ограничения пандемии: первые ими возмущены, другие их не заметили. Первый тип реакций («ропщущие») демонстрируют люди, которые поддерживали высокую физическую мобильность, социальную активность и включенность. С приходом пандемии они испытали страх и возмущение, локдаун и режим самоизоляции восприняли как ограничение свободы. Они склонны оценивать внешнюю помощь как раздражающую гиперопеку, часто готовы сами выступать в качестве субъекта, а не только объекта заботы. Второй тип реакций («безропотные») характерен для маломобильных людей, контактирующих с узким кругом людей и социальных пространств, полагающихся на внешнюю помощь. Они не заметили ограничений пандемии, в их жизни ничего не изменилось. Самоизоляции, социальную эксклюзию и внешнюю заботу они принимают как норму. Полагаем, способность обнаруживать неравенства и противостоять им прямо коррелирует с социальной включенностью. Самостигматизация подкрепляется нормативностью зависимости и маломобильности пожилых людей в дискурсе профессиональной заботы. Возрастная дискриминация пересекается с отождествлением старости с зависимостью и маломобильностью, нормативностью социальной эксклюзии немобильных людей и оправдывается приоритетным правом на поддержку и заботу. Ключевой проблемой большинства людей старшего возраста в условиях пандемии стали эксклюзия и недоступность значимых ресурсов. Существенно возросла роль социальной поддержки, но также проявился ее амбивалентный характер, в т.ч. готовность пожилого человека выступать не только объектом заботы, но и ее субъектом.

Ключевые слова: люди старшего возраста • геронтогруппа • ограничения • мобильность • социальная эксклюзия • структурное неравенство • неравенство по возрасту • интерсекциональность

DOI: 10.31857/S013216250021521-6

Введение и постановка исследовательских вопросов. Под влиянием рисков и ограничений пандемии COVID-19 люди старших возрастов оказались в условиях психологической и социальной изоляции, недоступности социально значимых публичных пространств, сокращения социальных контактов и мобильности [Plagg et al., 2020; Armitage, Nellums, 2020; Pentaris et al., 2020; Голубев, Сидоренко, 2020]. Усилилась дискриминация в сфере занятости и трудоустройства возрастных работников [Pit et al., 2021]. Проявилось пересечение возрастного неравенства с бедностью, низким статусом, эксклюзией, ослабленным здоровьем и инвалидностью, гендерным, этнонациональным и расовым, статусом ВИЧ, ЛГБТ и др. [Khunti et al., 2020; Nash, Taylor, Levy, 2020], с доступностью и качеством семейного и институционального ухода, особенно в бедных странах [Lloyd-Sherlock

et al., 2020], «недружественностью» и пространственным неравенством в городских районах [Buffel et al., 2021], ослаблением сообществ мерами жесткой экономии и сокращением социальной инфраструктуры [Phillipson et al., 2021]. Был отмечен рост эйджизма в публичном и институциональном дискурсах [Colenda et al., 2020; Vervaecke, Meisner, 2021], стереотипов хрупкости, уязвимости, беспомощности пожилых людей, старости как бремени [Cohn-Schwartz, Ayalon, 2021; Ayalon et al., 2021; Евсеева, 2021]. С другой стороны, пандемия стала толчком к развитию информационных технологий, новых форм ухода, межпоколенной и локальной солидарности [Парфенова, Петухова, 2022], социального участия пожилых людей [Киенко, Певная, Птицына, 2022].

На пике пандемии в ведущих геронтологических изданиях появились сравнительные исследования последствий системного кризиса в результате COVID-19 для людей разных возрастов. Вэнди Брюен де Брюен на основе регрессионного анализа данных национального опроса более 6,6 тыс. взрослых американцев по репрезентативной адресной выборке обнаружила, что пожилой и взрослый возраст связывался с более высоким риском смерти в случае заражения COVID-19, но с меньшим риском заражения, помещения на карантин, депрессии, беспокойства, отсутствия денег, что определяло более оптимистичный взгляд и лучшее психическое здоровье людей старших возрастов [Bruine de Bruin 2021]. Эми Кнеппл Карни и соавторы также пришли к выводам, что пожилые и взрослые старше 50 лет испытывают меньший стресс от пандемии, чем молодые люди, однако их выборка была нерепрезентативной [Кнеппл Карни et al., 2020]. К. Бёрдит и соавторы в ходе опроса 648 американцев в возрасте от 18 до 97 лет выяснили, что пожилые респонденты отмечают меньше изменений в жизни, социальной изоляции и стресса, чем молодежь, поскольку лучше регулируют свои эмоции, имеют опыт переживания сложных ситуаций, их образ жизни почти не изменился, особенно у тех, кто вышел на пенсию и живет один [Birditt et al., 2021: 212]. Мы в свою очередь полагаем, что активные и включенные в социальные отношения пожилые люди испытали серьезные негативные трансформации, в то время как живущие в изоляции могли остаться «нечувствительными» к ее усилению в силу структурных возрастных неравенств и «привычки» к исключенности.

В статье на основе результатов качественного исследования обсуждаются вопросы о том, какие изменения в жизни и социальном пространстве отмечают россияне старшего возраста в связи с введением мер безопасности и их отменой в постпандемический период; как они реагируют на пандемию; какие социальные переменные связаны с «чувствительностью» пожилых людей к ограничениям пандемии и как в них проявляются скрытые возрастные и пересекающиеся неравенства.

Методы и материалы. Решение исследовательских вопросов опирается на обсуждение данных 39 очных интервью, проведенных в период с ноября 2020 г. по май 2022 г. с людьми в возрасте от 62 до 90 лет (26 женщин и 13 мужчин, характеристика информантов – в приложении), проживающими в разных социальных условиях (самостоятельно, в семьях, в условиях социального сопровождения на дому, в домах-интернатах, в городской и сельской местности) в Чеченской Республике, Ставропольском и Хабаровском краях, Архангельской, Ленинградской и Ростовской областях. Пандемические ограничения для людей старшего возраста имели общие черты и определялись субъектами федерации с учетом региональной обстановки и рекомендаций Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и санитарных врачей, а также дополнялись правительственными мерами. К обсуждению результатов интервью привлекались другие авторские материалы.

Реакции на ограничения пандемии и их отмену активных россиян старшего возраста (страх, изоляция, ухудшение здоровья, гиперопека, исключенность, недоступность ресурсов, эйджизм). Страх перед коронавирусом, негативное влияние изоляции и значительные изменения в образе жизни, коммуникациях, мобильности отмечаются многими информантами: «Стали общаться со всеми по телефону, все боятся, особенно наш возраст. Вижусь только с детьми... Выходить перестала» (И1); «Стресс, связанный с угрозой

заражения, самоизоляция... изменения в привычном укладе жизни» (И17). Режим самоизоляции, информационное давление, личные потери провоцировали снижение психологического, соматического и социального здоровья: «Обострилось беспокойство, нарушился сон, пошел набор веса... Новости по радио и телевидению усугубили ситуацию» (И2); «впала в депрессию... возмущало, что нельзя было никуда ходить, и возможностей общения с людьми было меньше» (И9).

Под маской сверхзаботы проявились попытки вытеснения пожилых из социальных пространств: «Выходя за хлебом, слышала неодобрительные возгласы в свою сторону, что лучше мне сидеть дома, зачем я вышла в такое время» (И27). Стали «работать» стереотипы «уязвимости», особенно при пересечении возраста и инвалидности: «Так как инвалид, со мной постоянно нянчились. Иногда это даже раздражает. С коронавирусом стало еще хуже» (И30). Затяжная изоляция, одиночество, маломобильность, рост гиперопеки воспринимались как исключенность, возрастная дискриминация, конец социальной жизни: «Мало кто выдержит такого ограничения два года. Другим делают послабления, а старики должны вечно сидеть дома. Разве это жизнь?» (И26).

Всем россиянам в возрасте от 65 лет (в некоторых регионах – 60 лет) был предписан режим самоизоляции, но негативные изменения в жизни и исключенность отмечали те информанты, которые до пандемии вели активный образ жизни, были вовлечены в коммуникации, сферу занятости, пользовались транспортом, сервисами.

В 2022 г. мобильные информанты в связи с отменой ограничений говорили о том, что испытали облегчение, констатировали снижение страхов, возвращение к допандемическим практикам, но также сформировавшуюся за время изоляции привычку к пассивному образу жизни, проблемы с финансами, доступностью транспорта, медицинских услуг: «Автобус пустили, но не так часто, как раньше. И уже трудно ехать куда-то, привыкла... Пригласили в поликлинику на диспансеризацию, оказалось, что все формально, для галочки, никому мои болячки не нужны, очереди на месяц, или платно иди» (И38); «Пандемия закончилась, новый кризис начался, сами понимаете какой. Сейчас все упирается в деньги. Все подорожало. Это и есть проблемная зона» (И37).

Активные и мобильные россияне независимо от состояния здоровья, семейного статуса, региона и условий проживания столкнулись с сокращением значимых ресурсов, жизненных пространств и коммуникаций, ухудшением здоровья, чувством страха, рисками депрессии. Ограничения они восприняли как гиперопеку, усиливающую стереотипы «уязвимости» (особенно при пересечении возраста и инвалидности), эксклюзию, возрастную дискриминацию, конец социальной жизни.

Сокращение жизненного пространства, недоступность ресурсов и контроль мобильности. Меры безопасности привели к сужению жизненного пространства пожилых людей, транспортным ограничениям: «Недоступными стали поездки к родственникам в область и в другой регион, и у себя не могла никого принять» (И2); «В МФЦ запись длинная помню была. И по живой очереди нигде не пускают... полиция... по домам всех разгоняла» (И37). Отмечалось вытеснение людей старшего возраста из сферы занятости: «У подружки в продуктовом работала, потом кризис... пришлось уйти» (И37). Обострились проблемы с доступностью и качеством медицинской помощи, упало доверие к врачам: «Столкнулась с безразличием... ужасным отношением... медработников» (И1); «...не доверяйте врачам» (И6); «...из-за коронавируса врачи не принимали» (И11). В крупных городах в связи с повышенными рисками и публичностью пространств жизнь осложнялась тем, что режим самоизоляции контролировался жестко, особенно в первые месяцы пандемии: «Очереди в поликлинике, ношение маски, передвижение по городу ограничено... Не было возможности съездить на дачу к родственникам... сходить в театр, в гости, в кино» (И3).

Жители малых городов и сельских поселений продолжали вести привычный образ жизни, общаться с соседями, работать: «Начинаю утро с зарядки, занимаюсь хозяйством, провожу время с внуками, встречаюсь с друзьями» (И20), но отмечали отсутствие транспорта, медицинской и социальной помощи: «...доктора вызывали частного, она

хотела положить в терапию, но мне отказали» (И4); «Волонтеры? ...никто не помогал... в город... не доехать было, карты отменили, автобусы» (И36). Привычные досуговые практики, коммуникации и активность были приостановлены в больших городах: «На палки¹ перестали ходить. Запретили. Никакого кино, никаких поездок... Сидишь дома как дурак» (И32), но сохранялись в малых городах и сельской местности: «...мы небольшими группами по 2–3 человека... встречались и продолжали заниматься скандинавской ходьбой... устраивали субботники... акции» (И14). Меры безопасности и контроль по-разному реализовывались в городах разных типов и сельской местности, «наслаиваясь» на неравномерность развития и доступа к социально значимой для пожилых людей инфраструктуре [Парфенова, Петухова, 2022]. Несмотря на разные изменения образа жизни и контроля мобильности в городской и сельской местности, центральной проблемой стала недоступность ресурсов и значимой инфраструктуры.

Маломобильность, статичность жизни и нормативность эксклюзии. С введением режима самоизоляции нестационарные формы социального обслуживания были приостановлены или переведены в онлайн-формат, выросло число заявок на надомную помощь. При этом, по словам работников южно-российских муниципальных центров социального обслуживания (данные собраны в ходе групповых бесед с социальными работниками муниципальных учреждений социального обслуживания Ростовской области в ходе реализации программ дополнительного образования: $N = 70$, май 2020 г., г. Шахты; $N = 22$, май 2022 г., г. Ростов-на-Дону), жизнь их благополучателей в условиях пандемии не изменилась, услуги и уход оказывались с соблюдением масочного режима в полном объеме. Респонденты с ограниченной мобильностью, хроническими заболеваниями, которых поддерживали специалисты или родственники, не заметили изменений: «Особо ничего не изменилось, я пенсионер... два раза в неделю ходит социальный работник. Проснулась, умылась, почистила зубы, позавтракала, выпила таблетки, помыла посуду, полежала, работа по дому и досуг» (И4). Информанты не ощутили ни ограничений, ни их снятия, считая естественной статичность жизни и регулярную помощь со стороны семьи или социальных работников: «...я особо и никуда не выходила даже до пандемии... мне сын все привозил... Никакие кризисы ко мне не приходили... Вся эта ситуация на меня вообще почти не повлияла» (И36).

Социальная эксклюзия была воспринята как норма не только пожилыми благополучателями, но и помогающими специалистами. Социальные работники сообщали, что в жизни их подопечных не было никаких изменений или проблем. При этом в обеих группах упоминались «забавные» случаи полицейского сопровождения некоторых благополучателей из публичных мест домой, в режим самоизоляции. Это сопровождалось юмористическим описанием ситуаций и солидарным осуждением нарушителей, которые позиционируют себя как маломобильные объекты социальной заботы, но сами вполне мобильны (а значит, не нуждаются в помощи специалистов, получают ее неправомерно). В сообществах социальных работников такие истории стали популярными, превращаясь в форму профессионального фольклора, снимая напряжение в условиях повышенной нагрузки и легитимизируя право профессионалов на вмешательство и объективацию клиентов. В то же время за этим скрыты негласное отождествление старости с инвалидностью, конвенциональность принципа помощи исключительно немобильным и нормативность зависимости, нефункциональности и немобильности благополучателей в профессиональном дискурсе.

Ограничения и мобильность в условиях локальных пространств институциональной заботы. Для жителей домов-интернатов в 2020–2022 гг. действовал режим карантина (обсервации). Им был запрещен выход из учреждений, личные контакты с родными (до внедрения системы онлайн-коммуникаций и персональных встреч), жизнь организовывалась с соблюдением мер безопасности, но весь комплекс услуг и привычный образ жизни сохранялись. При необходимости питание, обслуживание, коммуникации и досуг перемещались в палаты, прогулки совершались по графику или с помощью сотрудников,

¹ Скандинавская ходьба. – Прим. ред.

в т.ч. на колясках или реабилитационных кроватях. Тем не менее благополучатели ощутили перемены: «*Раньше мы часто прогуливались за пределами территории, но с коронавирусом нас перестали пускать гулять*» (И28). Недоступными стали лечение и диагностика в медицинских учреждениях. Жители домов-интернатов в разгар пандемии «не придавали значения заболеванию и его опасности» [Киенко, Савина, 2021: 106], но остро реагировали на изоляцию и ограничения мобильности, отказывались соблюдать социальную дистанцию и масочный режим, их возмущало, что им запрещали выходить за территорию дома и принимать посетителей. Особенно остро ограничения восприняли активные люди, имеющие коммуникации вне интерната, совершавшие прогулки и экскурсии, вовлеченные в творческую и волонтерскую деятельность: «*...эти годы все, вот пока не стало этого короны, хор наш действовал и давал концерты... в обществе слепых, в тюрьме, в городе и за городом... Вообще похвалиться нечем... вплоть до того, что на дверях написано, что вход только два человека... на этом этаже не ходить... Очень много таких запретов и они нас сердят*» (И33).

Различия микроклимата, материально-технической, технологической оснащенности в социальных стационарах разных типов, организационно-правовых форм и регионов усилили вариативность переживания пандемии. Так, пространство жизни резко сократилось для жителей интернатов, пансионатов и реабилитационных центров, не обладавших большими площадями и уличной территорией. В целом изменения ощутили мобильные и активные благополучатели; чем ниже была мобильность и выше зависимость от социальной помощи, тем меньше чувствовались ограничения.

Роль семьи и заботы в условиях пандемии. В условиях пандемии значительно возросла роль семейной поддержки. В первые месяцы эпидемии часть постояльцев домов-интернатов, имеющих родных, вернулась в семьи [Киенко, Савина, 2021: 107]. Укрепление родственных связей и поддержка близких людей была отмечена информантами, которые проживали самостоятельно, с супругами, в семьях своих детей в городской и сельской местности: «*...стал больше уделять времени внучке, помогаю... с уроками*» (И24). Семейная поддержка стала более интенсивной, упрочилась ее роль в разных аспектах жизни: «*Я живу в окружении родственников... Радует то, что можно поддерживать связь*» (И18); «*Сын помогает с лекарствами...*» (И19); «*Прививку сделала... дочь меня записала и привезла*» (И38); «*...родственники помогали, приезжали, привозили продукты, все необходимое, ходили в банк, в МФЦ, в аптеку*» (И39). В условиях пандемии проявилась не только значимость семейной заботы, но и многообразие ее функций (коммуникативная, генеративная и пр.), форм и способов взаимной поддержки, в т.ч. направленность, с одной стороны, на заботу о пожилых, а с другой – на внимание людей старшего возраста к членам семьи. Последнее обстоятельство свидетельствует о роли пожилого человека как субъекта, а не только объекта заботы.

Сокращение или отсутствие контактов с родными, в т.ч. мотивированное заботой, «сострадательным эйдджизмом» [Vervaecke, Meisner, 2021], выступало фактором стресса, усугубляло изоляцию, одиночество, исключенность: «*Появилось подавленное состояние, никуда не хочется идти. Наверное, из-за того, что семья особо не навещает сейчас, все в делах, и бояться меня заразить*» (И25). Пространство старения в условиях пандемии существенно различалось в зависимости от семейного статуса пожилых людей, родственных связей и поддержки, выступая фактором как сглаживания ограничений, так и скрытого неравенства внутри геронтогруппы. Эти неравенства отчасти сглаживались институциональными ресурсами медицинской и социальной работы и неформальными инструментами соседской и общественной помощи. Но и сама забота может выступать источником гиперопеки, «ограничивающей заботы» (для человека, не идентифицирующего себя с объектом заботы), а также гипоопеки или «сострадательного эйдджизма» (в ситуации острого дефицита ресурсов, вакуума контактов и поддержки).

Выводы. В условиях пандемии проявилось и усилилось неравенство в отношении пожилых людей, а также глубокая внутренняя дифференциация геронтогруппы, однако формальные ограничения носили «уравнивающий» характер, вводились по хронологическому

признаку без учета статуса, образа жизни, потребностей людей старшего возраста. Условно можно выделить два типичных способа реагирования пожилых на ограничения пандемии: одни были возмущены, другие их не заметили. Первый тип реакций демонстрируют люди, которые до пандемии воспринимали свою жизнь как динамичный процесс, проявляли физическую мобильность, социальную активность. Независимо от состояния здоровья и наличия инвалидности, семейного статуса, возраста, условий проживания, они полагают, что не нуждаются в помощи и даже сами выступают ее субъектами, склонны расценивать проявления заботы как раздражающую гиперопеку. В связи с рисками пандемии коронавируса они испытали страх, локдаун восприняли как ограничение свободы, режим самоизоляции как навязанное, принудительное заточение. Уход от сдерживающих мер для части представителей данного типа был связан с чувством освобождения, возвратом к допандемическим активностям, при этом для остальных длительная самоизоляция стала привычной, а необходимость заново включаться в социальные практики и активные взаимодействия стали ассоциироваться с грузом обязательств, активностью «через силу».

Другой тип реакций демонстрируют маломобильные люди, контактирующие с узким кругом лиц, живущие в статичном мире рутинных домашних дел, забот о себе и своем здоровье, полагающихся на внешнюю помощь (семьи, близких людей, помогающих специалистов). Введение и снятие ограничений пандемии для них прошли незамеченными, в их жизни ничего не изменилось, самоизоляция и социальная эксклюзия принимаются ими как норма, повод и право на поддержку; забота и опека расцениваются как желательные, ожидаемые и даже «законные», «полагающиеся».

Итак, активные, мобильные респонденты старшего возраста, включенные в социальные коммуникации и пространства, отмечают негативное влияние коронавирусных ограничений, страх, сокращение жизненного пространства, ужесточение контроля, исключенность, эйджизм. Живущие в изоляции, ведущие пассивный образ жизни люди не заметили изменений, особенно если их возраст пересекался с ограничениями мобильности и зависимостью от внешней помощи. Если активные и мобильные пожилые информанты «возмущаются» проявлениями унификации, объективации и эксклюзии («ропщущие»), то пребывающие в социальной изоляции демонстрируют готовность к самостигматизации, принятию как нормы внешней заботы и сопутствующих проявлений эксклюзии и эйджизма («безропотные»). Следовательно, способность обнаруживать неравенства и противостоять им прямо коррелирует с социальной включенностью, а эксклюзия снижает «чувствительность» к проявлениям структурных неравенств. Самостигматизация косвенно поддерживается нормативностью зависимости и немобильности пожилых благополучателей в помогающем дискурсе, демонстрируя сохраняющееся отождествление старости с инвалидностью и отставание социальной практики от трансформирующихся приоритетов и нормативно-правовых основ социальной политики. Возраст, ослабленное здоровье, условия проживания выступают вторичными факторами по отношению к нехватке ресурсов и зависимости от внешней помощи, которая опирается на нормативность социальной эксклюзии и объектности благополучателей, аксиоматическое принятие их неспособности к самостоятельному социальному функционированию. Возрастная дискриминация пересекается с отождествлением старости с зависимостью и маломобильностью, легитимностью социальной эксклюзии немобильных людей и оправдывается приоритетным правом на поддержку и заботу.

Ключевой проблемой для большинства людей старшего возраста в условиях пандемии стали эксклюзия и недоступность значимых ресурсов. Существенно возросла роль социальной поддержки, но также проявился ее амбивалентный характер. Пожилой человек может выступать не только объектом заботы, но и ее субъектом. Сама забота может рассматриваться людьми старшего возраста и как гиперопека, и как проявление любви, иногда – как форма коммуникации или ситуативной поддержки в особых ситуациях, а также как системная потребность (в ситуации острого дефицита ресурсов, вакуума контактов

и поддержки, маломобильности, зависимости от внешней помощи и идентичности с объектом заботы).

Несмотря на издержки качественного исследования, проведенного на небольшой выборке, можно констатировать, что «чувствительность» пожилых людей к ограничениям пандемии связана с включенностью в социальные пространства и отношения. Чем мобильнее человек, чем шире его социальное пространство и выше власть над ним, тем заметнее потери «пространственной прибыли» [Бурдые, 2007: 57], «капитала подвижности», права и власти «добровольного» движения [Urry, 2007]. В условиях пандемии стали особенно заметными пересечения структурной дискриминации по возрасту [Riley et al., 1972], «вписанной» в институты и повседневную жизнь [Calasanti, 2016] с расовыми, гендерными, экономическими неравенствами [Browne, 1995], особенностями социальных связей, пространств жизнедеятельности и мобильности. Это актуализирует перспективность анализа старения в социальных науках, социальной политике и практике в русле интерсекционального подхода [Ferrer et al., 2017; Richter, 2020; Gutterman, 2022] и социологии пространства с привлечением теорий жизненного пути («life course») [Holman, Walker, 2021] и кумулятивного накопления преимуществ и недостатков с возрастом (CAD) [Dannefer, 2003]. Пожилые люди испытали меньше «потерь» с введением ограничений, так как располагали меньшим социальным пространством до пандемии в силу скрытых, накапливающихся в течение жизни возрастных и перекрещивающихся неравенств, множественных недоступностей, усиленных «привычкой» к исключенности. Такие «потери» часто не артикулируются и не рефлексируются, их трудно зафиксировать в сравнительных количественных исследованиях, чем мы объясняем различия реакций на пандемию между представителями молодого и взрослого возраста в сравнении с пожилыми [Bruine de Bruin, 2021; Birditt et al., 2021]. Большой интерес представляет сопоставление мнений, оценок, в том числе по поводу влияния социальных кризисов, таких как пандемия, на людей и группы разных возрастов, но ограничения качественных методов не позволяют проводить обоснованные сравнения, а методология сравнительных исследований нуждается в валидных инструментах, позволяющих избежать скрытого эйджизма и учитывать специфические для людей старшего возраста смыслы и значения отношений и социальных пространств.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Характеристика информантов (возраст, пол, условия проживания, город, год проведения интервью)

И1. 75, ж., с супругом в квартире, г. Ростов н/Д., 2020.

И2. 62, ж., самостоятельно в квартире, г. Ростов н/Д., 2020.

И3. 69, ж., самостоятельно в квартире, г. Ростов н/Д., 2020.

И4. 71, ж., самостоятельно в частном доме, г. Константиновск Ростовской обл., 2020.

И5. 65, ж., с супругом и сыном в частном доме, г. Ростов н/Д., 2020.

И6. 75, ж., самостоятельно в частном доме, г. Ростов н/Д., 2020.

И7. 72, м., с супругой в частном доме, г. Ростов н/Д., 2020.

И8. 68, ж., с супругом в квартире, г. Ростов н/Д., 2020.

И9. 72, ж., самостоятельно в квартире, г. Хабаровск, 2020.

И10. 72, ж., с сыном в квартире, г. Архангельск, 2020.

И11. 73, ж., самостоятельно в квартире, г. Санкт-Петербург, 2020.

И12. 74, м., с супругой в квартире, г. Ростов н/Д., 2021.

И13. 70, ж., с супругом в квартире, г. Ростов н/Д., 2021.

И14. 65, ж., с супругом в частном доме, пос. Каменоломни Ростовской обл., 2021.

И15. 71, ж., самостоятельно в частном доме, пос. Зимовники Ростовской обл., 2021.

И16. 75, ж., с супругом в частном доме, пос. Зимовники Ростовской обл., 2021.

И17. 69, м., с супругой в частном доме, г. Грозный, 2021.

И18. 69, м., с супругой в частном доме, г. Шали, 2021.

И19. 68, м., с супругой и детьми в частном доме, г. Грозный, 2021.

И20. 66, м., с супругой и детьми в частном доме, г. Шали, 2021.

И21. 62, ж., с семьей сына в частном доме, г. Шали, 2021.

И22. 68, ж., с семьей дочери в квартире, г. Ставрополь, 2021.

- И23. 66, м., с супругой в квартире, г. Ставрополь, 2021.
 И24. 70, м., с супругой в квартире, г. Ставрополь, 2021.
 И25. 65, ж., самостоятельно в квартире, г. Ставрополь, 2021.
 И26. 72, м., самостоятельно в квартире, г. Ставрополь, 2021.
 И27. 69, ж., самостоятельно в квартире, г. Ставрополь, 2021.
 И28. 77, ж., в доме-интернате, г. Ставрополь, 2021.
 И29. 84, ж., в доме-интернате, г. Ставрополь, 2021.
 И30. 75, м., в доме-интернате, г. Ставрополь, 2021.
 И31. 78, м., в доме-интернате, г. Ставрополь, 2021.
 И32. 72, ж., самостоятельно в частном доме, г. Таганрог, 2021.
 И33. 90, ж., в доме-интернате, г. Таганрог, 2021.
 И34. 76, м., в доме-интернате, г. Ростов н/Д., 2021.
 И35. 80, м., в доме-интернате, г. Ростов н/Д., 2021.
 И36. 71, ж., самостоятельно в частном доме, пос. Инструментальный Астраханской обл., 2022.
 И37. 69, ж., самостоятельно в квартире, г. Астрахань, 2022.
 И38. 71, ж., самостоятельно в квартире, г. Таганрог, 2022.
 И39. 70, ж., с супругом в квартире, г. Ростов н/Д., 2022.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Бурдые П. Социология социального пространства. Перевод с французского Н.А. Шматко. 2007. СПб.: Алетейя. [Bourdieu P. (2007) *Sociology of Social Space*. Trans. from the French by N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)]
- Голубев А.Г., Сидоренко А.В. Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33. № 2. С. 397–408. [Golubev A.G., Sidorenko A.V. (2020) Theory and Practice of Aging in the Conditions of the COVID-19 Pandemic. *Uspekhi gerontologii* [Advantages of Gerontology]. Vol. 33. No. 2: 397–408. (In Russ.)] DOI: 10.34922/AE.2020.33.2.026.
- Евсеева Я.В. Пожилые люди во время пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2021. № 2. С. 75–93. [Evseeva Ya.V. (2021) Elderly People During the COVID-19 Pandemic. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11, Sociologiya: Referativnyy zhurnal* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 11, Sociology: Abstract Journal]. No. 2: 75–93. (In Russ.)] DOI: 10.31249/rsoc/2021.02.07.
- Киенко Т.С., Певная М.В., Птицына Н.А. Практики самоорганизации и социальной активности россиян старшего возраста как расширяющие возможности ("empowerment") технологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2022. № 1. Вып. 65. С. 89–98. [Kienko T.S., Pevnaya M.V., Pticyna N.A. (2022) Practices of Self-Organization and Social Activity of Older Russians as Empowering Technologies. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Ser.: Social Sciences]. Iss. 65. No. 1: 89–98. (In Russ.)] DOI: 10.52452/18115942_2022_1_89.
- Киенко Т.С., Савина Е.А. Хроники карантина и обсервации в доме-интернате для престарелых и инвалидов // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 103–111. [Kienko T.S., Savina E.A. (2021) Chronicles of Quarantine and Surveillance in a Russian Residential Home for the Elderly and Disabled in the COVID-19 Syndemic. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 103–111. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250012513-7.
- Парфенова О.А., Петухова И.С. Влияние пандемии COVID-19 на жизнь старшего поколения в городском и сельском контекстах // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 71–80. [Parfenova O.A., Petukhova I.S. (2022) The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Life of the Older Generation in Urban and Rural Contexts. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 71–80. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250018704-7.
- Armitage R., Nellums L.B. (2020) COVID-19 and the Consequences of Isolating the Elderly. *The Lancet Public Health*. Vol. 5. No. 5: e256. DOI: 10.1016/S2468-2667(20)30061-X.
- Ayalon L., Chasteen A., Diehl M. et al. (2021) Aging in Times of the COVID-19 Pandemic: Avoiding Ageism and Fostering Intergenerational Solidarity. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 76. No. 2: e49–e52. DOI: 10.1093/geronb/gbaa051.
- Birditt K.S., Turkelson A., Fingerhman K.L. et al. (2021) Age Differences in Stress, Life Changes, and Social Ties During the COVID-19 Pandemic: Implications for Psychological Well-being. *The Gerontologist*. Vol. 61. No. 2: 205–216. DOI: 10.1093/geront/gnaa204.

- Browne C. (1995) Empowerment in Social Work Practice with Older Women. *Social Work*. Vol. 40. No. 3: 358–364.
- Bruine de Bruin W. (2021) Age Differences in COVID-19 Risk Perceptions and Mental Health: Evidence from a National US Survey Conducted in March 2020. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 76. No. 2: e24–e29. DOI: 10.1093/geronb/gbaa074.
- Buffel T., Yarker S., Phillipson C. et al. (2021) Locked Down by Inequality: Older People and the COVID-19 Pandemic. *Urban Studies*. Article No. 004209802110410: 1–18. DOI: 10.1177/00420980211041018.
- Calasanti T. (2016) Combating Ageism: How Successful Is Successful Aging? *The Gerontologist*. Vol. 56. No. 6: 1093–1101. DOI: 10.1093/geront/gnv076.
- Cohn-Schwartz E., Ayalon L. (2021) Societal Views of Older Adults as Vulnerable and a Burden to Society During the COVID-19 Outbreak: Results from an Israeli Nationally Representative Sample. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 76. No. 7: e313–e317. DOI: 10.1093/geronb/gbaa150/5901136.
- Colenda C.C., Reynolds C.F., Applegate W.B. et al. (2020) COVID-19 Pandemic and Ageism: A Call for Humanitarian Care. *The American Journal of Geriatric Psychiatry*. Vol. 28. No. 8: 805–807. DOI: 10.1016/j.jagp.2020.04.005.
- Corbin J., Strauss A. (1990) Grounded Theory Research: Procedures, Canons, and Evaluative. *Criteria Qualitative Sociology*. Vol. 13. No. 1: 3–21. DOI: 10.1007/BF00988593.
- Dannefer D. (2003) Cumulative Advantage/Disadvantage and the Life Course: Cross-Fertilizing Age and Social Science Theory. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 58. No. 6: S327–S337. DOI: 10.1093/geronb/58.6.
- Ferrer I., Grenier A., Brotman S., Koehn S. (2017) Understanding The Experiences of Racialized Older People through an Intersectional Life Course Perspective. *Journal of Aging Studies*. Vol. 41: 10–17. DOI: 10.1016/j.jaging.2017.02.001.
- Glaser B., Strauss A. (1967) *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Reprinted 2006: New Brunswick and London: Aldine Transaction.
- Gutterman A. (2022) Ageism and Intersectionality: Older Persons as Members of Other Vulnerable Groups (February 22, 2022). In: *Older Persons' Rights Project*. Oakland CA. DOI: 10.2139/ssrn.3972842.
- Holman D., Walker A. (2021) Understanding unequal ageing: towards a synthesis of intersectionality and life course analyses. *European Journal of Ageing*. Vol. 18. No. 2: 239–255. DOI: 10.1007/s10433-020-00582-7.
- Khunti K., Singh A.K., Pareek M., Hanif W. (2020) Is Ethnicity Linked to Incidence or Outcomes of COVID-19? *British Medical Journal*. No. 369. Article No. m1548: 1–2. DOI: 10.1136/bmj.m1548.
- Knepple Carney A., Graf A.S., Hudson G., Wilson E. (2020) Age Moderates Perceived COVID-19 Disruption on Well-Being. *The Gerontologist*. Vol. 61. No. 1: 30–35. DOI: 10.1093/geront/gnaa106.
- Lloyd-Sherlock P., Ebrahim S., Geffen L., McKee M. (2020). Bearing the Brunt of COVID-19: Older People in Low and Middle Income Countries. *British Medical Journal*. No. 368. Article No. m1052: 1–2. DOI: 10.1136/bmj.m1052.
- Nash P., Taylor T., Levy B. (2020) The Intersectionality of Ageism. *Innovation in Aging*. Vol. 4. Iss. Suppl. 1: 846–847. DOI: 10.1093/geroni/igaa057.3105.
- Pentaris P., Willis P., Ray M. et al. (2020) Older People in the Context of COVID-19: A European Perspective. *Journal of Gerontological Social Work*. Vol. 63. No. 8: 736–742. DOI: 10.1080/01634372.2020.1821143.
- Phillipson C., Yarker S., Lang L. et al. (2021) COVID-19, Inequality and Older People: Developing Community-Centred Interventions. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. No. 15. Article No. 8064: 1–14. DOI: 10.3390/ijerph18158064.
- Pit S., Fisk M., Freihaut W. et al. (2021) COVID-19 and the Ageing Workforce: Global Perspectives on Needs and Solutions Across 15 Countries. *International Journal for Equity in Health*. Vol. 20. No. 1. Article No. 221: 2–22. DOI: 10.1186/s12939-021-01552-w.
- Plagg B., Engl A., Piccoliori G., Eisendle K. (2020) Prolonged Social Isolation of the Elderly During COVID-19: Between Benefit and Damage. *Archives of Gerontology and Geriatrics*. Vol. 89. Article No. 104086: 1–2. DOI: 10.1016/j.archger.2020.104086.
- Richter A.S. (2020) Altern aus Intersektionaler Perspektive: Vorschläge zu Einer Mehrdimensionalen Konzeptualisierung Intersektionaler Altersforschung. *Zeitschrift für Gerontologie und Geriatrie*. Vol. 53. No. 3: 205–210. DOI: 10.1007/s00391-020-01689-3. (In Germ.)
- Riley M., Johnson M., Foner A. (eds) (1972) *Aging and Society. A Sociology of Age Stratification*. Vol. 3. New York: Russell Sage Foundation.
- Urry J. (2007) *Mobilities*. Polity: Cambridge – Malden.
- Vervaecke D., Meisner B.A. (2021) Caremongering and Assumptions of Need: The Spread of Compassionate Ageism During COVID-19. *The Gerontologist*. Vol. 61. No. 2: 159–165. DOI: 10.1093/geront/gnaa131.

OLDER PEOPLE AND THE PANDEMIC: SOCIAL EXCLUSION, HETEROGENEITY OF THE GROUPS OF SENIORS AND INTERSECTIONALITY OF AGE INEQUALITIES

KIENKO T.S.

Southern Federal University, Russia

Tatyana S. KIENKO, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of Social Technologies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (tskienko@sfedu.ru).

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the RSF, project No. 23-28-00134 "Social participation of older people in Russian regions in the post-pandemic period" at Southern Federal University.

Abstract. The article discusses the reactions of older Russians to the restrictions of the pandemic from the perspective of critical gerontology, sociology of space and intersectional approach based on 39 interviews collected in Russian regions in 2020–2022. In the context of the risks of coronavirus, inequalities in relation to older people and differentiation within the groups of seniors, have manifested and intensified. With considerable diversity, two typical ways in which older people respond to pandemic restrictions stand out: the first are outraged by them, the others do not notice them. The first type of reactions is demonstrated by people who maintained high physical mobility, social activity and involvement. With the advent of the pandemic, they experienced fear and indignation, they perceived the lockdown and self-isolation as a restriction of freedom. They tend to evaluate external assistance as annoying overprotectiveness, they are often ready to act as a subject, and not just an object of care. The second type of reactions is typical for people with limited mobility who are in contact with a narrow circle of people and social spaces, relying on external help from the family, helping professionals. They did not notice the limitations of the pandemic, nothing has changed in their lives. They accept self-isolation, social exclusion and external care as the norm. Active and mobile older people are "outraged" by the manifestations of objectification and exclusion ("murmuring"), those living in social isolation are ready for self-stigmatization, accepting exclusion as the norm ("resigned"). The ability to detect inequalities and resist them directly correlates with social inclusion, and exclusion reduces "sensitivity" to manifestations of structural inequalities. Self-stigmatization is indirectly supported by the normative dependence and low mobility of older people in the discourse of professional care. Age discrimination intersects with the normativity of social exclusion of immobile people, equating old age with disability, and is justified by the priority right to care. This actualizes the role of inclusive and intersectional approaches in the sociology of aging, social policy and practice.

Keywords: older people, groups of seniors, restrictions, mobility, social exclusion, structural inequality, age inequality, intersectionality.

Received: 08.08.22. Final version: 27.11.22. Accepted: 16.01.23.

Социологическая публицистика

© 2023 г.

Д.А. ДАВЫДОВ

МАРКСИЗМ В ПЛЕНУ У ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТИ

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (davydovdmiriy90@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматриваются попытки синтеза марксизма и концепций интерсекциональности. Такой синтез стал возможен благодаря эволюции марксизма, который все реже фокусировался на экономике и уделял больше внимания культуре. Интерсекциональный анализ завершает данную эволюцию, представляя классовую эксплуатацию как одну из пересекающихся «систем угнетения». Это означает, что только рассматривая все измерения расы, пола, сексуальности и класса в структурах капитализма и империализма, можно понять отношения власти в том виде, в каком мы видим их сегодня. Если революции рабочего класса так и не произошло, то последняя надежда – на объединение всех угнетенных с целью борьбы за равенство/справедливость, демократию/свободу и общность/солидарность. Но, как показано в статье, дискурсы интерсекциональности по причине стремления сочетать несочетаемые интересы и социальные представления «угнетенных» неспособны к конструктивному диалогу и поддержке внутреннего единства в борьбе с капиталистической системой. В данной связи ставится вопрос о перспективах дальнейшей эволюции (пост-) марксизма.

Ключевые слова: интерсекциональность • марксизм • постмарксизм • классовый анализ • социальная структура • критическая теория • критическая расовая теория • системное угнетение • ЛГБТК+ • феминизм • патриархат

DOI: 10.31857/S013216250024629-4

Введение. Марксистская социология и марксизм как таковой при всем его многообразии находятся в состоянии затяжного кризиса. Эпоха ожидания приближающейся социальной революции, предвещающей коммунистическое будущее, сменилась условным «состоянием постмарксизма»¹. «Классический марксистский треугольник был сломан, – констатирует Й. Терборн, – и не похоже, что он будет восстановлен» [Терборн, 2021: 241]. Под этим «треугольником» Терборн подразумевает триангуляцию трех «вершин», из которых складывались концептуальные основания марксизма в XX в.: 1) историческая социальная наука, изучающая капитализм; 2) философская диалектика, предполагающая множество этических выводов; 3) модус социалистической политики рабочего класса, предоставляющий дорожную карту для революции [Павлов, 2021а: 17]. Сегодня многие считают, что марксизм долгое время был чрезмерно «однбоким», экономикоцентричным (фаллологоцентричным?), игнорировавшим другие возможные способы угнетения, обусловленные скорее политикой и культурой, нежели экономикой: расизм,

¹ Под «постмарксизмом» можно понимать спектр теорий, которые наследуют проблематику классического марксизма (социальное неравенство, капитализм как сложная система эксплуатации и угнетения), но отнюдь не всегда наследуют его методы (классический классовый анализ с акцентом на изучение проблем рабочего класса, исторический материализм, утверждающий первостепенное значение «базиса», и т.д.).

сексизм, гомофобия, трансфобия, эйджизм, эйблизм и т.п. Поэтому логично, что одним из способов выхода из «марксистского тупика» видится постмарксистское стремление левых концептуально переосмыслить пересекающиеся «системы угнетения», чтобы попытаться суммировать освободительную энергию всех угнетенных, направив ее против капитализма (синтез марксизма и интерсекциональности). Считается, что классовая борьба должна быть частью *более широкого движения*, ведь, как отметил Э.О. Райт, даже если различные группы «угнетенных» (например, темнокожие, женщины, представители ЛГБТК+ сообщества) имеют разные интересы, их *объединяют* общие ценности в моральной критике капитализма: равенство/справедливость, демократия/свобода и общность/солидарность [Wright, 2021: 15].

В настоящей статье мы попытаемся показать, что какие бы надежды ни возлагались на становящийся все более популярным концепт интерсекциональности, он скорее лишь усугубляет имеющееся кризисное состояние не только марксизма, но и всей левой социологии. Политика идентичности порождает множество культурных противоречий и конфликтов, разрушает общий «жизненный мир». Это не значит, что марксизм должен фокусироваться исключительно на классовом антагонизме, игнорируя выходящие за его пределы противоречия. Однако возможна и другая ветвь (пост)марксизма²: сторонящегося политики идентичности, стремящегося к универсальному и общечеловеческому.

Синтез марксизма и интерсекциональности? Термин «интерсекциональность»³ впервые появился в работах американской юристки, защитницы гражданских прав и философа К. Креншоу, заметившей, что антидискриминационные законы в США рассматривали пол и расу отдельно, и, следовательно, афроамериканские женщины и другие цветные женщины сталкивались с частично совпадающими формами дискриминации, и закон, не зная, как их объединить, оставляет этих женщин без должного правосудия [Crenshaw, 1989; 1991]. Ключевая идея достаточно проста: представители разных групп могут подвергаться различным формам дискриминации/эксплуатации/угнетения; эти формы (и институты, их порождающие) зачастую пересекаются, накладываются друг на друга, усиливая негативные эффекты.

Креншоу является автором ключевой метафоры, но сами теоретические основы интерсекционального анализа уже относительно давно находились в инструментарии левых теоретиков, особенно темнокожих феминисток вроде О. Лорд, которая в 1970–1980-е гг. излагала примерно те же идеи [Лорд, 2022]. Позже концепт интерсекциональности расширится на другие «смежные» области: не только раса и гендер, но и *класс*, сексуальная ориентация, гражданство, состояние здоровья, возраст. П.Х. Коллинз, подытоживая историю развития концепта интерсекциональности, выстраивает следующий набор принципов, которым должен следовать соответствующий анализ: «(1) раса, класс и гендер относятся не к единичным, а к пересекающимся системам власти; (2) конкретное социальное неравенство отражает эти отношения власти от одной ситуации к другой; (3) индивидуальные и коллективные (групповые) идентичности расы, гендера, класса и сексуальности социально конструируются в рамках множественных систем власти; и (4) социальные проблемы и средства их решения являются сходным образом пересекающимися явлениями» [Collins, 2019: 39].

Конечно, интеллектуальные корни марксизма и концепций интерсекциональности (П.Х. Коллинз, Б. Хукс, Д. Кинг и др.) не совпадают. Последние вышли из феминизма, который эволюционировал под воздействием постструктурализма, плавно переходя от анализа формальных прав и свобод к изучению социальной структуры и дискурсов как подвижных знаковых систем, обуславливающих «групповой» взгляд на мир (политика

² Будем считать, что условное добавление приставки «пост» здесь означает, что марксизм теряет исключительный фокус на классической классовой борьбе рабочего класса и буржуазии. Хотя мы предпочтем говорить далее о марксизме как об открытой для дальнейшей эволюции теоретической системе: постмарксизм – это и есть марксизм, но сильно изменившийся.

³ Интерсекциональность, или теория пересечений, – это исследование пересечения различных форм или систем угнетения, доминирования или дискриминации.

идентичности). Марксизм же долгое время считался «западоцентричным», рационалистическим и «экономически-редуктивным» направлением, отражавшим «мужской», чисто (или в основном) «классовый» взгляд на мир. Тем не менее, как показывает в книге «Марксизм и интерсекциональность» Э.Дж. Борер, интерсекциональность и марксизм частично имеют общую историю, набор теоретических наследий, а некоторые из самых инновационных и интересных работ были выполнены в рамках соответствующего теоретического синтеза. Как она утверждает, сами Маркс и Энгельс писали о рабстве, империализме, колонизации и угнетении женщин, а также о расистских и милитаристских экспансиях европейского капитализма через рабство, колонизацию и империализм. Как она замечает, многие темнокожие феминистки были при этом марксистками (вроде А. Дэвис). Изменялся и сам марксизм, становясь все более «грамшианским» и «фуколдианским», сосредоточенным не столько на экономике, сколько на культуре. И хотя сегодня еще остается значительное количество марксистов (Борер ссылается здесь на Д. Харви), для которых сфера экономики (как базис, фундирующий надстройку) является «первичной», уже нет никаких серьезных концептуальных преград для интеграции марксизма в интерсекциональный анализ. Для этого марксизму нужно отказаться от тезиса, что все формы угнетения детерминированы «в конечном счете» классовой эксплуатацией. «Схема такой теории, – пишет Борер, – выражается с помощью четырех позиций. 1. Капитализм не может быть сведен только к эксплуатации. 2. Капитализм нельзя свести только к классу. 3. Класс не может сводиться только к эксплуатации. 4. Раса, пол, сексуальность не могут быть сведены только к социальному угнетению» [Bohrer, 2019: 204].

Необходимость синтеза марксизма и интерсекциональности обосновывается как желанием учесть разнообразный опыт всех угнетенных/эксплуатируемых (в дальнейшем для удобства будем употреблять слово «угнетение», подразумевая в т.ч. и эксплуатацию), так и подчеркиванием «эндогенности» тех или иных форм угнетения для капитализма. Так, У.Э.Б. Дюбуа считал, что представители белого рабочего класса в США конца XIX в. не стремились объединяться с темнокожими рабочими, поскольку получали своеобразную «психологическую заработную плату» (psychological wage): в чисто материальном плане обе данные социальные прослойки были крайне уязвимыми, но белые получали символическую компенсацию в форме уважения, самой принадлежности к высшей «касте» [Du Bois, 1964: 670–711]. Эту логику можно продолжить применительно к современности: капитализм силен, так как способен дробить общество на группы, затрудняя создание сильных антикапиталистических коалиций. Именно для этого необходим интерсекциональный анализ, способный показать, где именно скрыты «точки пересечения» разных форм господства (если разрешить межгрупповые противоречия, вероятность создания сильных антикапиталистических коалиций повышается). Марксизм также мог бы быть полезен своим акцентом на классе, поскольку в последнее время политика идентичности «колонируется» капитализмом. Как утверждает Д. Редигер, «ряду авторов было слишком легко предположить, что наши трудности были вызваны большим вниманием к расе, полу или сексуальности (там, где массовые движения также провели некоторые значительные реформы) и недостаточным вниманием к классу» [Roediger, 2017: 15].

Таким образом, складывается своеобразная синтетическая интеллектуальная конструкция, призванная: а) учесть разные формы угнетения; б) разрешить межгрупповые противоречия, добившись «социальной справедливости»; в) способствовать выстраиванию эгалитарных и справедливых социальных институтов, от которых в конечном итоге выиграли бы все (или подавляющее большинство). Для марксизма это шанс перестать быть теорией, авторами которой являются «мертвые белые мужчины», а также объединить усилия с различными группами «угнетенных», а потому приблизить борьбу всех недовольных капитализмом к социальной революции. Тем не менее на практике эта идея сталкивается с чередой серьезных препятствий.

Интерсекциональность расходящихся дорог. Для того чтобы продемонстрировать, почему интерсекциональный анализ является на самом деле «интерсекциональностью

расходящихся дорог», следует отдельно раскрыть проблематичность его ключевых теоретических оснований. Данные основания можно объединить в три главных тезиса: а) *угнетение многослойно*: тот, кого притесняют по одному признаку, может быть «угнетателем» по другому; б) *все системы угнетения равнозначны и взаимосвязаны*; в) *разный опыт представителей угнетенных групп должен быть учтен*, так как он способствует формированию эмпатических чувств и дальнейшей солидаризации. Разберем каждый из этих пунктов.

Угнетение многослойно. Преимущество концепций интерсекциональности быстро становится их главной уязвимостью. Казалось бы, тезис о том, что кто-то может быть подвержен более чем одной разновидности дискриминации, позволяет, с одной стороны, усилить критику капитализма, с другой – сблизиться с теми группами, которые до того смотрели на левые проекты, организованные преимущественно белыми мужчинами, с изрядной долей недоверия. Но данная логика становится яблоком раздора, как только начинают конструироваться соответствующие иерархии угнетения. Бывшие «жертвы» быстро становятся «угнетателями». Мужчины-пролетарии «угнетают» белых женщин из рабочего класса, но белые женщины сами наделены привилегиями относительно цветных женщин; они, в свою очередь, привилегированны, если здоровы, гетеросексуальны, обладают всем набором гражданских прав, исповедуют христианство и т.п. Эту цепочку можно продолжать достаточно долго до тех пор, пока перебор различных идентификационных конфигураций не столкнется с прецедентом предельной маргинализации. В идеале наименьшая «жертва» должна признать свои привилегии относительно тех, кто находится в более уязвимом положении, и делать все возможное, чтобы справиться с ними (как на распространенных на Западе тренингах по «разнообразию»). Те, кто более уязвим, как бы «помогает» наименее уязвимым осознать свое положение в своеобразном интерсекциональном «диалоге», способствующем общему «пробуждению» (wokeism).

Разумеется, такая картина чрезвычайно идеалистична. Дискурс сторонников интерсекциональности в большинстве случаев напоминает борьбу за более выгодное расположение в иерархии угнетения, причем критика нацеливается не столько на капиталистов в лице белых гетеросексуальных мужчин, сколько на ближайших соседей по самой «иерархии угнетения». Так, книга темнокожей феминистки лесбиянки О. Лорд «Сестра отверженная» (впервые опубликована в 1984 г.) почти полностью состоит из критики «белого» феминизма, а также темнокожих, которые не могут прийти к компромиссу и объединиться, так как разделяют разные религиозные убеждения, взгляды на нетрадиционную сексуальность и пр. [Лорд, 2022]. Спустя почти 40 лет будто бы ничего не изменилось, а критика т.н. «белого» феминизма едва ли не более актуальна, чем критика капитализма или патриархата. Обложка книги Р. Закарии «Против белого феминизма» пестрит словом «ПРОТИВ», оно дублируется с эффектом наложения, демонстрируя, насколько силен негативный посыл автора. Белые феминистки в ней изображаются невежественными, надменными, склонными бездумно «присваивать» культуру Востока, пользуясь белыми привилегиями, которые дарует им патриархат, дружественными по отношению к западному империализму и колониализму, не понимающими другие, незападные культуры. Дело доходит до стремления фактически «отменить» таких культовых авторов в истории феминистской мысли, как С. де Бовуар (так как она была белой и не учла в своем анализе «интерсекциональную» составляющую) [Zakaria, 2021: 49]. В данной критике есть свои зерна истины. Однако вопрос, в какой степени белые феминистки фактически «притесняют» небелых или их «недопонимают», сводится к чисто субъективным оценкам. Если учесть, что в подобных теориях главной проблемой является «подсознательное»⁴, определяемое «структурными» факторами, то почти любые явления или события, расцениваемые

⁴ Р. ДиАнджело: «Мы можем думать о сознательном расовом сознании как о верхушке айсберга, о поверхностных аспектах нашей расовой социализации: о наших намерениях (всегда хороших!) и о том, что мы должны признать, что видим (ничего!). Между тем под поверхностью скрывается огромная глубина расистской социализации: сообщения, убеждения, образы, ассоциации, внутреннее превосходство и права, восприятие и эмоции» [DiAngelo, 2018: 58].

контрагентами как нежелательные, можно *post hoc* объяснить расизмом или каким-то другими формами предвзятости (личные неудачи оправдывают «системой», дискриминацией и т.д., что похоже на теории заговора). Это благодатная интеллектуальная почва для фактически бесконечных споров между теми, кто по идее должен быть между собой солидарен и искать точки соприкосновения, а не расхождения.

В этом плане весьма показательно, как подчас доходящая до абсурда критика «привилегий белых» и патриархата оборачивается конфликтом с представителями белого рабочего класса, наиболее пострадавшими от деиндустриализации и глобализации. Как отмечают Э. Кейс и А. Дитон, после поправки на инфляцию медианная заработная плата американских мужчин оставалась неизменной в течение полувека; для белых мужчин без четырехлетнего диплома средний заработок потерял 13% покупательной способности в период с 1979 по 2017 г. [Case, Deaton, 2020: 7]. Они замечают, что белый рабочий класс – фактически единственная группа в США, представители которой испытывают сокращение продолжительности жизни. Также среди них растет количество «смертей от отчаяния», вызванных частыми случаями передозировки наркотиками (включая передозировку алкоголем), самоубийствами и алкогольной болезнью печени. Сей феномен можно объяснять удручающей экономической ситуацией, с которой сталкиваются обычные люди, не видящие перед собой особых перспектив. Но сами Кейс и Дитон считают, что здесь также имеет место переплетение многих факторов: упадок семьи, общины и религии [Case, Deaton, 2020]. Иная картина видится сторонникам интерсекциональной «критической теории». И. Уилкерсон в своей книге-бестселлере утверждает, что в США все еще сохраняются касты. Для нее объяснение упадка белого рабочего класса достаточно простое: они буквально *расстроились* из-за постепенных успехов темнокожих (в чем, к слову, противоречие самой позиции Уилкерсон), а потому испытывают депрессию и обращаются к алкоголю и наркотикам. «С психологической точки зрения о людях, умирающих от отчаяния, – пишет она, – можно сказать, что они умирают от краха иллюзий, от обнаружения дыр в догмате веры в то, что унаследованное, невысказанное превосходство, естественная заслуга перед подчиненными кастами обеспечит им достойное место в иерархии» [Уилкерсон, 2022: 209]. Такое отношение к проблемам белого рабочего класса, затенение реальной классовой проблематики неким обвинительным психоанализом делает проект интерсекционального альянса заведомо несостоятельным.

Все системы угнетения равнозначны и взаимосвязаны. Согласно одному из спорных постулатов интерсекциональности все системы угнетения равнозначны, то есть их не стоит ранжировать по степени значимости; «...решение проблем угнетения, эксплуатации, маргинализации или исключения в одной оси волшебным образом не решит другие, и, более того, в сочетании с описанной выше неаддитивной концептуализацией означает, что ни один конкретный вид угнетения не может быть решен без решения всех остальных» [Bohger, 2019: 92]. Из тезиса о равнозначности систем угнетения, к примеру, следует, что *трансфобия или эйджизм так же фундаментальны, как и классовая эксплуатация*. Данная риторика рано или поздно приводит к противоречиям. Например, «классисты» дискутируют с «идентитаристами» с целью выяснить, виноват ли в тех или иных проявлениях «системного неравенства» (например, неравенство доходов) капитализм или, скажем, расизм (резонно спросить, виноват ли во многих случаях и капитализм, но это тема для отдельного исследования). Для сторонников идеи интерсекциональности расизм не в меньшей степени ответственен за социально-экономическое положение темнокожих, чем капитализм как таковой (а то и в большей). В экстремальных случаях утверждается, что США буквально *основаны на расизме*, а потому американскую историю нужно начинать с 1619 г., когда в Вирджинию прибыл первый корабль с темнокожими [Hannah-Jones, 2021].

Совсем иначе мыслят те, кто видит капитализм и классовую эксплуатацию более фундаментальными и значимыми, чем расизм. К примеру, Т.Ф. Рид показывает, что разные этнические группы в США легко переплавлялись в «плавильном котле» в первой половине XX в., поскольку бурный экономический рост способствовал восходящей мобильности:

отсутствие образования не мешало находить приличную работу, устраивать детей в колледж, которые, в свою очередь, добивались больших успехов, и т.д. С темнокожими, обретшими все формальные права после 1960-х гг., было бы примерно так же, если бы не наступил кризис 1970-х и не были бы ощутимы последствия деиндустриализации и глобализации. Темнокожие (не все, но наиболее бедные) оказались во всех возможных «ловушках бедности» в условиях, когда восходящая мобильность напрямую зависит от доступа к дорожающему образованию. Эту проблему можно было бы решить, если признать первичность именно классовой, экономической составляющей неравенства. Однако т.н. «идентитаристы», согласно Риду, постоянно отвлекают внимание от неравенства *материальных возможностей*: «несмотря на то, что афроамериканцы долгое время были чрезмерно представлены среди неквалифицированных рабочих и служащих государственного сектора, послевоенные либеральные политики обычно игнорировали влияние на темнокожих таких вопросов, как автоматизация, деиндустриализация, сокращение государственного сектора и упадок профсоюзного движения. Вместо этого современные либеральные усилия по борьбе с бедностью, как правило, связывают программы макроэкономического роста с сочетанием антидискриминационной политики, культурной опеки, профессиональной подготовки и карательных мер, начиная от реформы социального обеспечения и заканчивая тюремным заключением» [Reed, 2020: 17]. Конечно, «правильный» интерсекционализм должен учитывать все аспекты угнетения, включая классовые. На словах так действительно делается. Но ограниченность материальных ресурсов предполагает выстраивание приоритетов, подчеркивание наиболее важных проблем. *Допущение о равнозначности систем угнетения является, таким образом, еще одним источником разногласий, когда дело доходит до конкретной политики.*

Не менее проблематичен тезис о взаимосвязанности и взаимообусловленности систем угнетения. Сам по себе он бесспорен, если исходные допущения теоретиков истинны. Но такой подход быстро мутирует в нечто вроде религиозной убежденности в «непорочности» вообще любых «жертв» и веры в абсолютно «злую» природу всего того, что можно обозначить как «угнетение». Эта логика также становится чрезмерно обаяющей: если все системы угнетения равнозначны и переплетены, то отказ от веры в любую из них грозит исключением из всего движения «левых» (если кто-то сомневается в трансгендерной идеологии, то он трансфоб, а это почти то же самое, что гомофоб, а тут недалеко до фашизма). Но аргументы сторонников интерсекциональности не равнозначны, как и сами идентичности «угнетенных». Разница между гомосексуалами и трансгендерами – типичный пример. Гомосексуальность – это сексуальность, ее «принятие» не приводит к необратимым последствиям для организма. Трансгендерность же подразумевает, что «переход» обычно ведет к таким последствиям (мастэктомия, орхидэктомия, долгий прием гормонов противоположного пола и многое другое). В последнее время гендерные активисты выступают за максимальное снижение возраста «принятия» гендерной идентичности. По их мнению, нужно позволять детям младшего возраста (один из последних заголовков: «Калифорнийская гендерная клиника принимает пациентов в возрасте 2 лет»⁵) самим решать, кто они в гендерном «спектре» (мальчики, девочки, небинарные личности и т.д.). При этом уже имеют место практики разрешения людям, не достигшим совершеннолетия, вмешиваться в естественные процессы полового созревания. Как утверждает активистка (транс-женщина) Ш. Фэй, можно задержать половое созревание ребенка с помощью препаратов, подавляющих выброс половых гормонов. Блокаторы полового созревания предназначены в первую очередь для того, чтобы «дать ребенку и его семье больше времени для обдумывания своей гендерной идентичности» [Faue, 2021: 83]. Нашлись те, кто не смог принять столь экстремальное усиление «левых» дискурсов. Причем наиболее яркими критиками «зашедшего слишком далеко» гендерного

⁵ См.: <https://thepostmillennial.com/california-gender-clinic-treats-patients-as-young-as-2-years-old> (дата обращения: 20.08.2022).

активизма стали некоторые феминистки (так как сегодня наблюдается «эпидемия» переходов «из девочек в мальчики») [Shrier, 2020; Joyсе, 2021; Stock, 2021]. Х. Джойс, к примеру, ссылается на исследования, согласно которым блокаторы полового созревания останавливают отложение кальция в костях, а также способствуют снижению IQ [Joyсе, 2021: 55]. Э. Шриер приводит данные исследования, показавшего, что 70% детей с гендерной дисфорией в конечном итоге перерастают ее [Shrier, 2020: 17]. Иными словами, столь быстрое принятие (западным) обществом трансгендерности и стремление идти на поводу у детей с их «идентичностями» (из-за страха перед существенно преувеличенной вероятностью самоубийств) чреваты ростом количества случаев роковых действий, влекущих за собой такие неприятные последствия, как бесплодие или затормаживание интеллектуального развития. Некоторые комментаторы указывают, что быстро развивающаяся мода на трансгендерность стала следствием «эффекта колеи»: если не ошиблись с гомосексуальностью и прочими «освободительными» движениями, то и с трансгендерностью не должно быть никаких проблем. Здесь и вступает в силу «обязывающий» эффект. Как замечает Э. Шриер, «вопросы, связанные с трансгендерным здравоохранением, настолько политизировались, что основная проблема психического здоровья стала полностью скрытой. Гендерно-критичные феминистки используют такие выражения, как “женоненавистничество”, “патриархат”, “мужское доминирование”. И трансгендерные активисты достаточно счастливы вести спор на этом языке, ибо любой язык лучше, чем разговоры о психических заболеваниях и клиническом лечении симптомов» [ibid.: 104].

Разный опыт представителей угнетенных групп должен быть учтен. Наконец, еще одна не менее проблематичная основа теорий интерсекциональности – убежденность в том, что опыт различных «угнетенных» групп может быть приведен к некоему общему знаменателю, обобщен и нацелен на достижение общих целей. «Диалогическая работа над различиями во власти, – пишет П.Х. Коллинз, – требует какой-то общей цели, видения или объединяющей структуры, чтобы не подавлять различия, а скорее скреплять их. Социальная справедливость (или другой термин, выражающий аналогичную этическую чувствительность) может обеспечить эту объединяющую основу» [Collins, 2019: 276–277]. Но постоянное расширение и усложнение интерсекционального анализа не может не влечь за собой учащения «критических ошибок».

Преимущественно конструктивистская основа интерсекциональных дискурсов не способствует диалогу, поскольку консенсус обычно требует очевидного и бесспорного знания, исключаящего двойные толкования. Но дискурсы современных западных «левых» обычно складываются из достаточно спорных *интерпретаций*. К примеру, К. Гиллиган и Н. Снайдер отвечают на вопрос «почему патриархат все еще существует?» следующим образом. В детстве мальчики и девочки проходят стадию «социальной инициации», когда впитывают представления о том, что мужчина должен быть сдержанным, не проявлять лишней раз эмоций, а женщина – терпимой и скромной. С помощью такого психоанализа они объясняют почти все негативные явления, возникающие в отношениях между мужчинами и женщинами. Мужчины стремятся к власти и независимости, а потому эмоционально «закрываются», а женщины – терпят обиды и забывают о своем подлинном «я» [Гиллиган, Снайдер, 2021]. Мало того, что в данной книге представлена, по сути, карикатура на мужчин (они якобы неспособны по-настоящему дружить, т.к. в каком-то возрасте «предают» свою дружбу в угоду карьере), но авторы игнорируют физиологические объяснения мужского самообладания и женской скромности. Даже читывая всю особенность аргументации и отсутствие злого умысла у авторов, их идеи способны вызывать ощущение несправедливого обвинения: якобы во взаимоотношениях между полами неизбежно зло мужского «угнетения» женщин, которые в силу своей скромности теряют собственное «я». Другой пример – концепт «хрупкости белых» Р. ДиАнджело [DiAngelo, 2018], согласно которому все белые в США – расисты, даже если всячески это отрицают и не хотят в это верить. Расизм, согласно ДиАнджело, настолько повсеместен, что никто не избегает его воздействия на подсознательное. Опять же, в анализе ДиАнджело есть

свои зерна истины хотя бы в рассуждениях о неравных стартовых возможностях белых и темнокожих, но ярлык расизма, навешиваемый на белых вообще, даже если они во всех смыслах идеальные люди, вызывает закономерный вопрос: не является ли представление о всех белых как расистах расистским?

Масла в огонь подливает странное сочетание призывов «понимать» опыт других и критики т.н. «культурного присвоения». В итоге все дороги ведут к взаимным обвинениям в фанатизме. «Если вы белый мужчина, которого сексуально не привлекают темнокожие женщины, – пишет Г. Саад, – вы виновны в сексуальном расизме (да, такой термин существует). Если вы белый мужчина, которого привлекают темнокожие женщины, вы – расистский фанатик, считающий черных женщин сексуально ненасытными и объективирующий их тела. Подключите любую группу жертв к этому уравнению, и оно сработает так же. Как мы все знаем, институциональная расовая сегрегация представляет собой фанатизм, но теперь то же самое относится и к стремлению погрузиться в культурные практики других, что делает вас виновными в фанатизме “культурного присвоения”. Гомеостаз виктимологии гарантирует, что все дороги ведут к фанатизму...» [Saad, 2020: 105].

Концепции интерсекциональности постоянно усложняются, чтобы включить непрерывно множасьщиеся идентичности (одних только гендеров насчитывается более 50). При этом здесь мы имеем дело с особенностями «группового мышления», с групповым «опытом» и групповыми представлениями о мире, которые рано или поздно начинают друг другу противоречить. Классический пример – несопоставимость опыта женщин и трансгендерных женщин. «Пока вся эта политика сексуальной идентичности марширует через парадную дверь, – пишет Э. Шриер, – происходит крупномасштабное ограбление: кража женских достижений. Чем невероятнее женщина, чем больше барьеров она преодолевает, тем более “гендерно неконформной” она считается. В этой извращенной схеме, по определению, чем удивительнее женщина, тем меньше она считается женщиной» [Shrier, 2020: 57]. Конфликт разворачивается даже на уровне языка: «транс-инклюзивное умаление женственности становится все более распространенным явлением. Женщин называют “заводчиками” или “кровопускателями”. Те, кто использует эту терминологию, утверждают, что она предлагает более чувствительный способ обращения к биологическим женщинам, так что транс-женщины не чувствуют себя исключенными. Но что он предлагает настоящим девушкам, кроме членства в группе, описанной настолько гротескно, что они вряд ли захотят к ней принадлежать? Наши биологические способности настолько низведены, что молодая девушка может смотреть в будущее только с отвращением, если не с ужасом» [ibid: 119]. Отдельная конфликтная тема – доступ сохраняющих мужскую физиологию транс-женщин в женские раздевалки, туалеты, тюрьмы. Случаи допуска транс-женщин в женский спорт вплоть до Олимпийских игр стали мировым скандалом и прямой дискриминацией женщин [Blade, Kay, 2021].

Наконец, политика, реализуемая, казалось бы, в интересах одних «угнетенных», может быть совершенно неприемлема для других. Так, Р. Закария критикует т.н. «секс-позитивный» феминизм, поскольку, по ее мнению, сексуальное освобождение женщин в западных странах сделало их «принудительно сексуальными», а потому «объективация» так и не была преодолена. Капитализм «колонизировал» их сексуальность [Zakaria, 2021: 101–132]. Но это, по сути, лишь мнение «восточной» феминистки и отражение ее «восточного» взгляда на мир. Мы не можем четко отделить «объективацию» и «колониализацию» от свободного выбора. Она также пишет, что многие феминистки инвестировали в войну с терроризмом, стремились использовать американскую военную мощь для продвижения американских ценностей во всем мире (колониализм) [Zakaria, 2021: 77–100]. Э. Эванс и Э. Лепинар, редакторы сборника «Интерсекциональность в феминистских и квир-движениях», пишут о подобном явлении, обозначая его термином «фемонационализм». Там же мы встречаем термин «гомонационализм», связанный с инструментализацией прав ЛГБТ, таких как однополые браки, крайне правыми и консервативными правительствами, чтобы изобразить сообщества иммигрантов отсталыми, враждебными правам

геев и, следовательно, нуждающимися либо в изгнании, либо в реформировании [Evans, Lépinard, 2020: 1–26]. Проблема в том, что такие вещи крайне неоднозначны. Для одних людей служба женщин в армии есть огромное достижение в деле борьбы за равенство; для других – свидетельство «заражения» феминизма колониализмом.

Примеров «неразрешимых» противоречий в политике идентичности огромное множество. Г. Саад приводит показательный кейс: «В Виндзоре, Онтарио, транс-женщина подала жалобу о нарушении прав человека на спа-центр, отказавшийся предоставить “ей” услуги эпиляции воском. Мастер, мусульманка, по понятным причинам воздерживалась от восковой эпиляции биологического мужчины. Это был захватывающий случай с VictimologyPoker. Кто одержит верх: мусульманка или транс-женщина?» [Saad, 2020: 81–82]. Все это, в сущности, критические ошибки, которые копятя в «системном коде» концепций интерсекциональности, что приводит к большим системным «сбоям». *То есть мы видим не единство и солидарность в борьбе за светлое будущее, а скорее «войну всех против всех».*

Заключение. В опубликованной в «Социологических исследованиях» статье «Постмарксизм в социологии» А.В. Павлов прослеживает эволюцию марксизма, отвечая на вопрос, как он стал постмарксизмом. Западный марксизм действительно претерпел серьезные изменения. Некоторые школы и направления стали уделять больше внимания анализу культуры, не экономики. Многие авторы порвали с самим историческим материализмом, все чаще обращаясь к анализу дискурса, перенимая опыт постструктурализма. Веры в «изолированную» революцию рабочего класса больше нет. Путь социальной революции лежит через объединение классового и «культурного» анализа с целью построения «синтетической» критической теории, которая могла бы сблизить борьбу человечества со всеми формами угнетения (в конце концов, их подчас трудно отделить, ибо в капитализм «вшиты» расизм, сексизм, гетеронормативность и прочее). А.В. Павлов считает, что сегодня почти любого радикального социального теоретика, работающего в парадигме марксизма, можно назвать постмарксистом. «В конце концов, – пишет он, – постмарксизм остается марксизмом» [Павлов, 2021б: 136]. Такая точка зрения подразумевает наличие преемственности. Да, марксизм сильно изменился, но вслед за Э.О. Райтом можно утверждать, что все «постмарксистские» дискурсы объединяет борьба за равенство/справедливость, демократию/свободу и общность/солидарность. Поэтому осуществляемый сегодня синтез марксизма и дискурсов интерсекциональности – якобы лишь еще один закономерный шаг в интеллектуальной эволюции марксистской мысли.

Однако вполне допустимо, что подобный взгляд ведет в тупик. Найти четкую грань между настоящей борьбой за «социальную справедливость» и борьбой за групповые интересы в ущерб всем остальным практически невозможно. *Современная политика идентичности не приближает, а отдаляет предполагаемое состояние солидарности и диалога всех левых сил, так что ее вполне можно обозначить как новый этап «войны всех против всех».* В этом смысле резонен вопрос: должен ли марксизм эволюционировать в сторону выявления все новых идентичностей и противопоставления их некоему «системному угнетению», способствуя дальнейшей социальной фрагментации? Можно вспомнить, что классики марксизма говорили не только о том, что разделяет людей (классовый антагонизм), но и о том, что их потенциально может связать, независимо от гендера, пола, сексуальности или каких-либо других социальных черт. *Вероятно, тем, кто всерьез рассчитывает думать о коммунизме, придется встать в оппозицию по отношению к многочисленным дискурсам интерсекциональности, а в своих утопиях и программах ставить всеобщее превыше частного и группового.*

Но здесь начинаются главные сложности. Что значит всеобщее/универсальное, противопоставленное партикулярному? Т. Мак-Гован предлагает свой рецепт. По его мнению, выход за пределы отдельных идентичностей лежит в универсалистском проекте борьбы за абстрактные свободу и равенство. Проблема только в том, что в данном случае критика политики идентичности парадоксальным образом превращается в ее апологию,

ведь «преодоление» идентичностей есть вступление в политику идентичности. Мак-Гован в итоге попадает в те ловушки, в какие попали теоретики интерсекциональности, поскольку неизбежно занимает «идентитарную» позицию, даже пытаясь ее отрицать: от интеллектуального наследия С. де Бовуар в деле уничтожения «женской инаковости» до всецелого одобрения деятельности таких якобы «универсалистских» движений, как Black Lives Matter⁶. Думается, к схожим результатам придут оставшиеся в стороне от новых интеллектуальных веяний марксисты, критикующие политику идентичности и считающие единственно универсальным классовый анализ (см., напр.: [Garnham, 2021]). Проблема не в том, что, как верно замечают такие критики, классовый анализ был отодвинут на второй план⁷, а в том, что имеющиеся противоречия между «угнетенными» не стоит редуцировать только лишь к негативным проявлениям капитализма.

Иная перспектива – признать, что *политика идентичности – просто не дело марксизма*. Как только марксист попадает в поле политики идентичности, он неизбежно становится ее субъектом, а потому способствует дальнейшей фрагментации общества. Одна из задач марксизма, если он все еще хочет надеяться на коммунизм, заключается в *собираании, а не дроблении опыта*: социальной фрагментации противопоставляется *поиск того, что объединяет людей независимо от всех их социальных принадлежностей, а это не ограничивается стремлением к преодолению классового антагонизма, но больше связано с культурой, «жизненным миром»*. Это также означает обращение к таким проблемам, которые *безразличны к цвету кожи, сексуальной ориентации, гендеру и т.п.* Есть много того, что можно описать как *человеческие страдания и человеческие мечты*. Когда падает самолет и гибнут люди, мы можем испытывать сочувствие и сострадание, независимо от «идентичностей». Когда мы мечтаем о мире, где творческие дарования всех без исключения будут реализованы, то осознаем, что здесь имеет место радость, которую способен испытать каждый. Если одна из проблем политики идентичности и интерсекциональности в чрезмерном акценте на партикулярном (к тому же отвлекающем от больших проблем человечества), то резонно пытаться вновь сфокусироваться на *всеобщем*. Тогда важнейшей задачей становится *борьба за внимание*. Современные западные «левые» дискурсы настолько зациклены на таких «вещах», как гениталии или цвет кожи, что никто всерьез не ассоциирует их с будоражащим воображение дружным покорением космоса людьми светлого коммунистического будущего, не говоря уже о чем-то совсем нереалистичном, но не менее волнующем, вроде всеобщего воскрешения. Быть может, марксизм – это *прежде всего* нечто о любви между людьми, несмотря на их различия, нечто о прощении, а не об обиде?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Гиллиган К., Снайдер Н. Почему патриархат все еще существует? М.: ВЛШЭ, 2021. [Gilligan C., Snider N. (2021) *Why Does Patriarchy Persist?* Moscow: VSHE. (In Russ.)]
 Лорд О. Сестра-отверженная. Эссе и выступления. М.: No Kidding Press, 2022. [Lorde A. (2022) *Sister Outsider: Essays and Speeches*. Moscow: No Kidding Press. (In Russ.)]

⁶ Мак-Гован, к примеру, повторяет известные мифы о якобы повальном расизме американской полиции (см. разоблачение этих мифов: [Horowitz, 2021]). «Вот почему нельзя формулировать универсальность, – пишет он, – говоря “Все жизни имеют значение” вместо “Жизни черных имеют значение”. Это молчаливое признание того, что жизни белых имеют большее значение» [McGowan, 2020: 51].

⁷ См., напр., один из текстов на сайте марксистско-ленинской организации Red Youth: «Конечно, интерсекционалисты не справляются с этой задачей, для них “белый цисгендерный мужчина” по своей сути является злом в их глазах и не может понять бедственное положение гетеросексуального черного мужчины, который, в свою очередь, не может понять бедственное положение черной женщины-лесбиянки, которая, в свою очередь, не может понять бедственное положение транс-женщины. Ну, конечно, если отбросить классовое противоречие как основное противоречие, то нельзя найти никакой общей почвы – только нездоровая “конкуренция угнетений”, если верить меткому термину Майкла Ферранти! Такова умственная гимнастика наших пагубных друзей-антикоммунистов». URL: <https://redyouth.org/red-youth/against-intersectionality-a-warning-to-young-communists/>

- Павлов А.В. Постмарксизм без знака вопроса: радикальная социальная теория Йорана Терборна // Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? М.: ВШЭ, 2021а. С. 7–25. [Pavlov A.V. (2021a) Post-Marxism without a Question Mark: Göran Therborn's Radical Social Theory. In: Therborn G. *From Marxism to Post-Marxism?* Moscow: VSHE: 7–25. (In Russ.)]
- Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть II // Социологические исследования. 20216. № 5. С. 129–138. [Pavlov A.V. (2021b) Post-marxism in sociology. Part II. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 129–138. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250014311-5.
- Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? М.: ВШЭ, 2021. [Therborn G. (2021) *From Marxism to Post-Marxism?* Moscow: VSHE. (In Russ.)]
- Уилкерсон И. Касты. Истоки неравенства в XXI веке. М.: Эксмо, 2022. [Wilkerson I. (2022) *Caste: The Origins of Our Discontents*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)]
- Blade L., Kay B. (2021) *Unsporting: How Trans Activism and Science Denial are Destroying Sport*. Toronto: Rebel News Network Ltd.
- Bohrer A.J. (2019) *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*. Bielefeld: Transcript-Verlag.
- Case A., Deaton A. (2020) *Deaths of Despair and the Future of Capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Collins P.H. (2019) *Intersectionality as Critical Social Theory*. Durham: Duke University Press.
- Crenshaw K.W. (1989) Demarginalizing the intersection of race and sex: A Black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics. *University of Chicago Legal Forum*. No. 18: 139–167.
- Crenshaw K.W. (1991) Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color. *Stanford Law Review*. No. 43 (6): 1241–1299.
- DiAngelo R. (2018) *White Fragility: Why It's So Hard for White People to Talk About Racism*. Boston: Beacon Press.
- Du Bois W.E.B. (1964) *Black Reconstruction in America: 1860–1880*. Cleveland: Meridian Books.
- Evans E., Lépinard É. (2020) Confronting privileges in feminist and queer movements. In: *Intersectionality in feminist and queer movements confronting privileges*. Ed. by E. Evans, É. Lépinard. London, New York: Routledge.
- Faye S. (2021) *The Transgender Issue: An Argument for Justice*. London (UK): Allen Lane.
- Garnham S. (2021) The failure of identity politics: A Marxist analysis. *Marxist Left Review*. No. 22. URL: <https://marxistleftreview.org/articles/the-failure-of-identity-politics-a-marxist-analysis/> (accessed 23.08.2022).
- Hannah-Jones N. (2021) *The 1619 Project: A New Origin Story*. New York: One World.
- Horowitz D. (2021) *The Enemy Within: How a Totalitarian Movement is Destroying America*. Washington, D.C.: Regnery.
- Joyce H. (2021) *Trans: When Ideology Meets Reality*. London: Oneworld Publications.
- McGowan T. (2020) *Universality and Identity Politics*. New York: Columbia University Press.
- Reed T.F. (2020) *Toward Freedom: The Case Against Race Reductionism*. New York: Verso.
- Roediger D. (2017) *Class, Race, and Marxism*. New York: Verso.
- Saad G. (2020) *The Parasitic Mind: How Infectious Ideas Are Killing Common Sense*. Washington: Regnery.
- Shrier A. (2020) *Irreversible Damage: The Transgender Craze Seducing Our Daughters*. Washington: Regnery.
- Stock K. (2021) *Material Girls: Why Reality Matters for Feminism*. London: Fleet.
- Wright E.O. (2021) *How to Be an Anticapitalist in the Twenty-First Century*. New York: Verso.
- Zakaria R. (2021) *Against White Feminism: Notes on Disruption*. New York: W.W. Norton & Company.

Статья поступила: 29.08.22. Финальная версия: 28.09.22. Принята к публикации: 25.12.22.

MARXISM CAPTIVED TO INTERSECTIONALITY**DAVYDOV D.A.***Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Russia*

Dmitry A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Yekaterinburg, Russia (davydovdmity90@gmail.com).

Abstract. The article deals with attempts to synthesize Marxism and the concepts of intersectionality. This synthesis became possible thanks to the evolution of Marxism, which focused less and less on economics and paid more attention to culture. Intersectional analysis completes this evolution by presenting class exploitation as one of the intersecting “systems of oppression”. This means that only by looking at all the dimensions of race, gender, sexuality and class in the structures of capitalism and imperialism can one understand power relations as we see them today. If the revolution of the working class never happened, then the last hope is to unite all the oppressed in order to fight for equality/justice, democracy/freedom and community/solidarity. But, as shown in the article, the discourses of intersectionality, due to the desire to combine incompatible interests and social representations of the “oppressed”, are incapable of a constructive dialogue and maintaining internal unity in the struggle against the capitalist system. In this regard, the question is raised about the prospects for the further evolution of (post-)Marxism.

Keywords: intersectionality, Marxism, post-Marxism, class analysis, social structure, critical theory, critical racial theory, systemic oppression, LGBTQ+, feminism, patriarchy.

Received: 29.08.22. Final version: 28.09.22. Accepted: 25.12.22.

© 2023 г.

Т.М. ДАДАЕВА, Н.В. ШУМКОВА

ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ СТУДЕНТОВ В ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РЕАЛЬНОМ И ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ДАДАЕВА Татьяна Михайловна – доктор социологических наук, доцент, профессор (dadaeva13@mail.ru); ШУМКОВА Наталья Викторовна – кандидат социологических наук, доцент (niiregion@mail.ru). Обе – кафедра социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия.

Аннотация. На основе данных социологического опроса студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва ($N = 1123$) анализируется влияние на их включенность в деструктивные практики таких факторов социализации, как семья, группы сверстников и социальные сети. Выявлено, что респонденты из «группы риска», которые чаще отмечают вовлеченность близких друзей в деструктивные практики, также чаще демонстрируют низкий уровень коммуникации и контроля в семье, слабую интегрированность и коммуникацию в студенческой группе, но при этом чаще проводят время в электронных социальных сетях и, как следствие, чаще сталкиваются там с деструктивным контентом.

Ключевые слова: социология девиантности • деструктивные практики • студенческая молодежь • группы риска • семья • сверстники • социальные сети

DOI: 10.31857/S013216250023446-3

Активно развивающиеся в последние годы социологические исследования девиаций в молодежной среде проводятся преимущественно в рамках качественной парадигмы [Иванов 2020; Козлов, Мингалиев 2020], количественных же исследований значительно меньше [Карпова и др., 2020]. Между тем эмпирически-конкретное социологическое изучение вовлеченности студенческой молодежи в деструктивные практики сегодня является крайне актуальным из-за общего роста социальной напряженности в стране.

Основываясь на данных опроса студентов одного из крупных региональных вузов, мы представим некоторые важные характеристики вовлеченности студенческой молодежи в деструктивные практики и попытаемся выявить влияющие на нее факторы. Под деструктивными практиками мы понимаем разрушительные действия, обусловленные следованием определенной системе ценностей (идеологии), мотивации, приносящие вред здоровью, жизни и/или имуществу как отдельных людей, так и обществу в целом. Подобные практики могут совершаться по отношению к себе (своему телу, здоровью, жизни), единолично (в случае суицидальных практик, самоповреждения и т.д.) либо в сообществе других и/или по отношению к другим (экстремистские и террористические организации).

Использован структурированный прямой онлайн-опрос по формализованной анкете¹. Полевой этап проводился в мае–июне 2022 г. среди студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры очной формы обучения всех факультетов Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва ($N = 1123$, всего в данном вузе 11 тыс. студентов). Доля опрошенных

¹ Часть вопросов анкеты взята из инструментария, разработанного специалистами Лаборатории мониторинговых исследований Московского городского психолого-педагогического университета.

на каждом факультете составила не менее 10% от общего количества студентов очной формы обучения. Распределение респондентов по полу и возрасту соответствует данным по МГУ им. Н.П. Огарёва, что позволяет считать результаты репрезентативными для данного вуза.

В исследовании проверялась гипотеза, что включенность молодежи в деструктивные практики определяется уровнем взаимодействия и контроля в семье, коммуникации и интеграции со сверстниками, а также коммуникации в социальных сетях (в Интернете).

«Скажи мне кто твой друг, и я скажу, кто ты». Один из вопросов анкеты касался близких друзей и знакомых респондентов, вовлеченных в деструктивные практики. Полученные данные характеризуют близкий круг респондентов и позволяют косвенно определить уровень возможной вовлеченности самих опрошенных в такие практики. Почти 2/3 студентов ответили, что среди их друзей и знакомых есть те, которые «собирались компанией и пили алкогольные напитки на «вписке»»² (21%), «подвергались травле, издевательствам со стороны одноклассников, одногруппников» (14%)³, «собирались во дворе/парке и слушали громкую музыку поздно вечером/ночью» (13%), «являются активными футбольными фанатами, офниками»⁴ (11%), «занимались самоповреждением (наносили себе раны и т.д.)» (11%). Только 46% ответили, что «не имеют таких друзей и знакомых», еще 13% были «не готовы отвечать на данный вопрос».

На основе переменных, описывающих виды деструктивных практик, в которые возможно включен респондент, авторы провели кластерный анализ⁵, в результате было получено три кластера (табл. 1) – группы респондентов с предполагаемо высоким уровнем

Таблица 1

**Кластеризация студентов по уровню предполагаемой включенности
в деструктивные практики, в %**

Виды деструктивных практик	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Собирались компанией и пили алкогольные напитки на «вписке»	92	43	–
Подвергались травле, издевательствам со стороны одноклассников	73	24	–
Лазили по старым бомбоубежищам, складам и прочим «заброшкам»	70	18	–
Пробовали курить «травку»	70	5	–
Занимались самоповреждением (наносили себе раны и т.п.)	66	19	–
Воровали в магазинах продукты, вещи и т.п.	59	16	–
Собирались во дворе и слушали громкую музыку поздно вечером	57	26	–
Попадали в полицию из-за того, что пили алкоголь на улице / парке	49	10	–
Осуществляли травлю, издевались над одноклассником	45	9	–
Пытались покончить с собой	43	7	–
Участвовали в политических акциях протеста	38	3	–
Являются футбольными фанатами (футбольными хулиганами)	35	24	–
Отправляли угрожающие или оскорбительные смс, письма, сообщения	34	8	–

² На молодежном жаргоне это означает молодежные домашние вечеринки с ночевкой, на которые через социальные сети приглашаются малознакомые или совсем незнакомые люди.

³ Активное вовлечение в деструктивные практики как в роли агрессора, так и в роли жертвы ведет к попаданию в «группу риска» (например, из скулшутеров, многие подвергались разным формам буллинга).

⁴ Так называют околофутбольных фанатов, которые устраивают драки «толпа на толпу», чтобы решить, фанаты какого футбольного клуба сильнее.

⁵ Сначала проводился двухэтапный кластерный анализ, затем выбранное решение проверялось методом k-средних, достижение 2/3 совпадений состава кластеров говорит об устойчивости полученной модели (в анализ были включены практики, набравшие более 1% респондентов).

Окончание таблицы 1

Виды деструктивных практик	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Разрисовывали стены домов, лифтов, транспорта	31	8	–
Продавали легкие наркотики	24	–	–
Подверглись нападению, были избиты людьми другой национальности / вероисповедания	21	6	–
Принадлежат к религиозным сообществам, сектам, культам ⁶	21	2	–
Подписаны в социальных сетях на контент о маньяках, «колумбайнерах», массовых убийцах	18	2	–
Принадлежат к праноедам, сыроедам, фрукторианцам	15	2	–
Нападали, провоцировали драку с людьми другой национальности / вероисповедания	15	1	–
Снимали травлю, издевательства над одноклассниками на видео	11	3	–
Нет таких среди моих друзей и знакомых	–	–	100

вовлеченности в деструктивные практики («группа риска», 7%), с низким уровнем вовлеченности (59%) и средним уровнем (34%).

Кластеры не демонстрируют существенных различий по возрасту и полу входящих в них респондентов. В то же время установлено статистически значимое влияние на уровень вовлеченности студентов в деструктивные практики трех факторов – семьи, группы сверстников и социальных сетей.

«Эффект родительского присутствия». Отсутствие родительского контроля (низкий уровень коммуникации в семье, проживание отдельно от родителей) и неблагоприятные семейные взаимоотношения – значимые факторы включения студентов в деструктивные практики.

Студенты из группы с высоким уровнем включения в деструктивные практики в три раза чаще (15 против 5% в среднем по выборке) отмечают, что родители обычно не

Таблица 2

Взаимосвязь между образом жизни и предполагаемой вовлеченностью студентов в деструктивные практики, в %

Варианты ответов	Высокий	Средний	Низкий	В среднем по выборке
Анкетный вопрос «Если ты не дома и не на занятиях, то знают ли обычно родители, где ты находишься?»				
Всегда знают	12	27	42	35
В большинстве случаев знают	43	38	37	38
Обычно не знают	15	7	2	5
Я всегда дома (если не на занятиях)	4	3	3	3
Не живу с родителями	26	23	14	18
Затрудняюсь ответить	1	1	2	1
Анкетный вопрос «С кем ты предпочитаешь проводить свое свободное время?»				
С семьей	13	25	36	30
С компанией друзей	32	32	30	31
С лучшим другом	13	16	14	15
Один	34	24	18	21
Со своим парнем / девушкой	7	3	2	3

⁶ Речь идет, по контексту анкеты, о неоязычниках, сатанистах и т.д.

знают, где они находятся после занятий в вузе, и в два раза реже (13 против 30%) предпочитают проводить свой досуг с семьей (табл. 2). Напротив, в группе с низким уровнем включения в деструктивные практики большинство указали, что родители всегда знают, где они находятся (42% против 35% в среднем по выборке), а время с семьей предпочитают проводить 36% респондентов.

Как видим, для студентов из первого кластера типичными являются более низкий, чем в двух других кластерах, уровень коммуникации и контроля в семье. Возможно, это связано с отсутствием взаимопонимания с родителями или с неблагоприятной ситуацией в семье в целом.

Деструктивность и одиночество. В группе с высоким уровнем включенности в деструктивные практики наблюдается самый большой процент (10% против 3% в среднем по выборке) отметивших, что «практически нет друзей, чувствую себя одинокими». Напротив, в кластере с самым низким уровнем вовлеченности в деструктивные практики чаще всего (46%) не испытывают сложности в общении с сокурсниками (табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь между отношениями со сверстниками и предполагаемой вовлеченностью студентов в деструктивные практики, в %

Варианты ответа на вопрос «Какие у тебя отношения с однокурсниками?»	Высокий	Средний	Низкий	В среднем по выборке
Со всеми дружеские, у меня много друзей	17	42	46	43
Не со всеми близко дружу, но в целом ровные	71	54	50	52
У меня практически нет друзей, чувствую себя в группе одиноким	10	3	2	3
Трудно сказать	2	2	3	2

При низком уровне коммуникации с однокурсниками референтной группой часто становятся различного рода неформальные молодежные объединения и сообщества. Так, в группе риска выше процент (24% против 16% в среднем по выборке) относящих себя к молодежным сообществам, но ниже доля не состоящих в них (27% против 50% по выборке в целом). В этой же группе 48% (против 34% в среднем по выборке соответственно) отметили, что ни к какому конкретному молодежному объединению себя не относят, но идеи некоторых объединений поддерживают, что дает основание предполагать латентную вовлеченность студентов в молодежные субкультуры. Из 130 студентов, указавших свою принадлежность к какому-либо объединению или сообществу, более чем каждый третий (40 чел.) декларировал причастность к субкультуре аниме (любителей японской мультипликации).

Социальные сети – «способ избежать одиночества». В условиях цифровизации большинство социальных практик молодежь хотя бы частично реализует в социальных сетях. По данным опроса, 71% студентов используют социальные сети более 6 лет. Большинство студентов (87%) в социальных сетях общаются с друзьями и знакомыми из реальной жизни, 5% используют социальные сети для контактов с близкими родственниками, еще 5% предпочитают общаться с виртуальными друзьями, с которыми не знакомы в реальной жизни. При этом учащиеся из «группы риска» гораздо чаще (78%), чем в среднем по выборке (54%), проводят свободное время в социальных сетях.

Основными причинами популярности социальных сетей студенты считают возможность «всегда оставаться на связи и общаться» (86%), «быстро найти интересующую информацию» (55%), «оставаться в курсе событий в жизни друзей» (54%). Каждый третий респондент причиной популярности социальных сетей назвал возможности избежать одиночества (31%, причем эта причина чаще называлась в «группе риска» – 43%), найти единомышленников (30%, в «группе риска» – 46%) или компании для осуществления какого-то проекта (30%, в «группе риска» – 46%). Социальные сети считают местом, где можно высказывать свое мнение (17%, в группе риска – 31%) и проявить свою

Таблица 4

Корреляция между частотой ситуаций, с которыми сталкивались студенты в социальных сетях, и их предполагаемой вовлеченностью в деструктивные практики, в %

Виды деструктивных действий в сети Интернет	Высокий	Средний	Низкий	В среднем по выборке
Обман, мошенничество	75	79	77	78
Распространение вредоносных ссылок, содержащих вирус	78	72	66	69
Оскорбления в твой адрес или в адрес знакомых	73	51	38	46
Призывы к агрессии в отношении людей другой национальности	64	37	30	36
Призывы к акциям политического протеста	53	34	24	30
Размещение компромата (фото, видео) на друзей и знакомых	49	30	20	26
Призывы к агрессии в отношении людей другой религии	44	27	20	25
Пропаганда порнографии	50	20	14	20
Пропаганда суицида	31	14	9	13
Распространение идей нацизма (фашизма)	33	13	8	12
Пропаганда наркотиков	30	11	7	11
Распространение идей ваххабизма (исламизма)	16	6	4	6
Призывы к кулшутингу (стрельбе в школе)	15	5	4	5

индивидуальность (16%, в группе риска – 27%). Причины популярности социальных сетей у студентов из разных кластеров значимо различаются. Если для студентов из третьего кластера социальная сеть носит скорее инструментальный характер, то студенты из «группы риска» чаще характеризуют их как возможности самореализации и коммуникации.

Социальные сети сегодня – это не только возможности коммуникации и получение любой информации, но и всевозможные угрозы и риски. В условиях цифровизации интернет в целом и социальные сети в частности нередко выступают площадками для создания деструктивных сообществ и их продвижения в молодежной среде. По данным отчета Роскомнадзора за 2021 г., наиболее частыми основаниями для блокировки сайтов или их отдельных страниц стали призывы к самоубийству (56%), детская порнография (18%) и незаконный оборот наркотиков (6%)⁷. В изучаемом вузе степень включенности в пространство виртуальных деструкций также чаще всего значимо отличается в зависимости от уровня общей вовлеченности студентов в деструктивные практики (табл. 4).

Итак, исследование студентов крупного регионального вуза показало, что респонденты из «группы риска», имеющие больше близких знакомых с деструктивным поведением и потому, вероятнее всего, сами активнее включенные в деструктивные практики, чаще демонстрируют низкий уровень коммуникации в семье и в студенческой группе. Они чаще проводят время в социальных сетях, компенсируя этим высокий уровень своей социальной обособленности. Полученные данные подтверждают ранее высказанное мнение [Собкин, Федотова, 2019], что для определенных групп молодежи социальные медиа выступают самостоятельным агентом/институтом социализации, способным существенно влиять на формирование определенного типа личности.

⁷ Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <https://rkn.gov.ru/plan-and-reports/reports/p449/> (дата обращения: 18.10.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванов А.В. Виртуальная деструктивность и социальное пространство: к постановке проблемы (по материалам полевых исследований идеологии «колумбайн») // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4 (141). С. 274–279. DOI: 10.34772/KPJ.2020.141.4.039.
- Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 159–181. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1585.
- Козлов В.Е., Мингалиев А.Х. Проблема научной репрезентации современных молодежных субкультур: от методологии к нарративу // Казанский педагогический журнал. 2020. № 1. С. 255–263. DOI: 10.34772/KPJ.2020.138.1.038.
- Собкин В.С., Федотова А.В. Сеть как пространство социализации современного подростка // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 119–137. DOI: 10.17759/cpp.2019270308.

Статья поступила: 24.11.22. Финальная версия: 04.01.23. Принята к публикации: 17.01.23.

FACTORS OF STUDENTS INVOLVEMENT IN DESTRUCTIVE PRACTICES IN REAL AND DIGITAL SPASE

DADAIEVA T.M.*, SHUMKOVA N.V.*

*National Research Mordovian State University of N.P. Ogarev, Russia

Tatiana M. DADAIEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (dadaeva13@mail.ru); Nataliya V. SHUMKOVA, Can. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (niiregion@mail.ru). Both – National Research Mordovian State University of N.P. Ogarev, Saranck, Russia.

Abstract. The study is based on the data of a students' sociological survey the attitude to destructive practices. The influence of factors – agents of socialization – as family, classmates, social networks on involvement in destructive practices is proved. The authors using cluster analysis, attempted to determine the “risk group” among students based on the following indicators: level of communication and control in the family, level of communication and integration in the student group, level of communication and involvement in social networks. It is concluded that the degree of involvement in the space of virtual destructions differs significantly depending on the level of student's involvement in destructive practices. Respondents from the “risk group” more often demonstrated a low level of communication and control in the family, more often noted the involvement of close friends in destructive practices, poor integration and communication in student groups, spending much time on social networks more often encountering destructive content there, in general have a high level of social isolation, manifesting in certain circumstances in hidden destructive aggression both against oneself and against others.

Keywords: sociology of deviance, destructive practices, student youth, risk groups, family, peers, social networks.

REFERENCES

- Ivanov A.V. (2020) Virtual destructivity and social space: to the statement of the problem (on the materials of field studies of ideology “columbine”). *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Teaching Journal]. No. 4: 274–279. DOI: 10.34772/KPJ.2020.141.4.039. (In Russ.)
- Karpova A.Y., Savelev A.O., Vilnin A.D., Chaykovskiy D.V. (2020) Studying Online Radicalization of Youth through Social Media (Interdisciplinary Approach). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 159–181. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.158. (In Russ.)
- Kozlov V., Mingaliev A. (2020) The problem of scientific representation of modern youth subcultures: from methodology to narrative. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Teaching Journal]. No.1: 255–262. DOI: 10.34772/KPJ.2020.138.1.038. (In Russ.)
- Sobkin V.S., Fedotova A.V. (2019) Social Media as a Field of a Modern Teenager's Socialization [Elektronny resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. Vol. 27. No. 3: 119–137. DOI: 10.17759/cpp.2019270308. (In Russ.)

Received: 24.11.22. Final version: 04.01.23. Accepted: 17.01.23.

А.Г. ТЮРИКОВ, Ю.В. ГРЫЗЕНКОВА, Д.А. КУНИЖЕВА

О ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ТЮРИКОВ Александр Георгиевич – доктор социологических наук, руководитель департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций (agtyurikov@fa.ru); ГРЫЗЕНКОВА Юлия Викторовна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры ипотечного жилищного кредитования и финансовых инструментов рынка недвижимости (gryzenkova@yandex.ru); КУНИЖЕВА Диана Анзоровна – заведующая учебно-научной социологической лабораторией, ассистент департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций (diana_kunizheva@mail.ru). Все – Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования финансово-экономической культуры студенческой молодежи. Рассматриваются показатели, характеризующие риски макроэкономического характера, проявляемые во взаимодействии с финансовыми институтами. Макроэкономические риски представляются многим респондентам весьма вероятными, что определяет ориентацию на использование таких способов сохранения и преумножения средств, как вложения в недвижимость, наличную иностранную валюту и банковский депозит. При этом для формирования будущей пенсии студентам предпочтительны наличные (валюта и рубли) и долгосрочные ценные бумаги (без уточнения эмитентов и биржи), в то время как классические варианты пенсионного страхования наименее популярны. Это вполне коррелирует с предположением о скептическом отношении к долгосрочному взаимодействию с российской финансовой системой, которая будет определять экономическое поведение выпускников в первые годы после окончания вуза и скорее всего сохранится в дальнейшем.

Ключевые слова: финансовые институты • финансовая культура • молодежь • экономическое поведение • субъектность • трудовые отношения • собственность • риски

DOI: 10.31857/S013216250023451-9

Постановка задачи и описание исследования. Методология исследований в области финансовой культуры предполагает несколько измерений процесса смыслообразования: финансовые и экономические знания, практики и дискурс, а также рассмотрение эмпирических областей, в которых происходит осмысление финансовых и экономических проблем. Само это понятие рассматривается в различных аспектах. Одни авторы делают акцент на финансовой грамотности (знаниях) и навыках [Тамбовцев, 2018] и полагают, что именно они лежат в основе финансовой культуры [Воленко, 2020, Бровчак, 2019]. Другие определяют ее как совокупность разделяемых обществом ценностей, верований, стандартов, проявляющихся в финансовых отношениях и финансовом поведении [Jelly, 2021]. В частности, утверждается, что, несмотря на унифицирующее воздействие глобализации, разница в культурах приводит к многообразию финансовых систем¹, экономических агентов – к внешнему финансированию корпоративного роста, населения – к страхованию жизни и сбережениям, а также специфической реакции разных культур на неопределенность будущего. Можно выделить три основных подхода к определению «финансовой культуры»: 1) культурологический (совокупность культурных элементов на широком социокультурном фоне); 2) поведенческий (система, моделирующая поведение индивида

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

¹ Bérés D., Huzdik K. A pénzügyi kultúra megjelenése makrogazdasági szinten. URL: https://www.penzugyszemle.hu/documents/322-336-beres-huzdikpdf_20170827102913_20.pdf (accessed 03.10.21).

в финансовой среде в процессе развития конкретного общества); 3) футурологический (среда, предопределяющая развитие конкретного социума).

Исследование, проведенное в 2021 г. в Финансовом университете, ставило цель апробации методики оценивания финансовой культуры на примере студенческой молодежи. Была выдвинута следующая гипотеза: сформировавшийся уровень финансовой культуры в стране детерминирует у представителей молодежи скептическое отношение к долгосрочному взаимодействию с российской финансовой системой.

Исследование включало в себя проведение анкетного опроса ($N = 4200$) студентов Финансового университета, обучающихся в Москве и 21 региональном филиале², и фокусированные групповые интервью (22 студента того же вуза, обучающихся в Москве на факультетах финансово-экономической, юридической и социальной направленности). Несмотря на определенные ограничения экстраполяции результатов на всю российскую молодежь, представляется, что в силу специфики вуза полученные результаты весьма показательны: выявлены представления и установки молодежи, связывающей свою будущую профессиональную деятельность с экономикой и финансами.

Финансовое благополучие. Отвечая на вопрос, может ли сегодня в России человек добиться высокого финансового положения, большинство студентов (59,9%) связали возможность достижения материального благосостояния с упорным трудом, остальные больше уповают на связи (18,9%) и удачу (14,5%)³. Сами респонденты планируют повышать свое благосостояние⁴ за счет, в первую очередь, вложения времени и средств в совершенствование профессиональных знаний по получаемой специальности (36,6%); освоения дополнительной профессии (33,7%); организации собственного бизнеса (31%); инвестиций в инструменты финансового рынка (29,8%). Далее идут готовность использовать любую возможность разовых и временных подработок (18,3%) и работа сверхурочно или по совместительству на основной работе (12,6%). Чуть более 14% размышляют над переездом в другую страну.

В отношении собственного трудоустройства в первый год после окончания вуза большинство студентов (72,4%) настроены оптимистично. Твердо планируют работать по специальности 30%, 41% – «скорее да» (еще 11% не смогли определиться с ответом). Стоит отметить весьма заметный интерес студентов к официальному оформлению трудовых отношений (в среднем его важность составила 8,3 балла из 10).

Финансовое поведение. Что касается взаимодействия респондентов с финансовыми институтами, то пока их реальный опыт использования различных способов сохранения и преумножения денег довольно скромный, но предполагается большая активность в будущем. На основании рассчитанных комплексных индексов⁵ составлен рейтинг

² Выборка исследования репрезентативна по полу, курсу обучения и месторасположению филиалов Финансового университета. Всего опрошено 4200 чел., распределение респондентов: Москва – 2825; финансово-экономические колледжи: Благовещенский – 69, Бузулукский – 14, Красноярский – 100, Махачкалинский – 14, Пермский – 135, Самарский – 54, Сургутский – 141, Шадринский – 11; филиалы: Владикавказский – 12, Владимирский – 66, Краснодарский – 47, Липецкий – 44, Новороссийский – 65, Омский – 86, Пензенский – 40, Санкт-Петербургский – 17, Смоленский – 74, Тульский – 128, Уральский – 81, Уфимский – 177. Среди опрошенных 54% обучаются на бюджетной основе, 46% – на коммерческой. На момент исследования 13% работали по осваиваемой специальности, 23% – не по специальности и 64% не находились в трудовых отношениях.

³ Согласно фокус-групповым интервью, наиболее сильно на будущее материальное благополучие влияют такие личностные факторы, как амбиции и целеустремленность, несколько меньше – готовность трудиться и профессионализм.

⁴ Полузакрытый вопрос: «Какие действия вы предпринимаете / планируете предпринять для достижения финансового благополучия?» с возможностью выбора более одного варианта ответа.

⁵ Индексы рассчитаны по пятичленной шкале, каждому из пяти вариантов ответа присваивается коэффициент: «сейчас не пользуюсь, но планирую воспользоваться», $k = 1$; «пользуюсь сейчас», $k = 0,75$; «сейчас не пользуюсь, но пользовался раньше», $k = 0,5$; «не пользуюсь, а в дальнейшем еще не решил», $k = 0,25$; «не пользуюсь и не планирую пользоваться», $k = 0$. Сумма произведений количества ответов и коэффициентов делится на общее количество ответов.

Таблица 1

Рейтинг способов сохранения и/или преумножения денег по их предпочтительности для респондентов

Способы	Индексы
Вложения в недвижимость	0,70
Хранение наличных денег в иностранной валюте	0,66
Банковский вклад (депозит)	0,65
Покупка ценных бумаг с использованием брокерского счета	0,64
Покупка ценных бумаг с использованием ИИС	0,61
Хранение наличных денег в рублях	0,58
Покупка золота, драгоценностей (слитки, монеты и т.д.)	0,57
Вложения в криптовалюту	0,52
Договоры страхования жизни	0,51
Покупка паев паевых инвестиционных фондов	0,50
Вложения в НПФ	0,50
Операции на рынке Форекс	0,48
Индивидуальное доверительное управление	0,46

инструментов сохранения и преумножения средств, которыми респонденты готовы или хотели бы воспользоваться (табл. 1).

Лидером оказались вложения в недвижимость, далее идут вложения в наличную иностранную валюту, хранение денег на банковском депозите, вложения в ценные бумаги с использованием брокерского счета и индивидуального инвестиционного счета (ИИС), хранение денег в наличных рублях и драгметаллах.

Механизмы социализации. Ключевые знания в области личных финансов респонденты прежде всего получают в рамках самообразования (значение индекса – 0,68), на основе собственного опыта проб и ошибок (0,67), а также от родителей и других родственников (0,65). Реже их источником является информация, почерпнутая в Интернете (0,58), в том числе в социальных сетях (0,57), а также у друзей (0,56) и педагогов (0,55).

Готовность к трансформациям. Респондентам предлагалось оценить их готовность к изменениям в сфере экономики и финансов, трудовых и иных социальных отношений, обусловленным ростом использования цифровых технологий⁶. Здесь лидирует полный переход на безналичный расчет, важны также переход на исключительно дистанционную работу (без закрепленного рабочего места) и в интернет-банкинг (без посещения банковских структур) (табл. 2).

Таблица 2

Готовность респондентов к изменениям в сфере финансов, трудовых отношений, индексы

Изменения	Индекс
Перейти полностью на безналичный расчет	0,72
Полностью перейти в интернет-банкинг (не посещать банковские структуры)	0,61
Работать исключительно дистанционно, без закрепленного рабочего места	0,60
Не рассчитывать на гос. пенсию, а самостоятельно копить на пенсию, используя счета в НПФ	0,53
Пользоваться национальной электронной валютой (цифровой рубль)	0,50

⁶ Вопрос: «Насколько вы сегодня готовы принять описанные ниже трансформации?» предусматривал использование четырехчленной шкалы: «полностью готов» (коэффициент при расчете индекса = 1), «скорее готов» (0,67), «скорее не готов» (0,33) и «совсем не готов» (0).

Окончание таблицы 2

Изменения	Индекс
Производить уплату всех налоговых взносов самостоятельно, без участия работодателя	0,49
Предоставить свои биометрические данные финансовым структурам	0,47
Получать паспорт и иные документы, ранее выдаваемые уполномоченными госорганами, в Сбербанке	0,46
Пользоваться электронной валютой (биткоин)	0,46
Пользоваться потребительскими кредитами, кредитными картами для повседневных нужд	0,44
Пользоваться P2P-кредитованием – с использованием цифровых платформ, в обход финансовых институтов	0,43
Отказаться от покупки недвижимости в пользу её аренды	0,41
Отказаться от покупки автомобиля в пользу его аренды	0,40

Финансовые риски. Что касается рисков при взаимодействии с финансово-банковской системой⁷, то наиболее ожидаемыми видятся навязывание дополнительных платных услуг, несанкционированное списание средств со счета в результате действий хакеров и мошенников и превышение темпов инфляции над процентами по вкладам (табл. 3). При

Таблица 3

Представления о вероятности наступления рисков при взаимодействии с банковской системой, индексы

Риски	В целом по выборке	Москва	Филиалы
Несанкционированное списание средств с банковского счета клиента банка в результате компьютерного сбоя	0,36	0,36	0,36
Несанкционированное списание средств с банковского счета клиента банка в результате действий хакеров и мошенников	0,49	0,50	0,49
Несанкционированное списание средств с банковского счета клиента банка в результате недобросовестности сотрудников банка	0,40	0,41	0,39
Потеря клиентом банка его средств, размещенных на банковских депозитах, в силу превышения темпов инфляции над % по вкладам	0,45	0,47	0,42
Потеря клиентом банка его средств, размещенных на банковских депозитах, в силу отзыва лицензии у банка	0,44	0,45	0,41
Потеря клиентом банка его средств, размещенных на депозитах, в силу замораживания вкладов, отказа банка вернуть средства под предлогом сомнений	0,40	0,42	0,37
Изменение банком условий кредита, депозита и т.д. в одностороннем порядке (без получения согласия клиента банка)	0,39	0,40	0,36
Навязывание сотрудниками банка каких-либо дополнительных платных услуг (например, различных страховок, кредитов и т.п.)	0,53	0,54	0,52
Банк отдаст ваши деньги мошенникам, предъявившим подложную доверенность, и откажется возмещать вам ущерб	0,32	0,33	0,30
Банк оформит на вас кредит на основе ваших биоданных, которыми воспользовались мошенники, и откажется от возмещения ущерба	0,32	0,33	0,30

⁷ Вопрос: «Насколько вероятно наступление следующих событий при взаимодействии граждан с российскими банками?» предполагал использование четырехчленной шкалы: «весьма вероятно», «маловероятно», «точно не произойдет» и «затрудняюсь ответить».

Таблица 4

**Ориентированность на пенсионные накопления,
% от опрошенных, готовых делать накопления на пенсию**

Финансовый инструмент (ответы на вопрос «Если вы планируете делать накопления на пенсию, то какой финансовый инструмент вы выберете?»)*	В целом по выборке	Москва	Регионы
Наличные денежные средства (валюта)	42	47	37
Долгосрочные ценные бумаги	40	48	32
Наличные денежные средства (рубли)	39	32	45
Депозит в кредитной организации	22	26	18
Драгоценные металлы и/или камни	18	18	17
Пенсионные накопления в НПФ	15	17	14
Пенсионные накопления в страховой компании	15	12	19

Примечание. *Сумма ответов больше 100%, так как можно было дать несколько вариантов ответа.

взаимодействии с системой добровольного пенсионного страхования⁸ наиболее вероятными представляются риски обесценивания накоплений из-за девальвации рубля; изменения государством «правил игры» не в пользу будущих получателей накопительной пенсии, неспособности негосударственных пенсионных фондов (НПФ) обеспечить доходность выше уровня инфляции, а также пропажу накоплений в случае банкротства НПФ.

Полученные результаты коррелируют с индексами, отражающими уровень доверия респондентов российским финансовым организациям⁹. Самый низкий уровень доверия – у НПФ (0,52), наибольший – у банков (0,60); у страховых и инвестиционных компаний соответственно 0,56 и 0,57. Как следствие, наиболее популярными способами создания пенсионных резервов среди участников исследования являются накопления наличных денежных средств в виде иностранной валюты (42%), долгосрочные ценные бумаги (40%) и наличные денежные средства в национальной валюте (39%). Всего 15% указали, что для накоплений на старость воспользовались бы услугами НПФ (табл. 4).

Наиболее приемлемый размер отчислений в НПФ для формирования достойной дополнительной пенсии составил до 5–6% от заработной платы (62%) [Тюриков, 2021, Цыганов, 2022]. Схожие результаты получены авторами и в предшествующих исследованиях, посвященных данной теме, что подтверждает устойчивость сложившихся тенденций.

Закключение. Исследование позволило выявить ряд присущих студентам представлений и установок, которые характеризуют их финансовую культуру и могут определять модели поведения в сфере экономики и финансов. Повышать свое благосостояние с помощью инвестиций в инструменты фондового рынка планирует каждый четвертый молодой человек. Лидерами же среди способов сохранения и преумножения средств, которыми респонденты готовы или хотели бы воспользоваться, оказались вложения в недвижимость, наличную иностранную валюту, а также банковский депозит. Для формирования будущей пенсии предпочтительны наличные (валюта и рубли), а также долгосрочные ценные бумаги (без уточнения эмитентов и биржи), в то время как классические варианты пенсионного страхования наименее популярны. Это вполне коррелирует с предположением о скептическом отношении к долгосрочному взаимодействию с российской финансовой системой, которая будет определять экономическое поведение выпускников в первые годы после окончания вуза и скорее всего сохранится в дальнейшем.

⁸ Вопрос: «Дополнительные накопительные пенсии с использованием негосударственных пенсионных фондов предполагают весьма длительный срок совершения отчислений до начала выплат – 30 и более лет. Оцените вероятность того, что в этот период могут произойти следующие события...», предполагалось использование аналогичной предыдущей шкалы.

⁹ Вопрос «Я доверяю российским финансовым институтам» предполагал использование четырехчленной шкалы согласия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бровчак С.В., Селиванова М.А., Сочнева Е.Н. Вопросы повышения финансовой грамотности студентов высших учебных заведений финансово-экономической направленности // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 130–146. DOI: 10.32744/pse.2019.5.10.
- Воденко К.В. (2020) Историческая память и экономическая культура: специфика взаимосвязи и взаимовлияния // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сб. докл. VI Всеросс. социол. конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 5583–5588. DOI: 10.19181/kongress.2020.
- Тамбовцев В.Л. Инновации и культура: важность методологии анализа // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 70–94.
- Тюриков А.Г., Разов П.В., Марков Д.И. Установки российских студентов в отношении индивидуальных пенсионных накоплений // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 3. С. 62–75. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.6.
- Цыганов А.А. Пенсионные ожидания жителей России // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 36–42. DOI: 10.31857/S013216250017479-9.
- Jelly H. (2021) A Measurement and Interpretation of Money Management Understandings of Twelfth Grade Students. URL: <https://www.worldcat.org/title/measurement-and-interpretation-of-money-management-understandings-of-twelfth-grade-students/oclc/3785264> (дата обращения: 03.10.2021).

Статья поступила: 21.11.22. Финальная версия: 30.12.22. Принята к публикации: 09.01.23.

FINANCIAL CULTURE OF STUDENT YOUTH AS A PREDICTOR OF ECONOMIC BEHAVIOR

TYURIKOV A.G.*, GRYZENKOVA J.V.*, KUNIZHEVA D.A.*

*Financial University under the Government of Russian Federation, Russia

Alexander G. TYURIKOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications (agtyurikov@fa.ru); Julia V. GRYZENKOVA, Cand. Sci. (Econ.), Associate Prof., Department of Mortgage Housing Lending and Financial Instruments of the Real Estate Market (gryzenkova@yandex.ru); Diana A. KUNIZHEVA, Head of the Educational and Scientific Sociological Laboratory, Assistant of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications (diana_kunizheva@mail.ru). All – Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Abstract. The study of the financial and economic culture of the population is designed to help explain and predict its behavior, the ability to take advantage and avoid risks. The article presents the results of a study of the financial and economic culture of students. The theoretical premises were the approach to culture as a socially interactive process consisting of “shared meanings” and “shared practices”, and the methodological framework was the concept of the institutional matrix and the phenomenon of financial subjectivity. The socio-economic block of issues considered in the article includes indicators characterizing risks of a macroeconomic nature and in interaction with financial institutions. Macroeconomic risks seem to many respondents to be very likely, which determines the orientation towards using such methods of saving and multiplying funds as investments in real estate, cash foreign currency and bank deposit. At the same time, for the formation of a future pension, students prefer cash (currency and rubles) and long-term securities (without specifying issuers and stock exchanges), while classical pension insurance options are the least popular. This is quite consistent with the assumption of a skeptical attitude towards long-term interaction with the Russian financial system, which will determine the economic behavior of graduates in the first years after graduation and is likely to continue in the future.

Keywords: financial institutions, youth, economic culture, subjectness, labor relations, property, risks.

REFERENCES

- Brovchak S.V., Selivanova M.A., Sochneva E.N. (2019) Issues of increase in financial literacy of students of higher educational institutions of financial and economic orientation. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education]. No. 41(5): 130–146. DOI: 10.32744/pse.2019.5.10. (In Russ.)
- Jelly H. (2021) A Measurement and Interpretation of Money Management Understandings of Twelfth Grade Students. URL: <https://www.worldcat.org/title/measurement-and-interpretation-of-money-management-understandings-of-twelfth-grade-students/oclc/3785264> (accessed 03.10.2021).
- Tambovtsev V.L. (2018) Innovations and culture: the importance of the methodology of analysis. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 9: 70–94. (In Russ.)
- Tsyganov A.A. (2022) Pension expectations and strategies of Russian residents. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 36–42. DOI: 10.31857/S013216250017479-9. (In Russ.)
- Tyurikov A.G., Razov P.V., Markov D.I. (2021) Readiness of Russian students to form individual pension savings. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 24. No. 3: 62–75. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.6. (In Russ.)
- Vodenko K.V. (2020) Historical memory and economic culture: the specifics of the relationship and mutual influence. In: *Sociology and Society: Traditions and innovations in the social development of regions*. Coll. of reports of the 6th All-Russian Sociological Congress (Tyumen, October 14–16, 2020). Eds: V.A. Mansurov; E.Yu. Ivanova. Moscow: RSS; FNISC RAN. DOI: 10.19181/kongress.2020. S. 5583–5588. (In Russ.)

Received: 21.11.22. Final version: 30.12.22. Accepted: 09.01.23.

© 2023 г.

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Под таким названием 20 октября 2022 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция, организованная РОС, ФНИСЦ РАН и социологическим факультетом ГАУГН. Тема мероприятия оказалась актуальной в широких географических и научных рамках. В его работе приняли участие более 100 исследователей из Астрахани, Брянска, Волгограда, Воронежа, Грозного, Екатеринбургa, Иваново, Краснодара, Курска, Минска, Пензы, Санкт-Петербурга, Саратова, Ставрополя, Сыктывкара, Тамбова, Томска, Тюмени, Уфы, Хабаровска, Элисты, Ярославля и др. городов.

Доклады участников были сфокусированы на теоретических аспектах научных концепций и направлений в современной науке о социальной коммуникации, а также социологическом анализе особенностей коммуникационных взаимодействий в отечественном социокультурном пространстве при освещении таких сфер социальной реальности, как политика, управление, медицина, экология, обучение, воспитание и т.д. Конференцию с приветственным словом открыл член-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН, Москва).

Пленарное заседание начала проф. **Т.З. Адамьянц** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва). Основным лейтмотивом ее выступления стало утверждение об определяющем влиянии сферы социальной коммуникации на «картины мира» людей и, следовательно, на социально значимые процессы. Исходя из этого утверждения, основной задачей отечественной социологии о социальной коммуникации является научная помощь и научное участие в качественном совершенствовании российского социокультурного пространства. Открытость и стремление к диалогу и взаимопониманию должны стать основой коммуникационных взаимодействий. Что же касается предмета социологической науки о социальной коммуникации – для понимания и прогнозирования динамики и тенденций в развитии социально значимых процессов важно изучение не только содержательных или жанровых, но и смысловых особенностей социокультурной среды, а также особенностей их понимания и интерпретирования аудиторией. Возможности для такого анализа открывает разработанная в рамках российской академической науки семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации.

На пленарном заседании выступили также представители ведущих вузов страны, готовящие специалистов в сфере социальной коммуникации. Проф. **Е.Л. Вартанова** (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) говорила о новых вызовах, появившихся перед современной журналистикой в связи с тотальным распространением Интернета, вместившего в себя и традиционные СМИ, и новые формы и способы коммуникационных взаимодействий, зачастую с расширенным составом акторов и новыми возможностями влияния на социальные процессы. В результате возникшая медиареальность актуализировала необходимость решения комплекса методологических и методических задач, связанных с необходимостью обучения новым специальностям, определения предмета и задач новых дисциплин, разработки новых учебных планов, программ, учебников, методических пособий.

Тему продолжил проф. **В.П. Коломиец** (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), который сообщил о разработанном и уже внедренном в образовательный процесс факультета журналистики МГУ самостоятельном направлении социологического знания и преподавания – медиасоциологии. В центре внимания данного направления – «социальная составляющая всего, что покрывает понятие “медиа”»: медиаорганизации, медиатехнологии, медиаконтент, аудитории и медиакommunikация как процесс взаимосвязи этих элементов».

Проф. **Ф.И. Шарков** (РАНХиГС, Москва) поднял проблему отрицательного влияния современного медиа- и ноосферного пространства на экологию человека. В своем выступлении докладчик рассказал также о коммуникологии – разработанном в вузе междисциплинарном направлении изучения коммуникационных процессов, исследующем «научные подходы к построению, производству и обмену сообщениями, для того чтобы влиять на социальную среду».

Проблему влияния постмодернистских концепций на качество и особенности современных коммуникационных процессов осветил в своем выступлении проф. **А.К. Мамедов** (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва). В его выступлении отмечалось, что признаки, характеризующие текст в традиционном понимании: связность, целостность, т.е. способность демонстрировать качества «системы», постепенно утрачивают значение в социальной практике и это ведет к так называемой «смерти текста». Прозвучала, однако, и оптимистическая нотка: по мнению выступающего, современные «трансформации в области текстовой деятельности несут, помимо очевидных угроз, основания для качественного преобразования общественного сознания и способов организации мышления в человеческом сообществе».

После пленарной части работа конференции продолжилась на 12 секционных заседаниях. Тенденции в выборе участниками конференции тем и проблем свидетельствуют об их актуальности и необходимости дальнейшего социологического изучения. Прозвучавшие доклады можно дифференцировать по следующим ключевым темам и проблемам: влияние современной социокультурной среды на социально значимые процессы в современном российском обществе; медиапространство и медиакommunikации; коммуникационные механизмы в решении задач образования, воспитания и гармоничного развития личности; коммуникационные механизмы в решении задач культурного наследия и связи поколений; социальная коммуникация как отражение и катализатор глобальных процессов в медицине, экологии, экосфере.

Анализируя работу конференции, можно отметить позитивный факт – в отечественной науке о социальной коммуникации имеются оригинальные концепции и подходы, творческий поиск и отсутствие зависимости от «модных» зарубежных теорий, инициирующих деструктивные социальные процессы. Также к позитивному можно отнести и то, что круг тем и проблем, ставших предметом обсуждения на конференции, был обширен и актуален. Однако содержательным ядром большей части прозвучавших докладов стали результаты исследований о состоянии или проблемах в тех или иных социальных сферах (экологии, медицине, образовании и т.д.) и общих пожеланий шире использовать коммуникационные возможности в совершенствовании этих сфер. Такая ситуация объяснима: задача расширенного поиска форм, способов и методов изучения коммуникационного участия в совершенствовании социально значимых процессов может быть решена только посредством создания соответствующих научных служб (и соответствующих научных заданий), которых в настоящее время нет.

Ключевой задачей отечественной социологической науки о социальной коммуникации является широкое распространение модели коммуникационных взаимодействий, ориентированных на диалог, устойчивое развитие общества, страны и гармоничное развитие людей.

Т.З. АДАМЬЯНЦ

АДАМЬЯНЦ Тамара Завеновна, д. социол. н., проф., гл. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (tamara-adamiants@yandex.ru).

SOCIAL COMMUNICATION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

DOI: 10.31857/S013216250024384-5

Tamara Z. ADAMYANTS, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (tamara-adamiants@yandex.ru).

ВЕКТОР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПЛАТФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Всероссийский круглый стол «Отечественная социальная работа в условиях перехода к многополярному миру» состоялся 14 ноября 2022 г. в Сеченовском университете. Участники обозначили современное состояние и перспективы развития социальной работы как научной и практической составляющей социальной сферы современного общества. Отмечено, что в российском обществе сложилась новая практика социальной работы, появились научные школы, трансформировалась социальная работа как научная дисциплина.

И.Д. Лельчицкий (ТГУ, Тверь) в своем докладе сделал акцент на новой социально-культурной ситуации и «клиническом контексте» социальной работы. По мнению **И.В. Тимофеева** (ДТЭСН, Москва), в современной России имеется запрос на интеграцию социального и медицинского направлений. В настоящее время это перспективный вектор развития социальной работы.

Динамичные изменения социальной сферы являются предпосылкой изменения вектора развития социальной работы как практико-ориентированного научного направления. В этом ключе **А.В. Мартыненко** (МГМСУ им. А.И. Евдокимова, Москва) определяет социальное образование как один из векторов платформы социальной работы. Интеграция наук в социальном образовании предоставляет возможность подготавливать высококвалифицированных специалистов социальной сферы.

В последние годы значительно трансформировались сферы здравоохранения и образования, кардинально изменилась система социальной защиты населения, поэтому назрела необходимость применять новые подходы на практике и в области научных исследований. По мнению **А.В. Мартыненко**, интегрированные услуги повышают качество обслуживания населения. Потребность социальной работы во взаимодействии с психиатрией, паллиативной медицинской помощью, онкологией детерминирует появление новых специализаций, профилей подготовки. Это влияет на вектор развития социальной работы как научной дисциплины и социальной практики. В продолжение обсуждения **О.А. Анисеева** (ФУМО СПО по УГСН «Социология и социальная работа» 39.00.00) в своем выступлении определила необходимость интегрировать компоненты социальной работы как в образовательной, так и в профессиональной сфере.

Цифровизация общества, появление новых технологий также задают вектор социальной работе в теоретическом и практическом аспектах. **А.М. Панов** (МОО «Ассоциация работников социальных служб») отводит главенствующую роль социальным технологиям в социальной работе в аспекте профилактики и лечения социального здоровья общества. По его мнению, «под каждую социальную болезнь подводится отдельная социальная технология». В связи с этим для современной теории и практики социальной работы он определяет технолого-центристскую парадигму.

Затрагивалась проблема интеграции социальной работы с другими направлениями. Интегральный принцип лежит в основе межпрофильных взаимодействий и повышает эффективность решения проблемы граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. Как показывает практика, именно комплексный и междисциплинарный подходы дают возможность повысить качество оказываемых населению услуг и открывают инновационные решения проблем в социальной сфере. В методологическом плане именно междисциплинарный подход позволяет анализировать современное состояние сферы социальной защиты населения и находить новые пути решения актуальных проблем. Для мониторинга социальной сферы и определения качества оказания услуг специалистами по социальной работе используется широкий спектр инструментов социологической науки. Интегрализм проявляется в социальном партнерстве, которое основывается на объединении усилий представителей институтов гражданского общества, органов власти, медицинских организаций, учреждений сферы социального обслуживания. Межведомственные

взаимодействия, где одним из компонентов является социальная работа, дает возможность повышать эффективность интегрированных услуг.

Интегрируя подходы различных наук (философии, социологии, права, медицины, педагогики), теоретики социальной работы делают акцент на конкретных проблемных ситуациях, социальных отношениях. В теоретическом плане социология, медицина, педагогика выполняют вспомогательные функции для социальной работы в аспекте интерпретации проблемных ситуаций, тяжелых жизненных обстоятельств, с которыми сталкиваются индивиды.

Н.А. СКОБЕЛИНА

СКОБЕЛИНА Наталья Анатольевна, д. социол. н., доц., проф., Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия (fnask.71@mail.ru).

THE VECTOR OF AN INTERDISCIPLINARY PLATFORM OF SOCIAL WORK IN MODERN RUSSIA

DOI: 10.31857/S013216250023154-2

Natalia A. SKOBELINA, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. prof., Prof., Volgograd State University, Volgograd Russia (fnask.71@mail.ru).

© 2023 г.

ЖУРНАЛ – ЭТО ПЛОЩАДКА ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ НОВЫХ ИДЕЙ, ПОДХОДОВ, ДАННЫХ

10 ноября 2022 г. на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета состоялась встреча главного редактора журнала «Социологические исследования» проф. А.Г. Ключарева с авторами и читателями. В своем выступлении Григорий Артурович отметил основные показатели журнала, подчеркнул, что публикуются статьи по всему спектру социологических наук и направлений, освещается жизнь социологического сообщества. СоцИс остается площадкой для коммуникации социологов, платформой для обсуждения новых идей, подходов, полученных данных. Журнал открыт для новых идей и предложений и одной из своих приоритетных задач видит «прирост теории», повышение статуса социологии как научной дисциплины.

Вопросы, заданные главному редактору участниками встречи, прежде всего касались деятельности журнала в контексте развития отечественной социологической науки. Проф. **А.О. Бороноев** (член редакционного совета СоцИса) констатировал происходящее сегодня сокращение исследовательской и образовательной базы социологии в стране. Так, если полтора десятилетия назад в Санкт-Петербурге было около 30 активно работающих кафедр социологии, сегодня осталось только две-три. В СПбГУ работал Институт комплексных социальных исследований, сейчас его не существует. В вузах наблюдается процесс объединения кафедр социологии со смежными, сокращение количества часов на изучение социологии и т.п. Влияют ли эти процессы на количество и качество поступающих в редакцию материалов? С точки зрения проф. Г.А. Ключарева, все эти процессы безусловно оказывают влияние и на авторскую активность, и на качество представляемых материалов. Однако ситуация различается по регионам. Скажем, если среди авторов из Санкт-Петербурга наблюдается позитивная динамика по количеству публикаций в журнале (за период 2000–2002 гг. были опубликованы 17 статей питерских авторов, в 2010–2012 гг. – 50, а в 2020–2022 г. – уже более 70), то из некоторых регионов страны практически не поступают материалы или поступают крайне редко, хотя это достаточно крупные научные центры (Красноярск, Воронеж, Хабаровск, Иркутск, Владивосток).

В дружественной обстановке обсуждались важные для развития журнала вопросы. Например, увеличение объема рукописей (**О.Н. Безрукова**), возможность публикации

аналитических обзоров современных теорий, методология, терминология и понятийный аппарат (Е.А. Островская), «ожидания» от теоретических материалов (Н.А. Головин), перспективы развития рубрики «Социология международных отношений» (А.Е. Кутейников) и др.

В ходе дискуссии и обмена мнениями выступили профессора А.О. Бороноев, Ю.В. Веселов и А.В. Воронцов (РГПУ им. А.И. Герцена). По мнению А.В. Воронцова, социология вновь подвергается негласному гонению. Это совершенно неоправданно. Например, идет активное обсуждение темы патриотизма, но кто, как не мировоззренческая наука социология, может способствовать формированию духовно-нравственных, патриотических чувств у молодежи? Научным изданиям социологического профиля важно следовать принципам научности, правдивости, умеренного критицизма, давать объективную картину. Ю.В. Веселов поднял вопрос о процедуре работы редакции с рукописями в социологических журналах – так называемая технология *peer-review*. Подобный формат раздражает многих авторов и требует пересмотра, так как в этом случае редакция перекладывает на рецензентов ответственность принятия решения о публикации статьи или отказе. Оптимальным ему видится решение, когда журнал принимает принципиальное решение, публиковать материал или нет (и в этом берет на себя ответственность), а *peer-review* помогает автору доработать статью, повысить качество материала. Именно в таком формате работает СоцИс. А.О. Бороноев отметил, что, развивая историческую тематику, важно поднимать и современные острые темы, ведь фундамент социологии – социальная критика. Нужно не просто изложение фактов, проблем, а их критическое осмысление. Необходимо смелее публиковать материалы полемические, критические. Социологи должны участвовать не только в изучении, но и в формировании общественного мнения.

Н.Г. СКВОРЦОВ,
декан факультета социологии СПбГУ,
n.skvortsov@spbu.ru

DOI: 10.31857/S013216250023695-7

© 2023 г.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСТАНЕ

14 ноября 2022 г. прошел Международный симпозиум «Проблемы идентичности в современном Кыргызстане», посвященный 85-летию юбилею президента Социологической ассоциации Кыргызстана, Народного учителя Кыргызской Республики, доктора философских наук, профессора Исаева Кусеина Исаевича. В этот же день состоялся IX Конгресс (съезд) Социологической ассоциации Кыргызстана (САК). Международный симпозиум и IX Конгресс (съезд) САК прошли в КГТУ им. И. Раззакова, где юбиляр проработал более 25 лет и основал социологическую научно-исследовательскую лабораторию и позднее кафедру «Социологии и инженерной психологии». Выбор даты мероприятий не случаен, в этот день социологическое сообщество Кыргызстана также отмечает День социолога.

Ведущие вузы страны, в которых работал профессор К.И. Исаев (КГТУ им. И. Раззакова, БГУ им. К. Карасаева, КГНУ им. Ю. Баласагына, УНПК МУК), наградили юбиляра памятными медалями и одели в почетный белый чапан с белым калпаком. Международный общественный фонд «Насаатчы» вручил медаль «Гордость нации». Также проф. К.И. Исаева избран Почетным президентом САК.

В работе симпозиума приняли участие социологи ведущих исследовательских центров и вузов Кыргызстана, известные ученые из стран СНГ: чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко (ИС ФНИСЦ РАН, РГГУ, Россия), проф. В.А. Мансуров (президент РОС, Россия), акад. НАН

РК **С.Т. Сейдуманов** (вице-президент АСК, Казахстан), доц. **Е.А. Варшавер** (РАНХиГС, НИУ ВШЭ, Россия) и другие.

Основной целью международного симпозиума являлось обсуждение научных подходов к исследованию проблемы формирования и укрепления гражданской идентичности в стране и вклад К.И. Исаева в социологическое осмысление проблематики идентичности в суверенном Кыргызстане, в инициирование первых республиканских исследований по проблемам формирования гражданской идентичности, укрепления государственности и единства кыргызского народа. Также были обсуждены вопросы усиления роли социологических исследований и институциональной поддержки в лице САК в реализации Концепции развития гражданской идентичности «Кыргыз жараны» на 2021–2026 гг.

По итогам работы Конгресса был избран новый президент САК – Омуралиев Нурбек Ашимканович, доктор социологических наук, профессор, заведующий Центром социальных исследований Института философии, права и социально-политических исследований НАН КР.

К 85-ЛЕТИЮ Н.В. РОМАНОВСКОГО

2 марта 2023 года исполняется 85 лет заместителю главного редактора журнала «Социологические исследования» гл. научному сотруднику Института социологии ФНИСЦ РАН, профессору РГГУ Николаю Валентиновичу Романовскому. Редакция, Редколлегия и Редсовет журнала, а также многочисленные авторы, с которыми он работает долгие годы, коллеги и друзья поздравляют его с юбилеем!

Жизненный путь Николая Валентиновича вмещает в себе обычное, необычное и особенное. Обычное заключается в том, что его путь во многом повторяет то, что было в жизни сверстников: школа, учеба в институте, работа по поручению и/или выбору. Необычное – это кочевничество в семье морского офицера по просторам страны – от Владивостока до Одессы, где в школе, помимо прочего, изучал и украинский язык. Затем – несколько лет работы на строительстве гидроэлектростанции в г. Асуане (Египет).

Особенное – это эволюция от историка в признанного социолога по проблемам теории и истории социологии, выводы, идеи и размышления которого стали достоянием, предметом анализа и обобщений во многих публикациях. Но этот особый путь знаменателен еще и тем, что Романовский стал инициатором введения в российскую социологию такой важной специальной теории, как историческая социология, что впервые заявлено в специальной рубрике на страницах СоцИса (1998. № 5). С тех пор эта проблематика стала достоянием многих коллег, которые развивали, дополняли и/или дискутировали с его идеями.

Мне очень импонируют деловые и личные качества Николая Валентиновича, начиная с нашей первой совместной работы по реализации советско-канадского проекта «Россия на пути к рынку» в конце 1980-х гг. Она включала в себя огромный объем исследований, охватывающий основные отрасли народного хозяйства СССР. И хотя эта проблема на первый взгляд состояла из производственных, сугубо экономических вопросов, она натолкнулась на множество разногласий в трактовке и применении тех или иных показателей в процессе эмпирических исследований. Мы приходили к согласию с нашими канадскими коллегами во многом благодаря блестящему знанию Николаем Валентиновичем английского языка, понимания им сущности используемых социологических понятий. Сколько глубины, такта и умения выслушивать мнение другой стороны потребовалось для того, чтобы добиться однозначного понимания спорных вопросов. Эти качества он неустанно проявлял в своей многолетней работе на посту зам. главного редактора журнала. Умение слушать, слышать и обсуждать с автором и читателем, уважение к спорной точке зрения делали его непрекращаемым авторитетом при решении как текущих, так и принципиально важных проблем.

Но и другие грани его жизни не менее значимы и впечатляющи. Он прекрасно играл в волейбол, был участником многих ответственных соревнований. Эта увлеченность и любовь сохранялась долгие годы. Еще Николай Валентинович заядлый дачник, грибник, который проявляет завидное упорство в реализации садовых и огородных задумок или в бродяжничестве по лесным дебрям. Причем успехи в этих делах – не результат удач случайного любителя, а плод мастерства, знания природных земельных и лесных особенностей. Поэтому понятно то уважение людей, которое проявляется по отношению ко всем без исключения его делам.

Николай Валентинович умеет ценить коллег, тех, с кем учился и совместно работал, превращая эти контакты в созидательные силы своего творчества. Эта многогранность деятельности для меня является образцом жизненного пути настоящего русского интеллигента.

Ж. ТОЩЕНКО

Скромность, порядочность, честность, компетентность, ирония, интеллигентность, уважение – всё это можно сказать про Романовского. Но не это главное. Важно, как человек встречает и проводит свой «золотой возраст». Некоторые – с сожалением, опаской, грустью, тоской о невозвратной молодости. А здесь – вековая мудрость, о которой Сенека (I в. н.э.) говорил, что мудрец, удалившись от дел и выйдя на простор, начинает понимать, как низко стоят кресла в Суде или в Сенате, которые он в свое время занимал.

Уже несколько лет мне посчастливилось работать бок о бок в редакции СоцИса с этим замечательным и уникальным человеком. А это, поверьте, немалый подарок судьбы.

С Днём рождения, дорогой Николай Валентинович!!!

Г.А. КЛЮЧАРОВ

Николай Валентинович – один из тех замечательных представителей ученого сословия, кто самоотверженно и бескорыстно служит науке, равнодушен к почестям и свободен от тщеславия. Думает в первую очередь о науке, а не о себе в науке. Как редактор, он всегда безукоризненно объективен, качество и значимость исследования для него всегда на первом месте.

В значительной степени его усилиями, поддержанными Жаном Терентьевичем Тошценко, историческая социология воскресла в России на рубеже XX–XXI вв. и до сих пор еще живет. На посту зам. главного редактора журнала СоцИс он делал все, что в его силах, чтобы поддержать новое направление. В 1998–2003 гг. Николай Валентинович написал несколько программных статей, в которых объяснил читающей публике, что такое историческая социология и какое значение она имеет для социологов и историков. Его главная идея в том, что для повышения уровня познания общества социология нуждается в историзации, а история – в социологизации. И 25 лет своей жизни он посвятил пропаганде этой идеи, и доказательству синергетической эффективности союза двух наук. Думаю, что возможности опубликовать свои исследования по исторической социологии в СоцИсе я во многом обязан ему: все мои статьи прошли его редактирование, а некоторые были написаны по его предложению или под его влиянием. При этом юбиляр много печатался сам: за 1998–2022 гг. он опубликовал 224 работы, в том числе книгу «Историческая социология» (2009). Это завидная работоспособность, учитывая высокое качество исследований. Очень ценно, что Николай Валентинович внимательно следил за развитием исторической социологии в России и за рубежом и регулярно подводил итоги сделанному, знакомил с новинками. Юбиляр и СоцИс честно выполнили свою миссию – знакомить отечественных обществоведов с новым, что делается в исторической социологии, объединить в виртуальный коллектив всех работающих в этом направлении российских ученых, поощрять авторов проводить исследования в новой области и печатать в журнале их результаты. Николай Валентинович может спокойно и уверенно сказать: «Я сделал, что мог; пусть те, кто могут, сделают лучше». Осмелюсь от себя добавить – мне неизвестно, кто мог бы или может сделать лучше.

Хочется пожелать Николаю Валентиновичу здоровья, творческих радостей, новых исследований, и пусть его года будут его богатством!

Б.Н. МИРОНОВ,
проф. СПбГУ

Размышления над новой книгой

© 2023 г.

А.Л. ТЕМНИЦКИЙ

ЗАТРАГИВАЕТ ЛИ ПРЕКАРИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ ВСЕ СФЕРЫ ЖИЗНИ?

ТЕМНИЦКИЙ Александр Лазаревич – кандидат социологических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (taleksandr@list.ru).

Аннотация. Представлены анализ содержания коллективной монографии «От прекарной занятости к прекаризации жизни» и авторские размышления. Несмотря на многообразие аспектов прекарной занятости, рассмотренных в отдельных главах, авторов объединяет единый методологический принцип: выделение и учет в анализе социальных ролей личности работника – как гражданина, как жителя, как работника и участника непосредственного окружения в контексте межличностного общения. Такой комплексный подход позволяет увидеть, как связаны между собой сферы производственной и непроизводственной жизни людей разных профессиональных групп, имеющих разные статусы занятости. Основная гипотеза исследования о том, что прекаризация занятости ведет к прекаризации других сфер жизни, проверяется преимущественно на основе сравнения прекариев и не-прекариев по их ответам на релевантные вопросы анкеты с использованием метода процентных различий. Анализ содержания монографии, сводных таблиц в приложениях позволил сделать вывод о недостаточной доказательной базе для подтверждения гипотезы. Чтобы четче понять описываемые различия по множеству затрагиваемых аспектов, был составлен собирательный социально-демографический портрет прекарного работника. Использование его как модели для перепроверки эмпирических обобщений авторов позволило сделать вывод, что за обнаруживаемыми различиями прекариев и не-прекариев часто скрывается влияние третьего фактора (пол, возраст, образование).

Ключевые слова: прекарная занятость • прекаризация жизни • социально-демографический портрет прекария • удовлетворенность работой • удовлетворенность жизнью • количественные методы

DOI: 10.31857/S013216250023437-3

Выход в свет новой, четвертой по счету книги, посвященной проблеме прекарной занятости [От прекарной занятости..., 2022], может рассматриваться и как возможность для комплексного понимания заинтересованным читателем актуального для российского общества феномена, и как основание взыскательного анализа его характеристик, определения перспектив применения наработанных коллективом авторов методологических положений и подходов в исследованиях сферы занятости и труда.

Анализ структуры содержания монографий позволяет заметить определенную направленность в изложении материала: от раскрытия предпосылок понимания прекариата как нового класса [Тощенко, 2018] к характеристикам прекарной занятости, ее основных типов и специфических форм [Прекариат..., 2020], ее особенностей в разных сферах экономики [Прекарная..., 2021], к обоснованию и эмпирическим доказательствам тезиса

о прекарнизации жизни под влиянием условий прекарной занятости в рецензируемой монографии.

Насколько жизнь вне сферы труда, ее качество, смыслы жизненного мира обусловлены в настоящее время условиями занятости и труда наемных работников – ответы на этот центральный вопрос предполагает получить читатель, исходя из названия четвертой книги. Это не праздный и не тривиальный вопрос. Уверенность в существовании линейной связи между производственной и внепроизводственной сферами, когда с ростом удовлетворенности работой росла и удовлетворенность жизнью [Советская..., 1982: 21], была характерна для исследователей в советском обществе с его явно выраженным господством трудоцентристской идеологии. Фиксируемые проявления «переноса» положительных результатов труда и его субъективного восприятия – сквозь призму оценок удовлетворенности элементами производственной ситуации – на оценки жизни в целом являлись нормой. Для сформированного в России к началу 2000-х гг. общества потребления характерно рассогласование связей между показателями удовлетворенности жизнью и работой. По результатам повторных исследований было показано, что на удовлетворенность жизнью рабочих в конце 1990-х гг. в большей степени оказывали влияние обстоятельства внепроизводственной деятельности (доход, быт, досуг) и в меньшей степени – производственная ситуация и отношения на рабочем месте [Бессокирная, Темницкий, 2000: 35].

Анализ данных межстрановых исследований, а также данных РМЭЗ¹ за 2002–2016 гг. показал, что отличительной особенностью российских наемных работников является устойчивое превышение удовлетворенности работой над удовлетворенностью жизнью [Темницкий, Бессокирная, 2018], в отличие от их коллег из таких стран, как Дания, Норвегия, Нидерланды, Швеция, Швейцария, в которых удовлетворенность жизнью всегда оказывалась выше, чем удовлетворенность работой. Объяснения этому эмпирическому факту были даны следующие: за превышением удовлетворенности работой над удовлетворенностью жизнью скрывается прежде всего фактор интересной работы. Напротив, при более высоком уровне удовлетворенности жизнью работники реже характеризуют свою нынешнюю работу как интересную, но в то же время дают более высокие оценки личного счастья, чаще испытывают чувства наслаждения жизнью. Российские работники, у которых удовлетворенность жизнью выше, чем работой, дают более высокие оценки тому, как они питаются, одеваются, своим жилищным условиям, медицинскому обслуживанию, реже выбирают труд на предприятии в качестве значимых ценностей жизни и чаще – отдых, развлечения, общение с родственниками [там же: 148].

Применительно к исследованию феномена прекарности российских работников вопрос может быть уточнен следующим образом: имеются ли основания для проецирования обнаруженных авторами проявлений негарантированной и неустойчивой занятости, ущемлений прав работников и неудовлетворенности работой на различные стороны непроизводственной жизни (участие в общественной, политической и культурной жизни, межличностные и медиа-коммуникации), удовлетворенность жизнью в целом?

Для ответа на поставленный вопрос в монографии в методологическом плане вводятся понятия публичного и приватного жизненного мира личности с указанием на необходимость выделения и учета в анализе социальных ролей – как гражданина, как жителя, как работника и как участника непосредственного окружения в контексте межличностного общения (гл. 1, Ж.Т. Тощенко); уточняются критерии отнесения работников к группе прекариев и вводятся понятия прекарнизации жизни как процесса и ее прекаризованности как состояния (гл. 2, И.О. Шевченко); выдвигается концептуальное положение о деформации труда под влиянием технологических изменений, роста объемов бессмысленной

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии РАН. URL: <http://www.hse.ru/rlms>

работы из-за снижения качества управления и несовершенства организации труда, что перетекает в бессмысленную жизнь (гл. 3, Р.И. Анисимов).

Остальные главы наполнены преимущественно эмпирическим содержанием и посвящены раскрытию многообразных проявлений precarious занятости разных профессиональных групп наемных работников, выявлению и характеристикам особенностей прекариев и не-прекариев по их общественно-политическим позициям (гл. 5, И.В. Воробьева), социально-психологическому состоянию (гл. 6, Г.В. Тартыгашева), жизненных миров преподавателей вузов (гл. 8, М.Б. Буланова) и врачей (гл. 10, И.А. Полякова), а также особенностям влияния прекаризации занятости на материальное положение (гл. 4, А.В. Кученкова), социального благополучия самозанятых (гл. 7, Н.М. Великая), выявлению общих и особенных черт образа жизни работающих бедных и прекариев (гл. 11, Д.Д. Лиферов), связи шеринг-экономики с прекаризацией (гл. 12, Г.В. Ниорадзе).

Для того чтобы на эмпирических данных показать, что прекаризация занятости ведет к прекаризации других сфер жизни, абсолютное большинство авторов монографии использует метод сравнения прекариев и не-прекариев. В качестве главного критерия их различия используется форма трудоустройства. К прекариям относят работников, которые оформлены по временному договору менее года либо вообще работают без трудового договора, к не-прекариям – тех, кто имеет бессрочный договор. Более сложный подход к выделению прекариев на основе трех и более признаков использует только И.О. Шевченко.

Позволяют ли полученные данные, их систематизация и анализ составить социально-демографический портрет прекария? Ответ на этот центральный вопрос позволит четче понять описываемые различия по множеству затрагиваемых в монографии аспектов. И это очень сложная задача, поскольку многообразие вариантов форм прекаризации труда и занятости, включенность в них самых разнообразных групп приводит, по мнению многих исследователей, к выводу о невозможности провести операционализацию понятия «прекариат» [Гасюкова и др., 2016: 52]. Выделить преобладающие, отличительные характеристики тех наемных работников, которые не имеют оформленного трудового договора либо его продолжительность не превышает одного года, можно, обратившись к сводным таблицам по каждому из проведенных исследований, размещенных в приложениях.

К числу наиболее явных отличительных признаков precarious работников относится отрасль занятости. Они примерно в два раза чаще работают в строительстве, торговле, бытовом обслуживании и ЖКХ по сравнению с не-прекариями или назовем их типичными работниками [Прекариат..., 2020: 371]. Еще более заметным фактором, различающим эти две категории работников, является форма собственности предприятия. Большинство прекариев (55%) работают на частных предприятиях, 11% – на государственных. Напротив, большая часть типичных работников занята на государственных (45%), а на частных – 33% [там же: 382]. Обнаруживаемые различия по полу и возрасту во многом обусловлены, на наш взгляд, спецификой отрасли занятости. Доля мужчин среди прекариев примерно 56%, в противоположной категории – 46%. Среди прекариев примерно в два раза больше молодых работников до 30 лет (30 и 14%). Примерно три четверти прекариев имеют среднее и среднее специальное образование, тогда как среди типичных работников таковых немногим больше половины, зато более чем в два раза выше доля с высшим образованием (38 и 16%). Аналогичные социально-демографические характеристики precarious работников выявляются и при работе с другими базами данных, например РМЭЗ-НИУ ВШЭ [Темницкий, 2022: 93].

Таким образом, социально-демографический профиль precarious работника преимущественно составляют молодые мужчины со средним и средним специальным образованием, занятые в сфере торговли и услуг, строительной отрасли и на транспорте, стремящиеся больше заработать и поэтому чаще занятые на предприятиях с частной формой собственности с плохо регулируемой продолжительностью рабочего времени и слабой социальной защищенностью. Противоположная прекариату категория работников, работающая

на условиях бессрочного найма преимущественно в бюджетном секторе экономики в условиях стандартной занятости 8-часового рабочего дня, может быть идентифицирована не на отрицании (не-прекарии, как в книге), а быть названа социалитат, т.е. получающие блага из общественных источников, бюджетники [Бузгалин, Колганов, 2019: 23].

В этой связи поставленный в книге вопрос о расширении содержания проявлений прекарности, ее последствий, затрагивающих все важнейшие сферы жизни работников, требует последовательного учета специфики выявленных социально-демографических характеристик прекариев.

Прекаризация жизни рассматривается в монографии как снижение жизненной активности в разных областях человеческой деятельности вследствие перегрузки в сфере трудовой занятости, уменьшения свободного времени и недостатка доходов, сопровождающееся сокращением доступа к социальным и культурным благам и изменениями в образе жизни (с. 54). Данное определение носит доказательный, а не атрибутивный характер. Является ли понимаемая таким образом прекаризация жизни следствием проявлений прекарности в занятости или обусловлена другими, не связанными с работой факторами? С позиций используемого авторами количественной стратегии исследования требуется строгая система эмпирической верификации вывода, заложенного в определение ключевого понятия.

Рассмотрим с позиций главного методологического положения: учитывать при анализе определяющие социальные роли личности – как гражданина, жителя, работника и участника непосредственного окружения в контексте межличностного общения, предложенные читателю выводы и обобщения.

Гражданские позиции и поведение чаще всего измеряются посредством показателей политического участия, а его наиболее распространенной формой является участие в выборах. Вывод о том, что граждане, работающие на условиях бессрочной занятости, демонстрируют значительно большую политическую активность, чем работающие без трудового договора (с. 99), нуждается в дополнительных уточнениях, прежде всего с учетом возрастной принадлежности. Известно, что российская молодежь более аполитична по сравнению со старшими возрастными группами. Уточнить достоверность этого вывода можно было бы при элиминировании фактора возраста. Отличаются ли молодые прекарии от ровесников, работающих на условиях бессрочной занятости, по участию в выборах президента РФ, депутатов в Госдуму и т.п.? Не является ли разница почти в 20% по участию в выборах прекариев и не-прекариев (с. 100) следствием примерно такой же разницы в долевом представительстве молодых работников двух сравниваемых групп? Ответы на подобные закономерные вопросы в книге не даются.

Очень важными для раскрытия гражданских позиций являются показатели доверия различным институтам власти. Вывод о том, что прекарии почти в два раза реже доверяют президенту, правительству, Государственной думе, Федеральному собранию (с. 104), может привлечь внимание читателя. Только вот за точку сравнения берется опрос всего населения в 2018 г., по отношению к которому указанные различия в равной мере характерны как для прекариев, так и не-прекариев, опрошенных в 2019–2020 гг. Падение в уровне доверия можно объяснить не сколько временной динамикой, сколько различными структурами выборочных совокупностей. В 2019 г. опрос проводился в трех отраслях экономики (строительство, транспорт и сфера услуг), 2020 г. – в промышленности, сельском хозяйстве и науке, в 2021 г. выборку образовали преподаватели вузов и работники организаций здравоохранения. Последняя оказалась явно неудачной для целей исследования, поскольку доля преподавателей, работающих по временному договору менее года, составила 6% (24 чел.), а без трудового договора – 0,8% (3 чел.), у медицинских работников соответственно 12 и 8 чел. Несмотря на это, по всем группам в приложениях даются процентные распределения ответов на вопросы анкеты. К сожалению, разнохарактерные структуры выборочных совокупностей по всем годам исследований не позволяют рассматривать его как мониторинговое.

В монографии используется множество показателей по измерению диспозиций и поведения прекариев и не-прекариев в сфере повседневной жизни (виды деятельности в свободное время, отношение к здоровью, отношения в семье и в ближайшем круге общения, самооценки настоящей и будущей жизни). Во всех случаях сравнения прекарии проигрывают или проявляют меньшую активность в разных сферах жизни, и в абсолютном большинстве случаев можно увидеть либо признаки статистической несущественности в процентных различиях сравниваемых групп, либо признаки возможного влияния третьего фактора, под влиянием которого эти различия и происходят. Так, обнаруженный факт, что не-прекарии чаще занимаются домашним хозяйством, детьми, авторы сами признают, что, скорее всего, это обусловлено большей долей среди них женщин (с. 49). На большую частоту у не-прекариев таких досуговых занятий, как чтение художественной литературы, посещение театров, концертов, музеев и выставок, скорее всего влияет фактор более чем двукратного перевеса в наличии высшего образования по сравнению с прекариями. На невнимательное отношение к своему здоровью прекариев, меньшую активность в его поддержании и лечении, опять же, скорее всего влияет фактор большей частоты их принадлежности к мужскому полу и молодому возрасту.

Использование количественных методов сбора данных предполагает и использование адекватных им статистических мер анализа (построение трехмерных таблиц сопряженности, использование коэффициентов симметричной и направленной связи и т.п.). К сожалению, в абсолютном большинстве глав монографии выводы делаются только на сравнении процентных различий без учета их статистической значимости. Возвращаясь к проблеме соотношения уровней удовлетворенности работой и жизнью как одному из простых, но надежных, на наш взгляд, методов определения связи между производственной и непроизводственной сферами жизни, мы попытались, но не смогли на материалах монографии проверить гипотезу о том, что для российских работников характерен более высокий уровень удовлетворенности работой, чем жизнью. Помешало этому отсутствие в вопросниках идентичных шкал измерения. Удовлетворенность жизнью измерялась по трехчленной шкале (удовлетворены, частично, не удовлетворены), а удовлетворенность работой по четырехчленной (полностью, скорее удовлетворены, скорее не удовлетворены, не удовлетворены). Если суммировать позиции полностью и скорее удовлетворены, то можно утверждать, что удовлетворенность работой у всех групп работников (как прекариев, так и не-прекариев) существенно выше, чем удовлетворенность жизнью (от 25% с бессрочным наймом до 14% у работающих без трудового договора), но это весьма приблизительное обобщение.

Несомненно, что серия работ по прекарной занятости, выполненная коллективом авторов под руководством Ж. Тощенко, стала заметным прорывом для понимания, объяснения и дальнейшего изучения социальных процессов в сфере труда и занятости. Прекарная занятость в той или иной мере стала неотъемлемым эмпирическим фактом трудовой деятельности абсолютного большинства наемных работников современной России. Мы все прекарии – как образно было отмечено в одной из предыдущих рецензий по этой теме [Климова, 2022: 169]. Вместе с тем представляется, что главными направлениями в дальнейшем исследовании проблематики прекарной занятости являются не поиск признаков перехода от прекариата как протокласса к новому опасному классу, от прекарной занятости к прекарной жизни. Новая геополитическая ситуация, переход к мобилизационной экономике востребуют в большей мере работника, обладающего не только высокими профессиональными компетенциями, но и готового к быстрой смене рабочих мест, к профессиональному переобучению, работника, способного комбинировать в своих стратегиях трудового поведения разные формы занятости, с высокой степенью готовности к переработкам, к жесткой трудовой дисциплине, и вместе с тем актуализируют качества самодостаточности и уверенности в себе, в своих ресурсах. Обратной стороной новых требований является ослабление трудовых прав, беззащитность работника перед работодателем и администрацией предприятий. Предполагается, что именно на стыке данного противоречия формируется новая повестка дня отечественной социологии труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Рабочие на частном предприятии: удовлетворенность жизнью // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 33–37.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформация социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1.
- Гасюкова Е.Н., Карачаровский В.В., Ястребов Г.А. Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 48–63.
- Климова С.Г. Рец. на: Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021 // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 168–172. DOI: 10.31857/S013216250020194-6.
- От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022. 364 с.
- Прекариат: становление нового класса. Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2020.
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021.
- Советская социология: в 2 т. / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1982. Т. 2: Динамика социальных процессов в СССР.
- Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П. Удовлетворенность работой и удовлетворенность жизнью в современной России: модели взаимосвязей // Вестник Омского ун-та. Сер. «Экономика». 2018. № 4 (64). С. 138–152.
- Темницкий А.Л. Ресурсный потенциал прекарных работников в России // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 86–99. DOI: 10.31857/S013216250021065-4.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

DOES PRECARIETY OF EMPLOYMENT AFFECT ALL SPHERES OF LIFE?

TEMNITSKIY A.L.

MGIMO University, Russia

Alexander L. TEMNITSKIY, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., the Sociological Department of the MGIMO University; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (taleksandr@list.ru).

Abstract. The paper presents the author's analysis of the collective monograph entitled "From Precarious Employment to Precarity of Life". Despite the variety of precarious employment aspects discussed in separate chapters, the authors are united by a methodological principle: singling out the personality of an employee – as an individual, a resident, a worker, and a participant in his/her immediate environment in the context of interpersonal communication – and taking this personality into account in the analysis of social roles. Such an integrated approach allows to see the interconnection between the spheres of production and non-production life of people belonging to different professional groups and having different employment statuses. The main hypothesis of our study is that precarity of employment entails precarity of other spheres of life. This hypothesis is tested primarily by comparing precarious and non-precarious persons in their responses to relevant questions of a survey using the percentage difference method. Our analysis of the monograph content and the summary tables in the appendices allowed to conclude that there is not enough evidence to support this hypothesis. To better understand the differences described for the many aspects covered in the monograph, we have compiled a collective social and demographic profile of a precarious employee. Using this profile as a model for rechecking the authors' empirical generalizations led us to conclude that the influence of a third factor (sex, age, education) is often at the back of detectable differences between precarious and non-precarious persons.

Keywords: precarious employment, precarity of life, precarious person's social and demographic profile, job satisfaction, life satisfaction, quantitative methods.

REFERENCES

- Bessokirnaya G.P., Temnitsky A.L. (2000) Workers at a private enterprise: satisfaction with life. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 7: 33–37. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019) Transformation of the social structure of late capitalism: from the proletariat and the bourgeoisie to the precariat and the creative class. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 1: 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1. (In Russ.)
- Gasyukova E.N., Karacharovskiy V.V., Yastrebov G.A. (2016) Different precariat: about the sources and forms of instability of the social status of individuals and groups. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. No. 3: 48–63. (In Russ.)
- Klimova S.G. (2022) Rev.: Precarious employment: Precarious employment: origins, criteria, features / Ed. Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 5: 168–172. DOI: 10.31857/S013216250020194-6. (In Russ.)
- From Precarious Employment to Precarity of Life.* (2022) Ed. Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- The Precariat: The Rise of a New Class.* (2020) Ed. Zh.T. Toshchenko. Moscow: TsSP i M. (In Russ.)
- Precarious employment: origins, criteria, features.* (2021) Ed. Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Soviet sociology: in 2 vol.* (1982) Ed. G.V. Osipov. Moscow: Nauka. Vol. 2: Dynamics of social processes in the USSR.
- Temnitskiy A.L., Bessokirnaya G.P. (2018) Work and life satisfaction in modern Russia: models of interrelation. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Ekonomika* [Herald of Omsk University. Series "Economics"]. No. 4: 138–152. (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2022) Resource Potential of Precarious Employees in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 11: 86–99. DOI: 10.31857/S013216250021065-4.
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Precariat: from protoclass to new class.* Moscow: Nauka. (In Russ.)

Книжное обозрение

© 2023 г.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ФРИЛАНСЕРАХ? СОЦИОЛОГИЯ СВОБОДНОЙ ЗАНЯТОСТИ. М.: ВШЭ, 2022.

Изучение платформенной и других форм цифровизированной занятости с высокой долей precarious труда стало модным трендом последних нескольких лет среди российских социологов и экономистов. Активно обсуждается переход к цифровой экономике, в которой платформенный труд становится ключевой формой организации работы. Многочисленные выступления экспертов, аналитические доклады и научные публикации посвящены характеристике неопишуемого, поскольку границы того, что называется цифровым трудом или даже платформенной занятостью, чрезвычайно размыты, а интеграция различных форм труда в интернет-технологии или программные платформы не всегда очевидна и не так легко поддается аналитическому раскрытию. Трудно представить себе сферу занятости, где соответствующие технологии еще не применяются.

Более того, нередко «быстрой аналитике», касающейся платформенной занятости, недостает исторической перспективы – читая соответствующие публикации, складывается ощущение, что их авторы узнали из текстов зарубежных авторов о модных трендах на рынке труда и стали лихорадочно искать схожие феномены на российской почве, не обращая внимания на страновую специфику и предысторию включения различных профессий и занятий в цифровизированное пространство. Иными словами, с одной стороны, нынешнее повальное увлечение цифровым или платформенным трудом отчасти является откликом на быстро меняющуюся конъюнктуру запросов со стороны различных стейкхолдеров, включая государство, а с другой – подобная скороспелая аналитика не раскрывает процессы институциональной и социальной эволюции данных видов труда и не показывает их укорененность в практики занятости в различных регионах страны и выходящие за пределы ее географических границ.

Эти пробелы в новейшей истории precarious цифровизированного труда в России восполняет фундаментальная монография Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука, посвященная социологическому анализу феномена фрилансера. Основными достоинствами этой работы являются, во-первых, опора на результаты многолетних социологических исследований, которые в основном сопоставимы между собой и позволяют увидеть формирование новой группы занятых вместе с развитием информационной экономики в динамике, а не просто как возникший из неоткуда феномен, чем грешат другие работы на схожую тематику. Залогом этой исторической связности богатого аналитического материала стало то, что авторы начинали заниматься данной темой примерно с 2006 г. и с тех пор смогли провести несколько волн онлайн-опроса среди самозанятых профессионалов и среди заказчиков. Как итог, мы видим явление в его историческом развитии, а доверие к аналитике, основанной на таком обширном корпусе данных, выше, чем к разовым исследованиям, проведенным ad hoc.

Во-вторых, эта обширная по объему и тематическому охвату работа отличается основательностью с точки зрения органичной интеграции огромного массива накопленных эмпирических данных с теоретическими размышлениями, выходами на аналитические обобщения, увязанные с зарубежными и российскими концепциями, но не ограничивающиеся

их пересказом. Например, на основе обобщения исследований, посвященных фрилансу, авторы предлагают собственное определение этого типа самозанятого работника: «независимый профессионал, занятый интеллектуальным трудом в сферах нематериального производства, не является сотрудником организаций, не включен в традиционные трудовые отношения, а самостоятельно реализует трудовые услуги на рынке, обладая высоким уровнем трудовой автономии» (с. 33). К этому определению есть некоторые вопросы, касающиеся, например, того, что данное определение оставляет за рамками рассмотрения огромное число самозанятых «мастеровых», предлагающих свои услуги по ремонту, сервисному обслуживанию техники и т.п. на платформах, подобных Profi.ru, хотя они тоже являются фрилансерами. В то же время в книге можно найти ясные и теоретически фундированные дефиниции многих важных концептов, связанных с масштабным переходом сферы труда и занятости в режим цифровой и платформенной экономики, включая понятия ремесленников информационной эпохи, кочующих экспертов экономики знаний, информационных работников, удаленной работы, киберпролетариев, «цифровых воротничков», гибридной карьеры и др.

В-третьих, монография предлагает комплексный взгляд на фрилансерство в России, не упускающий ключевые темы и сюжеты раскрытия этого феномена. Начиная с дефиниционистского анализа фрилансерства в социологическом ключе далее читатель имеет возможность погрузиться в методологическую специфику этого многолетнего исследования, а потом узнать о профессиональной специализации российских фрилансеров, географии удаленной работы, социально-демографических характеристиках типичного фрилансера, ожиданиях занятых в этом секторе от своей деятельности, их трудовых ценностях, отношениях с заказчиками, организации труда, уровне зарплаток и многом другом. Каждый сюжет раскрыт в достаточной степени подробно, и авторы старались не ограничиваться описанием имеющейся статистики и материалов интервью, но связывали полученную аналитику с концептуализациями, отраженными в исследованиях российских и зарубежных коллег.

При этом данная монография, в силу специфики методического дизайна исследования и характера обобщенных данных, имеет некоторые ограничения. Хотя авторами и была собрана богатейшая база данных, включающая результаты онлайн-опросов и интервью с самозанятыми, однако эти опросы проводились на определенной площадке – бирже удаленной работы Fl.ru, которая хотя и является крупнейшей по охвату, однако не отражает всего спектра форм занятости цифровизированных фрилансеров. В первые годы развития этого явления дистанционные самозанятые возможно и пользовались ограниченным числом доступных площадок, однако в последнее десятилетие продолжающаяся революция в сфере ИКТ сделала возможным работать удаленно посредством разнообразных специализированных и внутрикорпоративных платформ, доступ к которым у авторов исследования отсутствует (впрочем, авторы упоминают об этом ограничении). Поэтому у данной темы есть большие перспективы по типологическому расширению выборки и тематическому охвату исследования. Также авторы работы нередко анализируют агрегированную статистику, объединяя массив данных по нескольким волнам «переписи фрилансеров» (2011, 2014, 2019), хотя в нашем динамичном мире и с учетом высокой скорости трансформаций цифровизированной занятости это кажется не всегда уместным. В частности, такое объединение массивов данных было осуществлено в главе 7 «Трудовые ценности» (см. рис. 7.2. Трудовые ценности фрилансера: результаты многомерного шкалирования). Рискну предположить, что в 2011 и 2019 гг. (с. 244) (первая и завершающая базы объединенного массива) качественный и возрастной состав фрилансеров может отличаться, как и внешняя ситуация их труда, а значит отличаются и трудовые ценности между этими когортами самозанятых. Возможно агрегирование этих данных не совсем уместно.

Несколько смущает название монографии, намекающее, что фрилансерство – это некая «свободная занятость», и настраивающее на позитивное восприятие этой трудовой

практики. Кажется, здесь авторы невольно попали в ловушку неолиберального мышления, интерпретирующего всякое освобождение от оков организации как благо, хотя порой за этим скрывается интерес бизнеса или государства. В этом отношении фрилансерство, безусловно, означает свободу (скорее в либертианском смысле), но эта свобода уравновешивается, а иногда и перевешивается сопутствующими издержками – нестабильностью доходов, сужением горизонта планирования профессиональной и личной биографии, формированием комплекса вечной прекарности, отсутствием социальных гарантий и многими другими теневыми сторонами непостоянного найма. Возможно для капитализма подобного рода работники удобны – составляют подвижную полупериферию и периферию проектной занятости, труда как легко управляемого капитала, однако в перспективе личного и профессионального биографического проекта самого индивида ставка на вечное фрилансерство скорее окажется экзистенциальным проигрышем. К тому же переход на другой этап жизненного цикла – обзаведение семьей и детьми, необходимость обслуживания ипотеки и автокредитов, вложений в образование детей ставит вопрос о том, насколько нестабильность доходов в режиме «свободной занятости» уместны? В этом смысле фрилансерство – удел молодых или же вынужденная мера для тех, кто остаётся за бортом стандартного наемного труда. «Свобода» здесь становится тем самым нарисованным очагом в сказке о Буратино, за которым скрывается не так много преимуществ, хотя именно такая трактовка, может быть, и удобна многим работодателям – от государственных организаций до корпоративного сектора.

Известным примером здесь является стремительная прекариатизация сектора академического найма в России на фоне менеджериалистских реформ последнего десятилетия. Огромное число преподавателей вузов было переведено на краткосрочные контракты (годовые или двухлетние) без перспективы их возобновления или же вообще оказались за пределами штатного расписания университетов, став почасовыми поденщиками науки на ГПХ. Всё это оказалось очень удобно для ректоратов российских вузов (при этом сами ректоры и проректоры предпочитают работать на более стабильных условиях найма), но такого рода «свобода» приводит к постоянному стрессу работников. Надеюсь, обозначенная в названии книги идея «свободной занятости» применительно к фрилансу всё же не приживется как общезначимый термин.

Итак, монография Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука своим значительным масштабом охватывает огромную тему интеграции самозанятых в цифровую экономику и во многом подводит аналитический итог развитию этой сферы профессионализированной занятости. Означает ли это закрытие темы фриланса в отечественной социологии? С одной стороны, фрилансеры никуда не делись, а после массовой эмиграции многих специалистов интеллектуального труда на фоне военного конфликта с Украиной число фрилансеров, интегрированных с цифровыми платформами, возможно даже и выросло. В то же время новые эмигранты, вероятно, уже не принадлежат в полной мере российскому (и даже русскоязычному) пространству труда и занятости – сложности с переводом гонораров за границу и организационные ограничения найма работников, находящихся не в России, в потенциале существенно ограничивают перспективы продолжения участия этих групп специалистов на внутреннем рынке фриланса. Их, вероятно, заменят другие, и это уже будет новая история цифровых самозанятых. С другой стороны, важность этой монографии в том, что она стала историческим свидетельством развития цифрового фрилансерства в России на протяжении последних пятнадцати лет. Теперь в ней как в янтаре застыла история труда самозанятых в ее эволюционном становлении со всеми противоречиями и спецификой. В прежнем виде эта история закончилась, но ее новые страницы пишутся самой реальностью здесь и сейчас.

Кто же является приоритетным читателем новой монографии? Помимо ученых, работающих в профильной тематике, отдельные главы этой монографии могут быть рекомендованы студентам в качестве обязательного чтения по курсам, связанным с социологией и экономикой труда и профессий. Однако, помимо академической аудитории, данный

текст можно рекомендовать экспертам из корпоративного сектора и медиа, а также тем, кто активно использует труд цифровых фрилансеров. К тому же имеются сведения, что в России планируется законодательно закрепить статус подобных работников, и в связи с этим монография уместна на столах тех, кто разрабатывает соответствующую нормативную базу. В целом, это важная книга в российском социологическом пространстве.

Р.Н. АБРАМОВ

АБРАМОВ Роман Николаевич – доктор социологических наук, профессор департамента социологии, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (roman_na@mail.ru).

Strebkov D.O., Shevchuk A.V. WHAT DO WE KNOW ABOUT FREELANCERS? SOCIOLOGY OF FREE EMPLOYMENT. Moscow: VSHE, 2022. Reviewed by R.N. ABRAMOV.

DOI: 10.31857/S013216250024630-6

Roman N. ABRAMOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. Department of Sociology, Leading Research Fellow of the International Laboratory for Social Integration Research HSE University; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (roman_na@mail.ru).

© 2023 г.

Козырьков В.П., Придатченко М.В., Шалютина Н.В.
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ:
учебное пособие / Под ред. В.П. Козырькова. СПб.:
Алетейя, 2021.

Учебное пособие написано на основе многолетнего опыта преподавания авторами дисциплины «Социология культуры» магистрам и аспирантам с учетом специфики молодежной аудитории при анализе теоретических проблем и постановке вопросов для обсуждения.

Авторы побуждают аспиранта/магистра к размышлению над альтернативами общественного развития. Даже названия параграфов ориентируют на это сотрудничество, например: «Зачем цифровому обществу сохранять культуру и что ему делать с контркультурой?» Дидактическая мудрость такого построения пособия имеет объективные причины: понятия социологии культуры не имеют и не могут иметь однозначных дефиниций, поскольку их содержание формируется под влиянием множества факторов, в том числе ситуативных. Один из параграфов «О пользе и вреде словарей и сайтов о культуре в социальных сетях» (с. 31)¹ указывает на тщательность анализа понятийного аппарата, связанного с дефинициями культуры, которых, как известно, около тысячи.

Зафиксировав сложность феномена культуры, анализируя наиболее распространенные «стереотипные» дефиниции (с. 15–41), авторы приходят к выводу, что окончательного определения культуры дать невозможно, так как культурные практики постоянно развиваются, а поэтому «понятие культуры вне его исторического и объективного содержания лишено смысла» (с. 38). Однако ссылка на конкретику эпохи не снимает вопроса о критерии отнесения к культуре различных явлений, поскольку «наиболее тонкие инструменты

¹ В круглых скобках указываются страницы рецензируемой книги.

развития человека могут превратиться в орудия его порабощения». И далее: «высокий уровень культуры общества» предполагает «ее гуманистическую направленность», вне которой «формируется кризис культуры» (с. 39). Но конкретизируя многозначное понятие «культура» через не менее многозначное «гуманизм», проблема строгости дефиниции не решается – гуманизм имеет не только историческое, но и классовое/кастовое/групповое наполнение в соответствии с выбранной акторами/субъектами сверхзадачей. Все попытки его содержательного однозначного наполнения на сегодняшний день терпели крах. Так, свежий пример – мотивация «культуры отмены» русской, а заодно и всей российской культуры на Западе в 2022 г. после начала спецоперации. Именно поэтому утверждение, что «социология культуры есть один из способов рационалистического противостояния процессам отчуждения человека» (с. 39), не более чем желаемое, но не действительное.

Поскольку рабочее определение культуры все-таки нужно, авторы предлагают: «В самом общем логическом смысле культура есть такая деятельность и такие средства, используемые человеком в своей общественной деятельности, которые позволяют раскрыть наиболее полно свойства объекта и добиться их совершенствования в общественной жизнедеятельности» (с. 55). В нем упор сделан на внешний результат деятельности человека, но не на его личностное изменение. Это вписывается в устоявшееся в общественном мнении «смысловое поле»: культура – это лучшее, что создано человечеством, после чего можно было бы поставить точку. Но как быть с критериями совершенства, например при применении ядерного оружия? Или – на обыденном уровне – возможностью изменения внешности через пластическую операцию, все чаще практикуемую преступниками?

Если анализу дефиниций культуры авторы уделяют несколько десятков страниц, то понятие цифрового общества вводится без «расшифровки» его значений. Авторы подчеркивают, что «цифровое общество есть не столько продукт действия цифровых технологий, сколько цифровые технологии есть “продукт” развития самой культуры» (с. 7). Такой подход основывается на широком понимании культуры, как всего (т.е. и технологий) искусственно созданного человеком. На наш взгляд, более точна позиция марксизма: производительные силы более динамичны, чем производственные отношения. Наука на определенном этапе сама становится производительной силой общества, но это не снимает вопроса об исторической первичности других элементов производительных сил. К тому же поставленный ранее вопрос о критериях совершенства вновь приобретает латентность.

Продемонстрируем это на примере анализа утверждения авторов, что «Социология культуры в цифровом обществе становится социологосом культуры, поскольку виртуальное пространство не может содержать в себе весь общественный культурный контент без его осмысленной рационализированной формы с использованием цифровых технологий» (с. 7). Рационализация, вне сомнения, необходима, но не стоит преувеличивать роль гуманитарного знания как некоего демиурга. На наш взгляд, социология культуры не способна быть *социологосом*: как и все другие отраслевые социологии она дает более/менее адекватную оценку событий в изучаемой сфере. В лучшем случае фиксируются тенденции, реже закономерности, но в условиях непредсказуемо меняющихся технологий (от собственно технических до социальных) и закрытости информации от «непосвященных» (в число которых входят и обществоведы) социальные науки утрачивают познавательную функцию, снижается качество их прогнозирующей и управленческой функций, а соответственно, востребованность и роль в обществе. Поздний советский и постсоветский периоды подтверждают этот вывод многочисленными примерами, в том числе через реформу образования.

Кроме того, никогда в истории ни одна из отраслевых социологий, как и наука вообще, не были социальным актором/субъектом принятия решений. Ближайший и ярчайший пример – реформа Российской академии наук 2013 г., направленная на разделение научно-исследовательских и административных функций, наглядно показала уровень/степень субъектности даже такого, казалось, неприкасаемого из-за своей авторитетности института, как РАН, и манипулятивности ее членами.

Снижая функционал социологии культуры как «социологоса культуры», мы не отрицаем необходимости анализа всего доступного «поля культуры», оговорив, что оно не имеет четких границ с субкультурой, контркультурой, антикультурой... Об этой «текучести» понятия авторы пишут так: «Культура в социологическом моделировании есть явление, одновременно сложное и простое, понятное и таинственное, устойчивое и постоянно изменяющееся, единое и многообразное, монолитное и противоречивое, индивидуальное и общественное» (с. 9). Здесь же задается справедливый вопрос: объектами Министерства культуры РФ являются музеи, театры, архивы, литература, но почему его не интересуют, к примеру, культуры отдельных социальных групп, образования и т.д. «О теневой стороне культуры в общественном сознании не возникает даже вопросов, так как на обычном уровне культура всегда оценивается как нечто положительное» (с. 15).

Действительно, закрепление за понятием культуры положительного содержания выводит за рамки исследования сложнейшие взаимоотношения, возникающие в повседневной жизни. Веками формировавшаяся практикой совместного выживания популяции, закрепленная в религиозных заповедях матрица общественного сознания включала в себя набор образцов, получивших название традиционных ценностей. Обеспечивая стабильность обыденной жизни, они не могли не быть признанными как положительные; при этом формулировка их столь абстрактна, что позволяла трактовать каждую норму в угоду историческим реалиям. Наглядный пример – десять казней египетских, которые наслал бог евреям на египтян, не осуждаются и после провозглашения шестой заповеди Ветхого Завета «Не убей», а Новым Заветом благословляли крестовые походы и инквизицию. Но чем лучше мораль князей «Святой Руси», из-за междоусобицы которых потомки веками расплачивались данью? Подобные явления прошлого оправдываются историческими обстоятельствами и характеризуются как разновидность культуры определенного этапа развития общества. Иная ситуация по отношению к настоящему: изобретаются многочисленные критерии оценки одних и тех же современных явлений на шкале «культура – не культура», «гуманно – не гуманно» либо для их оправдания, либо осуждения вне конкретности контекста.

Мы солидарны с А.А. Возьмителем, сделавшим на основе анализа ситуации в России вывод «о движении России в сторону того типа культур, для которых характерно достижение результата любой ценой»². Согласимся и с Л.Г. Фишманом, что «посткапитализм – не коммунизм и не христианский рай. Это, своего рода, загробная жизнь капитализма, в которой нет и не может быть места совершенному человеку будущего, но зато есть место “личностям” – феноменам эпохи эксплуатации и неравенства в разных его видах, обреченных на социальный рай или ад»³. И это объяснимо: обыденное сознание следует за образцами, тиражируемыми властью имущими, но она в этот «положительный набор» включает то, что соответствует ее интересам, благодаря информатизации и цифровизации он быстрее изменяется и распространяется в обществе. Функционал «культуры», транслируемой через всеобъемлющие технологии, с неотвратимостью задает смыслы, особенно в цифровом обществе, в том числе и вне «осмысленной рационализированной формы», открывая возможности каждому желающему стать автором контента, тем самым увеличив «управляемый хаос», с «целью ограничения» которого можно принимать любые нужные для контроля за «пассионариями» законопроекты.

В главе 3 «Общий структурный анализ трансформации уровней и характера культуры в цифровом обществе» авторы делают вывод, что «нет запроса на теоретические исследования развития культуры и морали в социально-практических целях в цифровом контексте» (с. 47–48). Согласимся с ним. Причины понятны: надежные модели управления давно разработаны и апробированы за рубежом, в России же для управления ситуацией и достижения

² С. 68. Возьмитель А.А. Объективные и субъективные характеристики успеха постсоветской столичной молодежи // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 4. С. 67–86. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.751.

³ С. 151. Фишман Л.Г. Рец. на книгу: Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021 // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 148–153.

нужных целей, как показал опыт, достаточно было их ретрансляции. Исследования на тему «Как предотвратить риски превращения “человека в киборга”» не соответствуют глобальным целям «мирового правительства» и, следовательно, могут быть только инициативными, востребованными узким кругом «неравнодушных» к этой проблеме.

Еще одна дискуссионная тема: каковы будут последствия того, что «в настоящее время ведущей и перспективной тенденцией развития культуры является создание условий для развития свободной индивидуальности человека. В частности, с помощью новых средств и условий, которые создаются с помощью информационных технологий и новых коммуникационных сетей» (с. 50). По нашему мнению, марксистский постулат «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», имевший совершенно другое содержательное наполнение в XIX в., таит в условиях цифрового общества «вирус» самоуничтожения человечества, поскольку традиционная мораль, религия и уголовный кодекс утрачивают регулирующее значение даже по отношению к тому, что обеспечивает существование человеческой популяции. По данным исследования Российского общества социологов 9751 студента вузов в 2022 г.⁴, в идеальном обществе должно быть толерантное отношение к сексуальным меньшинствам (79,9% из 7614 ответивших на вопрос), возможность однополых браков (76,7% из 6584), возможность смены пола (71,7% из 6400), легализация легких наркотиков (63,3% из 4951). Иначе говоря, «свободное развитие каждого» ведет к утрате инстинкта самосохранения большинством популяции. Мотивация таких предпочтений объясняется правом человека на выбор ценностей⁵.

Но для всех ли и с какой целью тогда нужно развитие «свободной индивидуальности» или она иллюзия, вброшенная для активизации потребностей «ниже пояса» у большинства населения? К месту вспомнить предупреждение М. Ковальчука, высказанное им во многих выступлениях, в том числе на Парламентском часе в Совете Федерации в 2015 г.: «...сегодня возникла реальная технологическая возможность вмешаться в процесс эволюции человека. И цель – создать принципиально новый подвид *Homo sapiens* – служебного человека. ...Свойство популяции служебных людей очень простое: ограниченное самосознание, и когнитивно это регулируется элементарно, мы с вами видим, это уже происходит. Вторая вещь – управление размножением, и третья вещь – дешевый корм, это генно-модифицированные продукты. И это тоже уже все готово. Значит фактически, сегодня уже возникла реальная технологическая возможность выведения служебного подвиды людей. И этому помешать уже не может никто, это развитие науки, это по факту происходит, и мы с вами должны понимать, какое место в этой цивилизации мы можем занять»⁶.

Ковальчук сделал упор на месте России в этой новой системе мировых координат, но это не отменяет того, что и в самой России каждому будет определено место согласно «сословной» принадлежности. Солидаризируемся с мнением О.Н. Четвериковой, выступавшей на круглом столе «Концепция возрождения образования и науки в России» (С.-Петербург, 30 сентября 2020 г.), что «мир вступил в цивилизацию, принципиальное отличие которой в том, что если раньше технологии были направлены на изменение мира вокруг человека, то в настоящее время акцентируется изменение самого человека, в том числе через изменение его генома. В цифровой цивилизации большинство населения

⁴ Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61–78. ISSN 2408–9338.

⁵ Широкалова Г.С. Верификация визуальности: что вижу – то пою // Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность. Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Уфа, 24–26 ноября 2020 г.) / Башкирский государственный университет; отв. редактор Р.Б. Шайхисламов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 162–171. ISBN 978-5-7477-5252-8.

⁶ Директор «Курчатовского института» М. Ковальчук выступил на заседании Совета Федерации в рамках «Времени эксперта». 30 сентября 2015 г. URL: <http://council.gov.ru/events/multimedia/video/44107.4> (дата обращения: 02.01.2023).

становятся биотехнологическими объектами, в результате чего общество будет жестко структурировано»⁷. Вне сомнения, активизация работы по разъяснению угроз, которые заложены в проекте цифровизации российского образования, необходима, но к ней уже не готово и педагогическое сообщество⁸.

Будучи преподавателями вуза, авторы учебного пособия не могли не отразить распад связи вопроса и ответа в современных коммуникациях: «Преимущественно задаются такие вопросы, которые не требуют адекватных ответов, то есть ответов, которые являются решением проблемы. Наступило инфантильное время, время “почему-чек”, которых устраивает правдоподобный ответ, а не истинный, не решение проблемы» (с. 313). Авторы не хотят правдоподобных ответов от студентов. Но любой ответ на задаваемый ими же вопрос: «Почему человек сторонится своей же культуры, ищет какую-то иную, часто обрекая себя на определенную антропологическую ущербность?» (с. 319), сегодня будет лишь правдоподобен: неисчислимо число фактов, которые надо проанализировать для ответа на него, и далеко не все из них доступны.

Поэтому искать ответы надо не столько в теории культуры, сколько в практике взаимоотношений социальных страт, когда-то графически изображенных П.А. Сорокиным в виде пирамиды. Но если тогда в национальной культуре доминировали две: дворянская и крестьянская, то сегодня на каждой ступени пирамиды их будет несколько. Но это уже другая теоретико-практическая задача. В заключение отметим, что всесторонний анализ авторами понятийного аппарата при исследовании феномена культуры дает надежный инструмент оценки процессов в современной культуре. Учебное пособие будет полезно не только для студентов, но и обществоведов широкого профиля.

Г.С. ШИРОКАЛОВА

ШИРОКАЛОВА Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор Нижегородской сельскохозяйственной академии; старший научный сотрудник Приволжского филиала ФНИСЦ РАН; ведущий научный сотрудник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия (shirokalova@list.ru).

Kozyrkov V.P., Pridatchenko M.V., Shalyutina N.V. SOCIOLOGY OF CULTURE IN A DIGITAL SOCIETY: a textbook. Ed. by V.P. Kozyrkov. St. Petersburg: Aleteya, 2021. Reviewed by G.S. SHIROKALOVA

DOI: 10.31857/S013216250024383-4

Galina S. SHIROKALOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Nizhny Novgorod State Agricultural Academy; senior researcher, Volga Branch of FCTAS RAS; Leading Researcher, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia (shirokalova@list.ru).

⁷ Ольга Четверикова: Цифровая цивилизация рассматривает человека как технологический объект. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Fno31uuFftk> (дата обращения: 02.01.2023).

⁸ Широкалова Г.С. Реформа образования. Педагог, знай свое место! // Обучение, тестирование и оценка. Мат. Международной конференции. Вып. 20. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2021. С. 206–212.

ПАМЯТИ САЙМОНА КЛАРКА

(26.03.1946–27.12.2022)

На 76-м году ушел из жизни известный английский социолог Саймон Кларк, специалист в области социальной теории, истории социологии, социологии труда и трудовых отношений, почетный профессор Уорвикского университета.

С. Кларк получил экономическое образование в Клэр Колледж, Кембридж (Clare College, Cambridge) (1964–1967). В 1971 г. защитил PhD в департаменте социологии университета Эссекс. В 1972 г. начал работать в департаменте социологии Уорвикского университета, верность которому сохранял на протяжении почти 40 лет, до ухода на пенсию в 2009 г.

Почти 30 лет его жизни и работы были теснейшим образом связаны с Россией. Впервые он приехал в нашу страну в 1990 г. прочитав курс лекций на Высших социологических курсах для молодых социологов из разных российских регионов. Его лекции открыли нам, его слушателям, социологию, в которой была не только высокая и нередко сухая теория, но и жизнь. Такой социологией хотелось и интересно было заниматься. Уже в 1991 г. Кларк вместе с Питером Файрбразером начали первые исследовательские проекты в России. Они были посвящены изучению перестройки трудовых отношений на российских предприятиях и исследованию независимых профсоюзов. Исследования строились преимущественно на качественной методологии, в первую очередь на множественном кейс-стади. Это было практически первое теоретически и методически обоснованное использование этого исследовательского метода в России.

В 1994 г. Саймоном Кларком вместе с российскими коллегами-социологами был создан Институт сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО), который вел научно-исследовательскую и просветительскую деятельность в России около 20 лет. В нашей стране это был один из первых независимых исследовательских центров с командами в Москве, Кемерове, Сыктывкаре, Самаре, Перми, Екатеринбурге и Ульяновске. С. Кларк стал основателем в России новой формы организации научной деятельности – исследовательской сети (research network). ИСИТО отличала открытость членства, высокая вовлеченность всех участников, коллективные формы сбора и анализа информации, совместное написание научных публикаций и, в конечном итоге, высокая результативность.

К концу 1990-х годов ИСИТО стал ведущим институтом в России в области изучения трудовых отношений, признанный не только международным научным сообществом, но и правительством России и международными организациями. По заказу Международной организации труда и Всемирного банка были реализованы масштабные проекты по изучению процессов реструктуризации угольной промышленности России, переселения работников из районов Крайнего Севера, реформирования социальной сферы предприятий и создания новых рабочих мест.

О масштабах вклада Саймона Кларка в развитие международной и российской социологии красноречиво говорят научные результаты. Под его руководством исследователи ИСИТО реализовали десятки проектов. Вот лишь некоторые из них, названия которых отражают сферу его интересов: «Перестройка управления и трудовых отношений на предприятиях России», «Реструктурирование занятости и формирование рынка труда в России», «Новые формы занятости и стратегии выживания российских домохозяйств», «Управление инновациями и модернизация постсоветской промышленности», «Профсоюзы и трудовые отношения в России», «Реструктуризация российской угольной промышленности».

При этом Кларк никогда не был кабинетным ученым. Он принимал самое активное участие в проектах, неоднократно бывал на объектах наших кейсов в разных городах России (Воркуте, Кемерове, Новокузнецке, Перми, Самаре, Сыктывкаре, Москве),

участвовал в полевой работе, брал интервью у руководителей предприятий и начальников цехов, профсоюзных деятелей и рядовых работников (сначала с помощью переводчика, а потом и сам выучил русский язык).

По результатам исследований было опубликовано 18 монографий, около 1000 статей в научных и профессиональных журналах, глав монографий, докладов в материалах российских и международных конференций, в СМИ. Архив ИСИТО с тысячами интервью с работниками российских предприятий был размещен им на сайте Уорвикского университета и может быть полезен и интересен для будущих поколений социологов.

Благодаря энергии и помощи Саймона Кларка многие начинающие социологи из России в 1990-е г. прошли стажировки в Уорвикском университете и стали высококвалифицированными специалистами. Многие исследователи ИСИТО впоследствии защитили кандидатские и докторские диссертации и заняли ключевые позиции в российских университетах и исследовательских центрах.

Мы счастливы, что жизнь подарила нам встречу с Саймоном Кларком, который объединил нас в команду – коллег, единомышленников и друзей. Нам трудно представить свои профессиональные биографии без его влияния, помощи, участия.

Каждый из нас гордится тем, что может назвать его своим Учителем и Другом. Всю свою жизнь он вдохновлял людей вокруг себя и заряжал их своей неугасимой энергией. Мы любим, искренне благодарны и храним теплые воспоминания.

Покойся с миром, наш любимый Учитель и Друг.

Команда Института сравнительных исследований трудовых отношений

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2023 No. 2

CONTENTS

SOCIOLOGY OF GOVERNANCE AND ADMINISTRATION

- 3 CHIRIKOVA A.E., LEDYAEV V.G. Small Russian Town: Practices of Interaction between Municipal Authorities and Business
- 16 BALABANOVA E.S., PORTNYAGINA A.A. Favoritism in Russian Organizations: Antecedents and Consequences
- 28 MAYKOVA E.Yu., SIMONOVA E.V. Relationship of Trust in Local Self-Government and Participation in Self-Governing Practices (by example of the Tver Region)
- 41 NOVOKRESHCHENOV A.V. Local Government Reform: Processes, Problems, Paradoxes

SPECIAL OPINION

- 51 KRAVCHENKO S.A. Geopolitical Challenges and Russian Sociology

SOCIOLOGY OF CULTURE

- 63 DANILOV A.N. The Programming Role of Culture in the Theory of Social Evolution
- 72 GABDRAKHMANOVA G.F. Language Landscape of a Russian City: Socio-Humanitarian Approaches to its Study

SOCIOLOGY OF YOUTH

- 83 KISILENKO A.V., SHAPOVALOVA I.S. Designing the Course of Life or How Do Youth See Their Future?
- 95 SHASHKOVA Y.Y., ASEEV S.Y. Migratory Emotions and Political Attitudes of Siberian and Far Eastern Students: Correlational Problem

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

- 104 MANUILSKAYA K.M., SOLODOVNIKOVA O.B., MALKOVA E.E. Subjective Well-Being of Russians: the Risks of Preretirement Age
- 115 KIENKO T.S. Older People and the Pandemic: Social Exclusion, Heterogeneity of the Groups of Seniors and Intersectionality of age Inequalities

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 125 DAVYDOV D.A. Marxism Captived to Intersectionality

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 137 DADAEVA T.M., SHUMKOVA N.V. Factors of Students Involvement in Destructive Practices in Real and Digital Spase
- 143 TYURIKOV A.G., GRYZENKOVA J.V., KUNIZHEVA D.A. Financial Culture of Student Youth as a Predictor of Economic Behavior

ACADEMIC EVENTS

- 150 ADAMYANTS T.Z. Social Communication in Modern Russian Society
- 152 SKOBELINA N.A. The Vector of an Interdisciplinary Platform of Social Work in Modern Russia
- 153 SKVORTSOV N.G. The Journal is a Platform for Discussing New Ideas, Approaches, Data
- 154 Identity Problems in Modern Kyrgyzstan

ANNIVERSARY

156 ROMANOVSKY N.V. is 85!

REFLECTING ON A NEW BOOK

158 TEMNITSKIY A.L. Does Precarity of Employment Affect all Spheres of Life?

165 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: *Strebkov D.O., Shevchuk A.V. What do We Know about Freelancers? Sociology of Free Employment. Moscow: VSHE, 2022. Reviewed by R.N. Abramov; Kozyrkov V.P., Pridatchenko M.V., Shalyutina N.V. Sociology of Culture in a Digital Society: a textbook. Ed. by V.P. Kozyrkov. St. Petersburg: Aleteya, 2021. Reviewed by G.S. Shirokalova*)

IN MEMORIAM

173 S. Clarke

175 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)